

•НИЛ СТИВЕНСОН•
•НИКОЛЬ ГАЛЛАНД•

Взлети и падение
ДОДО

fanzon

Большая фантастика

Нил Стивенсон

Взлет и падение ДОДО

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стивенсон Н. Т.

Взлет и падение ДОДО / Н. Т. Стивенсон — 2017 — (Большая фантастика)

ISBN 978-5-04-095664-7

В начале научной революции магия играет заметную роль, но со временем исчезает. В постмагическом мире первой четверти ХХI века секретный Департамент ищет причины ее упадка, чтобы подчинить своей воле и сделать инструментом большой политики. Диахронические путешествия приносят ученым неожиданные результаты. Магия научна, но не означает всемогущества.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-095664-7

© Стивенсон Н. Т., 2017

Содержание

От авторов	6
Часть первая	7
Часть вторая	81
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Нил Стивенсон, Николь Галланд

Взлет и падение ДОДО

Neal Stephenson, Nicole Galland

THE RISE AND FALL OF D.O.D.O.

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*** * ***

Посвящается Лиз Дархансофф

От авторов

К читателю: для вашего удобства мы добавили список персонажей, а также словарь сокращений и терминов мира Д.О.Д.О. Поскольку эти перечни содержат множество спойлеров, мы поместили их в конец книги.

Н.С. и Н.Г.

Часть первая

Диахроника

(вступление, июль 1851 г.)

Меня зовут Мелисанда Стоукс, и это моя история. Я пишу в июле 1851 года (нашей эры, или, чего уж тут юлить, от Рождества Христова) в гостевой комнате зажиточного дома в Кенсингтоне, Лондон, Англия. Однако я не уроженка этого места и времени. На самом деле больше всего я хочу отсюда на фиг-свалить выбраться.

Но это вам уже известно. Поскольку, закончив свои записки, которые называю ДИАХРОНИКОЙ (почему – скоро разъяснится), я отнесу их в неприметное отделение банка Фугтеров на Треднидл-стрит, запру в депозитный ящик и передам самому влиятельному лондонскому банкиру, а тот поместит их в сейф на сто шестьдесят с лишним лет. Фугтеры лучше кого бы то ни было понимают опасность диахронического срыва. Они знают, что открыть ящик и прочитывать записки раньше времени – значит вызвать катастрофу, которая сотрет финансовый центр Лондона с лица Земли и оставит на его месте дымящийся кратер.

Вообще-то это будет хуже дымящегося кратера... но именно так событие войдет в историческую летопись после того, как выживших свидетелей отправят в сумасшедший дом.

Я пишу стальным пером-вставочкой номер 137В производства бирмингемской фирмы «Хьюс и сыновья». Я попросила самое тонкое перышко, отчасти чтобы меньше тратиться на бумагу, отчасти чтобы им легче было проткнуть палец и выдавить капельку крови. Бурое пятно в верхней части этого листа можно будет проанализировать в любой ДНК-лаборатории XXI века. Сравните результаты с материалами из моего досье в штаб-квартире ДОДО, и вы убедитесь, что я – ваша современница, пишущая в середине XIX столетия.

Я намерена подробно изложить, как сюда попала, какими бы бредовыми ни казались мои объяснения. Говоря словами Питера Гэбриэла, певца и музыканта, который родится через девяносто девять лет: это будет мое заявление.

Заявляю, что я здесь против своей воли и меня *перенесли* сюда из 8 сентября 1850 года из Сан-Франциско в Калифорнии (за день до того, как Калифорния стала штатом США.)

Заявляю, что я из Бостона первой четверти XXI века. Там я работаю в Департаменте организации диахронических операций, секретном правительственном учреждении, где все пошло наперекосяк из-за внутренней измены.

Сейчас, когда я пишу, в 1851 году, магия угасает. Исследования, проведенные мною по заказу ДОДО, показали, что окончательно она исчезнет к концу этого месяца (28 июля). Когда это произойдет, я застряну в постмагическом мире до скончания дней, и о моей судьбе узнают лишь из этих записок. Мне удалось найти приют в благоустроенном (по меркам 1851 года) доме, где у меня есть перо, чернила, досуг и возможность писать вдали от посторонних глаз, но все это я получила за счет свободы: хозяева не выпустят меня одну даже для вечернего променада, а уж тем более – на поиски спасительницы-ведьмы.

Одно предварительное замечание. Если кто-нибудь из ДОДО это прочтет, бога ради, добавьте корсетье в список сообщников, которых надо вербовать в любом викторианском ВиМНе. Корсеты шьются индивидуально по женской фигуре, и очень неприятно просить чужой или покупать готовый, хотя прислуга и женщины победнее так обычно и поступают (но

не зашнуровывают их туго, так как занимаются физической работой). Поскольку меня здесь держат из милости, я не хочу обременять хозяев просьбой заказать еще и корсет, но тот, что на мне сейчас (одолженный у хозяйки), жмет немилосердно. По сравнению с ним ренессансный корсаж – просто бикини. Кроме шуток.

Диахроника

день 33 (конец августа, 0 год)

В которой я знакомлюсь с Тристаном Лионсом и опрометчиво ввязываюсь в историю, не подозревая, во что это выльется

Я встретила Тристана Лионса в коридоре кафедры древних и классических языков Гарвардского университета. Я была внештатным преподавателем, то есть вела те курсы, на которые никто другой не польстился. Без возможности заниматься научной работой и без уверенности, что мой контракт продлят в следующий раз.

В тот день, идя по коридору, я услышала сердитые голоса из кабинета заведующего кафедрой, доктора Роджера Блевинса. Дверь в кабинет была чуть приоткрыта. Обычно она стоит нараспашку, чтобы мы видели выставку всех заслуженных и незаслуженных дипломов и грамот на стене, либо плотно закрыта, и тогда надпись: «Не беспокоить» псевдоготическим шрифтом 48-го кегля напоминает, что общаться с доктором Блевинсом – великая честь.

Но тогда она была, вопреки обыкновению, приоткрыта. Меня разобralo любопытство, и я заглянула внутрь – в тот самый миг, когда подтянутый мужчина решительно выходил из кабинета и на пороге обернулся к Блевинсу с выражением не то брезгливым, не то насмешливым. При этом он задел бицепсом мое плечo, да так, что я отлетела и растянулась на полу. Он машинально попятился и с громким стуком впечатался рюкзаком в косяк. Из кабинета неслся возмущенный голос Блевинса.

– Виноват, – сказал мужчина, краснея до корней волос. Он был примерно одних со мной лет.

В следующий миг он метнулся вперед, чтобы помочь мне встать, отчего дверь с силой распахнулась настежь – аккуратно мне по щиколотке. Я вскрикнула от боли. Черда гневных инвектив из кабинета оборвалась на полуслове.

Блевинс – седая грива уложена идеальной волной, одет так, будто готов в любую минуту выступить присяжным экспертом, – вышел из кабинета и осуждающе воззрился на меня сверху вниз.

– Что вы тут делаете? – спросил он, словно застал меня за подглядыванием в замочную скважину.

– Извините, мисс, это я виноват, – вымолвил молодой человек, вновь протягивая мне руку.

Блевинс ухватился за дверь и потянул ее на себя.

– Думайте, где идете, – обратился он ко мне. – Если бы вы шли *посередине* коридора, столкновения бы не произошло. Потрудитесь немедленно встать и удалиться.

Блевинс глянул на молодого человека с выражением, которое я из своей позиции разобрать не смогла, и ушел в кабинет, хлопнув напоследок дверью.

Мгновение мы оторопело молчали, затем молодой человек протянул мне руку, и я, поблагодарив его кивком, встала. Мы стояли довольно близко друг к другу.

– Я... – снова начал он. – Я очень извиняюсь...

– Пустяки, – ответила я. – Ну ты и впрямь хорош, если сумел разозлить Роджера Блевинса.

Он глянул растерянно, как будто в его кругах не принято ругать начальство. В итоге мы устали друг на друга, причем без всякой неловкости. Он был приятной наружности, типаж выпускника военной кафедры, и, судя по выражению, моя внешность тоже его не отталкивала, хотя обычно ребята из КПОЗ на меня не заглядываются.

Внезапно он протянул руку и представился:

– Тристан Лионс.

– Мелисанда Стоукс, – ответила я.

– Ты с кафедры древних и классических языков?

– Да. Жалкий и забитый внештатный преподаватель.

И вновь тот же оторопелый, осторожный взгляд.

– Я угощу тебя кофе, – проговорил Тристан.

Наглость с его стороны, конечно, но отшить человека, который взбесил Блевинса, было бы черной неблагодарностью.

Он предложил пойти в «Апостольское кафе» на Централ-сквер, минутах в десяти ходьбы по Массачусетс-авеню. Стояло то время года, когда в Бостоне уже отчетливо чувствуется осень и семь с лишним десятков университетов и колледжей выходят из летней спячки. Улицы полнились минивэнами: родители со всего Северо-Запада перевозили детей в общежития и на съемные квартиры. На тротуарах теснились облезлые диваны и другой хлам на выброс. Добавьте всегдашнее городское движение – пешеходов, машины, велосипеды, трамваи, автобусы, троллейбусы – и все они куда-то спешат, толкаются, грохочут. Тристан, воспользовавшись предложением, взял меня за локоть. Это какая самоуверенность нужна, чтобы такое себе позволить? Да и просто вообразить, будто в такой толкучке можно идти рядом. Однако он упорно протискивался вперед, бросая на ходу извинения. Точно не здешний.

– Ты хорошо меня слышишь? – спросил он почти в ухо (я шла на полшага впереди).

Я кивнула.

– Позволь кое-что объяснить тебе по дороге. Если к тому времени, как мы доберемся до кафе, ты сочтешь меня психом или маньяком, просто скажи, я закажу тебе кофе и уйду своей дорогой. Но если ты не сочтешь меня психом или маньяком, то нам предстоит очень серьезный разговор, возможно, на несколько часов. У тебя есть планы на обед?

В моем тогдашнем кругу такое поведение было настолько неприемлемо, что я до сих пор удивляюсь, почему не развернулась и не пошла прочь. Но на самом деле его неотесанность и грубоватая прямота мне скорее импонировали. И, надо сознаться, я хотела узнать, что он скажет.

– Возможно, есть, – ответила я. (Ложь: никаких планов у меня не было.)

– Ладно, слушай, – начал он. – Я работаю на теневую правительственную структуру, о которой ты никогда не слышала, и если попытаешься ее загуглить, то не найдешь ни одной ссылки, даже у чокнутых конспирологов.

– Никто, кроме чокнутых конспирологов, в жизни не скажет «теневая правительственная структура».

– Вот потому-то я так ее и назвал. Не хочу, чтобы меня принимали всерьез – моей работе лишнее внимание ни к чему. Так вот, наше предложение. Скажи, если заинтересуешься. У нас есть некоторое количество очень старых документов – в частности клинописных, – и нам нужно, чтобы все их перевел, хотя бы в общих чертах, один и тот же человек. Заплатим очень хорошо. Но я не могу рассказать, где и как мы добыли эти документы или почему они нас интересуют. И ты не сможешь никому об этом рассказать. Даже упомянуть в компании друзей: «Ах да, я делала секретный перевод для правительства». И если мы опубликуем твой перевод, у тебя не будет на него авторского права. Если ты узнаешь из переведенного материала нечто исключительное, ты не сможешь поделиться этим с миром. Ты – винтик в механизме. Анонимный винтик. И для продолжения разговора ты должна с этим согласиться.

– Так вот за что Блевинс тебя вышвырнул, – заметила я.

– Да, он приверженец идеалов научной свободы.

Дорогой читатель, оцени, что я не заржала не рассмеялась ему в лицо.

– Ничего подобного.

Тристан снова оторопел и посмотрел на меня, как щенок, которому наступили на хвост. Поправка: учитывая его кпозовскую выправку, пусть будет взрослой овчаркой.

– Он возмутился, что не получит славы и гонораров за публикации, – пояснила я. – Но вслух этого сказать не мог. Поэтому идеалы научной свободы и все такое.

Пока мы переходили Темпл-стрит, Тристан кроме шуток обдумывал услышанное. Таких учат уважать начальство. У Блевинса, безусловно, чрезвычайно начальственные замашки. Так что это была маленькая проверка. Взорвется ли его прямолинейный мозг?

Сквозь толпу я различила в золотом осеннем свете вход на станцию «Сентрал-сквер».

– А ты как к этому относишься? – спросил Тристан.

– К научной свободе? Или к работе за деньги?

– Ты еще не столкнула меня с тротуара. Так что, полагаю, мы говорим о втором.

– Зависит от величины чека.

Он назвал сумму, вдвое превышающую мой годовой оклад, с оговоркой: «...как только ты убедишь меня, что справишься с этой работой».

– Для чего будут использоваться переводы?

– Засекречено.

Я лихорадочно соображала: есть ли у меня причины отказаться от этой выгодной подработки?

– Не могут ли они прямо или косвенно спровоцировать неблагоприятные действия или физическое насилие со стороны твоей теневой структуры?

– Засекречено.

– Это означает «да», – заметила я. – Или хотя бы «возможно». Иначе ты бы просто сказал «нет».

– Сумма, которую я сейчас назвал, – это полугодовой контракт. С возобновлением по обоюдному желанию. Дополнительные бонусы обсуждаемы. И мы пьем вместе кофе или нет?

Мы как раз приближались к «Апостольскому кафе».

– От кофе беды не будет. – Я тянула время, пытаюсь просчитать в голове: зарплата в четыре раза больше, чем на моей нынешней должности. Плюс бонусы. Не говоря уже о смене начальства.

Мы вошли в кафе – очень красивое кирпичное здание бывшей старинной церкви, с высоким сводчатым потолком, витражами и неуместно современными столами и стульями на мраморном полу. Здесь была ультрасовременная кофемашина и – к немалому моему смущению – стойка ровно там, где должен был размещаться алтарь. Бар огибал внутреннюю стену апсиды. Заведение открылось совсем недавно, но уже завоевало популярность у техногиков из Гарварда и Массачусетского технологического. Я сюда попала впервые и слегка позавидовала, что в Кембридже не столько лингвистов, чтобы обзавестись таким же уютным излюбленным местечком.

– Что желаете? – спросила бариста, девушка азиатской внешности с интересным пирсингом, татуированными бровями и манерой общения, в которой мешалось «я такая неординарная, а эта работа – такой отстой» и «у меня по-настоящему крутая тайная жизнь, а эта работа – просто уродливый фасад». На кармашке у нее было вышито: «Джулия Ли. Профессиональная «#####.###». (Что я перевела примерно как «гобоистка-приколистка»).

Мы заказали кофе. Тристан – черный, я – то, чего никогда бы в нормальных обстоятельствах не взяла: какое-то арт-латте с экзотическими добавками – я методом тыка прочла название в меню над баром, вызвав у баристы чуть заметную усмешку. Я рассудила, что агентов теневых правительственных структур наверняка учат психологически оценивать потенциал

ных рекрутов, и не хотела, чтобы Тристан все обо мне узнал раньше, чем я решу, соглашаться ли на его предложение. (И еще он был довольно симпатичный, и я слегка дрожала, так что решила спрятать нервозность за деланой экстравагантностью.) В итоге у него оказалась чашка чудесно пахнущего кофе, а у меня нечто малоприспособное для питья.

– Ты заказала это, чтобы сбить меня со следа на случай, если я занимаюсь какой-то ниндзя-психооценкой твоей личности, – заметил Тристан тоном небрежного предположения. – По иронии это говорит о тебе больше, чем если бы ты просто взяла что всегда.

Вид у меня, вероятно, был ошеломленный, потому что он ухмыльнулся с почти зверским самодовольством. Было что-то пугающе завораживающее в том, что тебя полностью раскусили так быстро и без всяких видимых усилий. У меня вспыхнули щеки.

– Как? – спросила я. – Как ты это сделал?

Он подался ко мне, сцепив большие сильные руки.

– Мелисанда Стоукс... Можно называть тебя Мел?

Я кивнула. Он прочистил горло, как будто показывая, что переходит к официальной части.

– Если мы этим займемся, нам предстоит три этапа. Во-первых, прежде всего ты должна будешь подписать соглашение о неразглашении. Затем я попрошу тебя сделать несколько пробных переводов, чтобы мы могли оценить твою работу, а потом нам надо будет проверить твои анкетные данные.

– Сколько времени это займет?

Зарплата в четыре раза больше моей. Возможно, с медстраховкой, включающей стоматолога.

И без Блевинса.

Тристан похлопал по рюкзаку, который, садясь, поставил рядом со стулом.

– Бланк соглашения о неразглашении здесь. Если ты подпишешь его сейчас, я эсэмэской отправлю в Вашингтон твою фамилию и номер социального страхования. Впрочем, не важно, номер твоего социального страхования они уже знают. И проверят твои анкетные данные быстрее, чем ты закончишь давиться той бурдой, которую себе заказала. Так что вопрос лишь в том, сколько времени тебе понадобится на пробные переводы. Но... – он предостерегающе поднял палец, – как только ты подпишешь соглашение, отыграть назад будет уже нельзя. Ты взялась за эту работу, если только мы сами не раздумаем тебя брать. Ты отказаться не можешь. С момента подписания ты у меня под началом по меньшей мере на шесть месяцев. Без дураков. Так что, может, сегодня мы просто поговорим, ты возьмешь соглашение домой и отдашь мне его завтра, после того как обдумаешь на свежую голову?

– Где я найду тебя завтра? – спросила я.

– Засекречено, – ответил он. – Я сам тебя найду.

– Не люблю, когда меня отслеживают. Я лучше подпишу прямо сейчас.

Тристан некоторое время смотрел на меня в упор. Не как в первый раз, когда мы разглядывали друг друга и это удивительным образом воспринималось как нечто совершенно естественное. Сейчас чувствовалось напряжение, но я не совсем понимала из-за чего. Мне хотелось думать, что я просто рада одним махом избавиться от Блевинса и в четыре раза увеличить свой доход. Однако если быть совсем честной с собой, надо признаться: мне было лестно, что меня выбрал обладатель такой приятной наружности.

– Хорошо, – сказал он мгновение спустя и потянулся к рюкзаку.

Я прочитала соглашение, где говорилось ровно то, что перечислил Тристан, и это придавало пунктам документа разом шаблонность и неповторимую значимость. Я протянула руку, и Тристан дал мне казенную шариковую ручку. Небо и земля по сравнению с чуть запачканным кровью тонким стальным перышком фирмы «Хьюс и сыновья», которым я пишу сейчас.

Как только я подписала документ, Тристан подался еще ближе ко мне и тихо, явно очень довольный собой, проговорил:

– У меня с собой несколько клинописных табличек, на которые ты можешь взглянуть, если захочешь.

Я вытаращила глаза.

– Ты носишь клинописные артефакты в рюкзаке?!

Он пожал плечами:

– Если они пережили падение Угарита... – В его глазах сверкнул мальчишеский огонек. Сейчас он определенно рисовался. – Так хочешь на них взглянуть?

Я только кивнула – слов у меня не осталось. Тристан выудил из рюкзака кусок глины размером и формой примерно с бигмак. Так вот что брякнуло о косяк в кабинете Блевинса! По всей поверхности шли ровные аккуратные ряды... *клинописи*. Тристан обходился с табличкой, будто это мяч для регби. У меня на долю секунды наступила дезориентация. Я видела такие только в музее, где к ним никто не прикасался без перчаток, а теперь табличка лежала на столе рядом с моим псевдокофейным пойлом. Я почти боялась к ней прикоснуться; это казалось чуть ли не кощунством. Однако довольно скоро я отбросила щепетильность, погладила пальцами табличку и принялась изучать надпись.

– Это не угаритский, – сказала я. – Это хеттский. Тут есть значки аккадского типа.

Тристан, похоже, остался доволен.

– Отлично, – сказал он. – Можешь прочесть?

– С ходу – нет, – терпеливо ответила я. Некоторые очень романтически представляют себе полиглотов. Однако мне не хотелось уронить себя в его глазах, поэтому я быстро добавила: – Тут слабое освещение, мне трудно будет разобрать значки.

– Успеется, – сказал Тристан и все так же небрежно сунул табличку в рюкзак. Как только она исчезла из виду, я засомневалась, правда ли ее видела.

Тристан вытащил из рюкзака кое-что еще: стопку листов, и придвинул ее мне.

– Ручка все еще у тебя, – сказал он. – Хочешь начать с этих?

Я взглянула на листы. Там было семь фрагментов текста, преимущественно не латинским алфавитом – даже в старолатинском отрывке алфавит был этрусский. С первого взгляда я узнала древнееврейский и древнегреческий. Древнееврейский я знала лучше, поэтому в этот фрагмент вгляделась повнимательнее.

И сморгнула несколько раз, убеждаясь, что мне не мерещится. Затем для верности прочла греческий и латинский, после чего подняла глаза на Тристана.

– Я и без того знаю, что здесь написано.

– Ты уже делала эти пробы? – удивился он.

– Нет, – ехидно ответила я. – Я их *составила*.

Тристан смотрел на меня недоумевающе, и я объяснила:

– Я выбрала эти конкретные отрывки и написала перевод, чтобы проверять студентов. – У меня к щекам прихлынула кровь. – Это был мой проект под руководством Блевинса на последнем курсе.

– Он это нам продал, – просто сказал Тристан. – За большие деньги.

– Это были упражнения для семинара по синтаксическим конструкциям.

– Мел, *он нам это продал*, – повторил Тристан. – Не было никакого семинара по синтаксическим конструкциям. Мы – то есть люди в руководстве моей теневой правительственной структуры – работаем с ним давным-давно. У нас с ним *контракты*.

– Я бы охотно подписала семнадцать соглашений о неразглашении, – сказала я, – чтобы выразить сейчас всю глубину моих чувств к Роджеру Блевинсу.

Джулия Ли, профессиональная гобоистка-приколистка, вихрем пронеслась мимо и, не спрашивая, забрала наши чашки. Мобильник у Тристана пискнул, и он взглянул на экран. Потом что-то набрал на экране и сунул телефон в карман.

– Я только что сообщил, что ты с блеском сдала экзамен. А они мне сообщили, что ты прошла проверку.

– Разумеется, я прошла проверку. Кто я, по-твоему?

– Ты принята.

– Спасибо. Но кто бы ни были эти они, пожалуйста, передай им, что именно я составила тесты, которые только что прошла.

Тристан мотнул головой:

– Тогда начнется официальное расследование и публичный скандал, а теневым правительственным структурам такое не с руки. Извини. Впрочем, если проект развалится, можешь сказать Блевинсу все, что захочешь.

Телефон снова пикнул, и Тристан прочел входящее сообщение.

– А пока за работу. – Он убрал телефон и пожал мне руку. – У тебя была очень скучная правильная жизнь. Замечательно. А теперь попробуем это изменить.

Диахроника

день 34–56 (сентябрь, 0 год)

В которой речь заходит о магии

Тристан вознамерился приступить к переводам немедленно – в тот же вечер, поэтому заказал китайскую еду навынос, спросил мой адрес и сказал, что приедет через час с первой партией документов. Прошу отметить, я возмутилась, что он раскатывает по городу с древними артефактами на заднем сиденье своего потертого джипа.

Я жила тогда одна в квартирке в Северном Кембридже (что не делало меня в глазах окружающих старой девой либо распутницей, как сделало бы здесь). Отсюда я могла дойти пешком до станции метро «Портер-сквер» или доехать на велосипеде по Массачусетс-авеню и дальше через Гарвард-Ярд до университета (хотя этим маршрутом я с тех пор не ездила). Тристан прикатил ровно через час с пакетами китайской еды и шестью бутылками «Лучшего старого тиршитского горького»; как я скоро узнала, другого пива он не признавал. Он по-хозяйски экспроприировал практически все жилое и кухонное пространство, водрузив еду на разделочную панель, далеко от журнального столика, на котором разместил клинописную табличку, ноутбук и несколько шариковых ручек. Потом обвел комнату взглядом, поймал в прицел мою рабочую библиотеку, вытащил четыре словаря, положил их на столик и сказал:

– Давай сначала поедим. Умираю с голоду.

Мы впервые немного поболтали – коротенько, потому что Тристан ел слишком быстро, хотя тогда я ему об этом не сказала. Он изучал физику в Вест-Пойнте, но после выпуска оказался в военной разведке, что окольными путями (все подробности которых отсекались словом «засекречено») привело его в «теневую правительственную структуру».

Поскольку в моей жизни ничего засекреченного не было, я выболтала, откуда у меня знание стольких языков. Дело в том, что мои неверующие родители были воспитаны в католицизме и иудаизме соответственно, так что две пары бабушка-дедушка тягались за мои религиозные убеждения с самого раннего детства. В семь лет я выторговала у католических бабушки-дедушки разрешение не ходить в воскресную школу, если прочту Новый Завет по-латыни. Они согласились, считая, что мне это не по силам, и через полгода я бегло читала на классической латыни. Осмелев, я незадолго до тринадцати лет тем же методом избежала бармицвы, сдав

древнееврейский на уровне колледжа. Еврейские бабушка-дедушка предложили мне оплачивать по семестру в университете за каждый язык, освоенный на уровне колледжа. Таким образом я проучилась первые три курса.

Тристан остался очень доволен моим рассказом – не столько даже мной, сколько собой, словно похлопывал себя по спине за то, что разыскал такое чудо. Когда мы доели, он вымыл одноразовые контейнеры и аккуратно убрал в рюкзак, после чего воскликнул: «Ладно, приступим!», – и мы перебрались на диван, чтобы я посмотрела документы.

Помимо клинописной таблички, тут было что-то на гуаньхуа (официальный китайский), на рисовой бумаге примерно пятисотлетней давности – надо отдать Тристану должное, такие документы он все-таки брал в перчатках. Еще был пергамент с текстом на смеси латыни и старофранцузского по меньшей мере восьмивековой давности. (Я снова прифигела поразились, что такие сокровища лежат у меня на журнальном столике.) И, наконец, кусок дневника, написанного по-русски на бумаге, которая в сравнении с остальным выглядела просто новехонькой, и датированного 1847 годом. Библиотекарь во мне отметил, что на всех стоит один и тот же штамп – неразборчивый фамильный герб в окружении смазанных слов на смеси итальянского и латыни. Иначе говоря, все они были из библиотеки либо из проштампованной и каталогизированной частной коллекции.

Тристан, как и предупреждал, отказался говорить, где раздобыл эти артефакты и что это за странное, ничем (на первый взгляд) не связанное собрание. Однако через некоторое время я вроде бы уловила общую тему... хотя поверить в то, что я читаю, было нелегко.

Во всех документах упоминалась магия – да, магия. Упоминалась так же спокойно, как законы в юридическом документе или медицинские анализы – во врачебном отчете. Не фигуральная «магия», но буквальная магия мифов и сказок: необъяснимая сверхъестественная сила, которой обладали ведьмы – ибо все они, судя по этим документам, были женщины. Я не имею в виду веру в магию или склонность к магическому мышлению. Я хочу сказать, что авторы этих документов обсуждали ситуацию, в которой магия была жизненным фактом.

Например, на клинописной табличке перечислялись магические действия, за которыми государственные чиновники вправе обращаться к придворной ведьме в Кяхте с указанием оплаты за каждый вид ее услуг. В латино-французском тексте аббатиса Шали излагала историю некой молодой монахини, которая тщетно силилась отринуть магические способности; аббатиса винила себя в ее неуспехе, ибо недостаточно искренне молилась об избавлении несчастной от магического дара, поскольку дар этот часто облегчал жизнь всему аббатству. С текстом на гуаньхуа пришлось изрядно повозиться – языки азиатской группы я в то время знала довольно поверхностно. Сам текст представлял собой рецепт блюда, записанный в провинции заезжим чиновником; сведения о редких ароматических травах, входящих в рецепт, он приводил со слов местных ведьм (их занятия были перечислены в виде примечания сбоку от рецепта). И, наконец, в русском дневнике девятнадцатого века престарелая ведьма сетовала на упадок магических сил у себя и своих товарок. Здесь тоже мимоходом упоминалось, что хорошо бы отыскать некоторые травы.

Я переводила очень приблизительно, почти с листа, и, когда закончила четвертый текст, между нами на миг повисло молчание. Потом Тристан улыбнулся обезоруживающей озорной улыбкой.

– Что, если я тебе скажу, что у нас таких документов больше тысячи? Из всех эпох, со всех континентов.

– И все с одним и тем же фамильным гербом? – Я указала на нечеткий штамп.

– Это ядро собрания. Остальное мы добавили сами.

– Что ж, это поколеблет некоторые представления о реальности, про которые я даже не знала, что они у меня есть.

– Нам надо перевести их все, с тем чтобы извлечь общую суть.

Я посмотрела на него.

– Подозреваю, что в военных целях.

– Засекречено, – ответил Тристан.

– Я лучше справлюсь с задачей, если у меня будет контекст для перевода.

– Моя теневая правительственная структура собирает подобного рода документы уже много лет.

– Каким образом? – выпалила я. Меня поразило и возмутило, что хорошо финансируемая тайная военная организация соревнуется в таком вопросе с учеными. Это, безусловно, кое-что объясняло.

– Основная часть собрания, как ты заметила, получена из частной коллекции в Италии.

– ЧИП.

– Что-что?

– Чокнутый итальянский придурок, – ответила я.

– Да. Мы приобрели ее некоторое время назад. – Тристан дернул щекой и отвел взгляд. – Неправда. Мы ее украли. Пока этого не успели сделать другие. Долгая история. Так или иначе, она дала нам много наводок, благодаря которым мы сумели заполучить и другие материалы. Всеми правдами и неправдами. Теперь мы считаем, что набрали критическую массу, которая после перевода даст возможность понять, что такое «магия», как она работала и почему упоминания о ней не встречаются позже середины девятнадцатого века.

– И эта информация нужна вам для каких-то военных целей, – настаивала я.

– Мы хотим, чтобы все переводы выполнил один человек, – гнул свое Тристан, упорно не отвечая на мой вопрос. – По трем причинам. Во-первых, бюджет. Во-вторых, чем меньше глаз, тем спокойнее. В-третьих и в-главных, если один человек проработает все материалы, выше шансы уловить мелкие совпадения и закономерности.

– И почему эти совпадения и закономерности вас интересуют?

– Нынешняя гипотеза, – продолжал Тристан, по-прежнему не отвечая на вопрос прямо, – состоит в том, что магию уничтожила всемирная эпидемия вируса, поражающего только ведьм. Я в это не верю, но мне нужно больше данных, прежде чем я решусь предложить альтернативную гипотезу. Впрочем, у меня есть подозрения.

– И они засекречены?

– Засекречен сам факт, засекречены ли они.

Документов было много, но в основном короткие; часто просто обрывки. За три недели, работая в одиночестве у себя за журнальным столиком, я вчерне перевела первую партию. За это время я также написала заявление, извинилась перед студентами, что бросаю их еще до того, как мы успели познакомиться, забрала вещи из гарвардского кабинета и сумела убедить родителей, что по-прежнему работаю, не сказав толком, чем занимаюсь. Тристан поддерживал со мной связь по меньшей мере дважды в день – обычно приезжал лично, иногда звонил и разговаривал в самых обтекаемых выражениях. Мы ни разу не обменялись мейлами или эсэмэсками; все общение было только на словах. Необходимость в такой конспирации приятно щекотала нервы, хоть и немного смущала. Я понятия не имела, что Тристан делает в остальное время. (Естественно, я спросила. Его ответ можете угадать сами.)

Ничего подобного со мной в жизни не было. Казалось, мы работали вместе всегда, и в то же время между нами ощущалась наэлектризованность, какая бывает только в самом начале отношений. Ни я, ни он не стали этого развивать – хотя если мне такое не свойственно по характеру, уж Тристан-то (при всей его правильности и самодисциплине) из тех, кто на подобное склонен отзываться сразу. Так что я отнесла все это волнение в крови на счет общего дела. Интеллектуальная близость между нами была гораздо лучше всех моих прошлых романов. Если Тристан с кем-нибудь встречался, я могла не завидовать его девушке – самое классное все равно доставалось мне.

Под конец этих трех недель, когда Тристан заехал ко мне забрать последние (как я тогда наивно думала) переводы, он огляделся и нашел глазами вешалку. Некоторое время он изучал ее, затем снял с крючка мой плащ. Был уже конец сентября, погода портилась.

– Вставай, сейчас поедem в офис, – сказал Тристан. – Я угощу тебя обедом.

– Так у теневой правительственной структуры все-таки есть офис? Я думала, ее штаб-квартира в твоей машине.

– Он неподалеку от Сентрал-сквер. На Карлтон-стрит, в пятнадцати минутах ходьбы от «Апостольского кафе». Что скажешь про еду по-китайски?

– На каком диалекте?

– Ха, – без улыбки произнес он. – Лингвистический юмор. Довольно натужно, Стоукс.

Он подал мне плащ, но не отдал, когда я за ним потянулась, а мотнул головой. Давая понять, что поможет мне его надеть – обычай, куда более распространенный в Лондоне 1851-го, нежели в том времени и месте. Последовала низкопробная комедийная сценка, покуда я, стоя к Тристану спиной, силилась попасть в рукава. Псих ненормальный.

Карлтон-стрит – бедная падчерица в обширном семействе улочек и проездов возле МТИ, где гнездятся десятки биотехнологических компаний. Почти весь район превратили в стильные офисные комплексы с ландшафтными парками, мини-кампусами, архитектурными излишествами на тему двойной спирали и абстрактными стальными скульптурами. Впрочем, здание Тристановой конторы реновация пока не затронула. Оно было совершенно безликое: длинная, на весь квартал, бетонная коробка середины двадцатого века, серого цвета, неожиданно и неприятно контрастирующего с тротуаром. Несколько граффити на фасаде; вертикальные виниловые шторы на одинаковых прямоугольных окнах запылились и висели криво. Ни списка жильцов, ни табличек с логотипами – вообще никаких указаний, что внутри.

Когда мы, нагруженные бутылками с пивом и пакетами с китайской едой, подошли к стеклянным входным дверям, уже смеркалось. В сумерках почти все здания обретают своеобразную красоту, но это было редким исключением. Тристан приложил бумажник к черной пластине в стене, дверной замок щелкнул и открылся. Мы двинулись в пространстве между гудящими люминесцентными лампами и ковровым покрытием по коридору мимо глухих дверей: деревянных, засаленных возле ручек, украшенных только названиями фирм – как я догадывалась, техностартапов. У некоторых были настоящие логотипы, у некоторых – лишь хитроумные названия печатными буквами, у одной – просто доменное имя, накарябанное на клейком листочке. Мы прошли через все здание и очутились перед дверью рядом с лестницей. На этой двери не было даже названия, лишь приклеенное синей изолянтной пленкой из китайского ресторана, обратной стороной наружу. На листке кто-то – наверно, сам Тристан – цветным маркером изобразил птицу. Она была нарисована в профиль: комическая, большеногая и с огромным клювом.

– Додо? – спросила я.

Тристан не ответил. Он отпирал дверь.

– Значит, угадала. Если бы я назвала неправильно, ты бы меня высмеял.

Он обернулся через плечо и с обычным непроницаемым выражением поднял одну бровь, затем толкнул дверь и потянулся к выключателю.

– У тебя дар художника-карикатуриста, – сказала я, входя следом за ним.

– Добро пожаловать в ДОДО, – произнес он.

– Департамент особых... чего?

– Кое-чего засекреченного.

Помещение было от силы десять на пятнадцать футов. В противоположных углах стояло по столу, на каждом – плоскопанельный монитор и клавиатура. По стенам расположились разномастные икейские полки – подозреваю, что Тристан вытащил их из мусорных контейнеров несколько недель назад, – и два узких высоких сейфа, в каких обычно держат оружие. На одном

из них теснились военного вида сувениры, вероятно, оставшиеся от прежней карьеры Тристана. Полки были заставлены уже знакомыми мне древними книгами и артефактами. Середину комнаты занимал длинный стол. Под ним я заметила свернутый коврик для йоги с засунутой внутрь подушкой, перевязанный резиновым жгутом.

Я указала на коврик:

– И давно ты...

– На случай, если ты волнуешься, душ я принимаю в спортзале. – Тристан указал на ближайший из двух столов, тот, что стоял у двери. – Это твой.

Я тихонько ойкнула.

– У тебя здесь... есть оружие?

– Тебя это смущает? – спросил он, ставя на длинный стол пакеты с едой. – Если да, мне лучше узнать об этом заранее, поскольку...

– И какая огневая мощь, по-твоему, тебе понадобится?

– А, ты заметила сейфы? – спросил Тристан, проследив мой взгляд. – Нет.

Он набрал на ближайшем несколько цифр. Сейф пикнул, дверца открылась, и я увидела, что он снизу доверху набит документами.

– Здесь я держу самые конфиденциальные материалы.

Я повернулась к своему столу. Передо мной был плоский монитор с несколькими строками зеленого текста на черном фоне. Мигающий курсор явно предлагал мне что-нибудь ввести.

– Где ты откопал эти компьютеры? На гаражной распродаже из тысяча девятьсот семьдесят пятого года?

– На них стоит секьюрная операционная система, о которой ты никогда не слышала. Она называется «Блестящая шапочка».

– «Блестящая шапочка».

– Да. Самая клинически параноидальная операционка в мире. Поскольку у тебя гипертрофированное чувство иронии, Стоукс, тебе, возможно, небезынтересно будет узнать, что мы купили ее у хакеров, которые особенно боялись прослушки со стороны теневых правительственных структур. Теперь они работают на нас.

– Сообщил ли им кто-нибудь об изобретении компьютерной мыши? Потому что на своем столе я ее не вижу.

– Графический пользовательский интерфейс имеет уязвимости, которыми могут воспользоваться черные хакеры. «Блестящая шапочка» защищает от подобного рода вредоносных программ, но пользовательский интерфейс... спартанский. Я помогу тебе его освоить.

На столе Тристана грудami лежали мои прежние переводы с его цветными карандашными пометками. Он перенес часть бумаг на центральный стол, а я тем временем разложила по одноразовым тарелкам китайскую еду.

Пока мы ели, Тристан прочел мои последние переводы, а потом мы заново просмотрели все материалы за три недели и так увлеклись, что просидели всю ночь почти до рассвета.

Из расшифрованных документов не удалось извлечь почти никакой полезной информации о практической методологии колдовства – а, насколько я поняла, Тристановых боссов интересовала именно она. Мы нашли несколько *примеров* магии, из которых смогли заключить, что именно ценили сами ведьмы и те, кто прибегал к их услугам. Выше всего котировалось то, что Тристан называл пси-про (психологические процессы – главным образом манипуляция сознанием) и способность к превращениям. Последнее считалось мощным оружием, вне зависимости от того, оборачивалась ли ведьма львицей или превращала врага в низшую форму жизни. Этому мы в качестве поклона в сторону «Монти Пайтона» присвоили название «три-тон». Среднюю позицию занимало претворение одних веществ в другие и оживление неодушевленных предметов. Наименее ценились перемещения в пространстве и времени, такие как

телепортация – они в кругу ведьм считались трудоемкой забавой. Почти все, что я привыкла ассоциировать с магией по множеству прочитанных в детстве и юности книг, увы, отсутствовало – например, почти не упоминалось управление стихиями. А о самой технике магических действий не было вообще ни слова.

Впрочем, мы поняли кое-что важное касательно упадка магии, и это привело нас к следующему этапу исследования.

Диахроника

день 57–221 (зима, 0 год)

В которой Тристан решает восстановить магию

На рассвете Тристан отвез меня домой забрать библиотеку, которая после переезда из университетского кабинета заняла значительную часть жилого пространства. Он накачивал меня кофе с круассанами, пока я не почувствовала себя в силах начать новый день, не завершив предыдущего. Потом мы вернулись в офис, и Тристан, широко улыбнувшись, вручил мне шифр к одному из сейфов. Тот был забит ксерокопиями документов, манускриптов и артефактов, которых я еще не видела.

– При твоих темпах перевода тебе это примерно на месяц.

– Я и не знала, что осталось так много.

Тристан вытаскивал документы из сейфа и раскладывал на столе.

– Стал бы я заключать с тобой контракт на полгода, будь у меня работы на тридцать дней. Там, откуда это, осталось еще значительно больше. Но теперь, когда мы набросали общую картину, дело пойдет быстрее. Ты знаешь, что искать.

– Я по-прежнему не знаю, зачем это ищу.

– Ты знаешь, что это засекречено, – проговорил он тоном почти отеческим. – Садись. Еще кофе хочешь? Бюджет у нас – кот наплакал, но я могу сгонять в «Данкин Донатс».

– ДОДО, – сказала я. – Департамент... объединения донатами?

– Ты любишь с посыпкой?

Пока он ходил за донатами, я вытащила свои словари и приступила к работе.

Если верить моим переводам, в начале Научной революции (Коперник в 1540-х и так далее) магия играла в человеческих делах весьма заметную роль, а к ведьмам в большей части общества относились с тем же почтением, что к военачальникам или жрецам-духовенству (хотя писали о них редко, поскольку их работа чаще всего была аналогом «засекреченного»). Однако к тому времени, как на смену Ренессансу пришла эпоха Просвещения, магия заметно ослабила свои позиции, особенно в образовании и управлении государством. Судя по сотням упоминаний в тексте, она слабела в эпоху Промышленной революции, сохраняя определенное влияние в кругу людей искусства и теряя его в среде натурфилософов (эти два направления, долгое время тесно связанные, как раз начали расходиться). Она была сильнее в тех обществах, где промышленность развивалась менее бурно, а также в исламских культурах – и полностью исчезла в XIX веке. Самый поздний текст был датирован июлем 1851 года. ДОДО не сумел найти ни одного более позднего упоминания магии, кроме как чего-то, что «было, но прошло».

Я перевела все ксерокопии из сейфа быстрее, чем ожидал Тристан, однако работы не убавилось. Мне начали сниться сны на мертвых языках. Курьеры на машинах без фирменных логотипов каждый день доставляли в унылое офисное здание старинные фолианты, свитки, таблички. Департамент... обработки допотопных объектов? Среди документов на английском и современных западных языках преобладали рассказы племенных старейшин в записи пер-
вых антропологов. Я переводила Тристану те из них, которые он не мог прочесть сам, а он

составлял базу данных. Читатель, если ты не знаешь, что такое база данных, поверь мне на слово: объяснение не добавит моему повествованию занимательности. Если знаешь – поблагодаришь меня за то, что я избавила тебя от подробностей. Эта задача, даже при современном пользовательском интерфейсе довольно нудная, в «Блестящей шапочке» представляла собой отупляющий каторжный труд. Тристану приходилось писать небольшие программки, чтобы автоматизировать некоторые операции ввода.

Например, мы заносили в базу, откуда взялся документ: скопирован в Библиотеке Конгресса? Или просто скачан из интернета? Или это оригинал, редкий или даже существующий в единственном экземпляре? Есть ли на нем штампы либо библиотечные пометки? У непропорционально большого числа документов имелся на титульном листе тот самый штамп, который уже успел мне примелькаться: герб какого-то аристократического семейства в окружении декоративных завитушек. За отсутствием другой информации я просто вводила их в базу под кодом ЧИП. У заметной доли чиповских документов были более старые штампы – ни много ни мало Ватиканской библиотеки. Напрашивался вопрос: украл их ЧИП? Взял на время и не вернул? Тристан отвечать отказывался.

Книги поступали почти с той же скоростью, с какой я успевала их переводить. Мы открывали новую коробку, складывали на место вынутых книг уже переведенные, и неотличимые курьеры тут же ее уносили. Куда? На многих коробках был логотип, мне в ту пору не знакомый, но теперь я знаю, что это осовремененная версия древнего фирменного знака, с незапамятных времен принадлежащего банкирской семье Фугтеров.

Эта фаза поглотила почти весь мой полугодовой контракт. Суровая новоанглийская зима сменилась весенней слякотью. Другие арендаторы – по большей части хилые стартапы – разорялись либо шли в гору и переезжали. Всякий раз, как такое случалось, Тристан делал пару телефонных звонков и получал ключ к освободившемуся помещению. Таким образом, ДОДО распространялся вширь. Нам доставались в наследство дешевые пластиковые стулья, побитые кофеварки, сломанные канцелярские шкафы. Приезжали подтянутые техники на машинах без фирменных логотипов и ставили на двери считыватели ключ-карт, раздвигая и укрепляя то, что Тристан называл «периметром». База данных росла, словно комок пыли под кроватью. Тристан думал, как проанализировать ее для поиска закономерностей. Мы вешали на стену распечатки, снимали их, снова вешали, протягивали между кнопками цветные ниточки. Мы забредали в тупики и выбирались из них, строили огромные башни «Дженга» из догадок и почти со смехом их рушили.

Но никогда у нас не было сомнений в главном: существовала некая причинно-следственная связь между развитием научного знания и упадком магии. Они не могли спокойно сосуществовать. В той мере, в какой из базы данных удавалось вытащить хоть какие-то цифры, было ясно, что магия медленно, но неуклонно слабела с середины семнадцатого века. Она еще держалась в начале девятнадцатого столетия, однако в тридцатых годах начался обвал. В 1840-х магия стремительно сходила на нет. По мере того как документы – в том числе написанные самими ведьмами – заполняли строй бзушных канцелярских шкафов и оружейных сейфов, которые Тристан покупал через сайт объявлений «Крейгслист», мы прослеживали упадок магии от года к году, от месяца к месяцу. Несчастные в ужасе писали, что теряют силы, иногда даже называли конкретные заклинания, которые работали считанные недели назад, а теперь не действуют.

Оказывается, в 1851-м – в том самом году, где я очутилась и где пишу эти слова, – все технологии мира сошлись на Великой выставке в недавно построенном великолепном Хрустальном дворце в лондонском Гайд-парке. Гипотеза Тристана состояла в том, что такая концентрация технологических достижений в одной точке пространства-времени настолько пригасила магию, что та угасла окончательно. Словно в залитом водой костре, в ней не осталось ни единой искорки, чтобы разгореться вновь.

Причинная связь между этими явлениями долго ускользала от моего понимания. Сперва я предположила, что магия процветала, пока люди в нее верили, но Тристан такой подход отменил: мол, это что-то из детской литературы, а не из реальности. Он был убежден, что имела механическая либо физическая причина: нечто в технологическом мировоззрении либо в самой технологии «заглушило частоты», на которых работала магия. Мы оба начали читать о Великой выставке все, что можно, в надежде отыскать подсказку.

(Возможно, вы заметили, что я значительно вышла за пределы своих штатных обязанностей переводчика. Перевод, и особенно перевод малопонятных текстов на мертвых языках, сродни разгадыванию загадок. А это была всем загадкам загадка! Я невольно заразилась энтузиазмом Тристана и, не имея других обязанностей, ушла в его проект с головой, в точности как он сам.)

По подсказке Тристана я брала стопки книг в библиотеке Уайденера (Гарвард еще не понял, что я уволилась – подозреваю, Блевинс скрыл этот факт как неблагоприятный для своей репутации). Среди них были тома о чем угодно от гелиографии до личной жизни королевы Виктории, от сексуальных наклонностей Бенедикта Спинозы до Фредерика Бейкуэлла, от «Предсказателя бурь» до числа Струхалю. Я приносила книги Тристану, и мы одну половину времени посвящали им, другую – поискам в Интернете.

Вскоре мы уже знали про Великую выставку и ее тринадцать с лишним тысяч экспонатов больше, чем сам принц Альберт. Мы знали про ее павильон, Хрустальный дворец, больше, чем сам Джозеф Пакстон, садовник, построивший это утробное величие. Мы узнали крайне мало полезного. Тем не менее однажды мартовским вечером, когда я сидела на диване, купленном в комиссионке по моему настоянию, дабы придать офису хоть какой-нибудь уют, а Тристан развалился на ковре (такого же происхождения) подле столика с пивом и оба мы уже отупели от бесконечного чтения, я наткнулась на отрывок в брошюре под названием «Любопытные и занимательные астрономические истории», напечатанной в 1887 году. Из нее я узнала, что за время Великой выставки 1851 года (она продолжалась несколько месяцев) в другой части Европы, а именно в Кенигсберге, произошло любопытное событие: впервые в истории удалось сфотографировать солнечное затмение.

Я зачитала этот пассаж вслух, и Тристан чрезвычайно возбудился. Он и раньше подозревал, что из всех технологий именно фотография с наибольшей вероятностью могла каким-то образом повредить магии. Теперь он перешел от подозрений к уверенности. Мне не сразу удалось успокоить его настолько, чтобы он сумел объяснить ход своих мыслей.

– Честно признаюсь, физик я никакой, – сказал он. – Да, у меня диплом физика, но я никогда в этой области не работал. Впрочем, образование не пропьешь. Я до последнего вздоха буду верить, что, если магия существовала, этому есть какое-то научное объяснение.

– Ты себе противоречишь. Вся наша рабочая гипотеза состоит в том, что именно наука ее сломала.

Тристан поднял руку.

– Давай разбираться вместе. Ты когда-нибудь слышала о многомировой интерпретации квантовой механики?

– Только в разговорах на вечеринках. И от этих разговоров тебе бы поплохело.

– Так вот. Есть эксперименты, результаты которых можно объяснить, только если принять, что система *существует более чем в одном состоянии* до того момента, когда ученый проведет наблюдение.

– Кот Шредингера? Потому что это все, что я об этом слышала.

– Это классический пример. Кстати, чисто мысленный эксперимент. Никто его на самом деле не проводил.

– Хорошо. Общество защиты животных им бы такого не спустило.

– Ты знаешь, в чем он состоит? – Не дожидаясь моего ответа, Тристан продолжил: – Сажай кота в коробку. В коробке есть колбочка с отравляющим веществом, которое, если разбить колбочку, убьет кота. Устройство, разбивающее колбочку, приводится в действие неким генератором случайных событий. Например, это может быть радиоактивное вещество, которое либо распадется, испустив немного радиации, либо не распадется. Закрываешь крышку. Кот, отравляющий газ и радиоактивное вещество становятся замкнутой системой. Ты не можешь предсказать, что произойдет, или узнать, что произошло.

– То есть не знаю, жив ли кот или умер.

– Не просто не знаешь. Не можешь узнать. Буквально никак. Так вот, согласно классическому физическому мышлению, он либо жив, либо мертв. В реальности возможно только одно из двух. Просто ты не знаешь, что именно. Но в квантовом мышлении *кот на самом деле и жив, и мертв*. Он существует одновременно в двух взаимоисключающих состояниях. До тех пор, пока ты не откроешь крышку и не заглянешь внутрь. Только тогда произойдет коллапс волновой функции.

– погоди, я все понимала почти до конца! Откуда взялась... как ты ее назвал? Волновая функция? И как происходит ее коллапс?

– Извини. Это просто физический жаргон для того, о чем я говорил. Если ты захочешь описать эксперимент с котом Шредингера математически, ты составишь уравнение, которое называется волновой функцией. Это уравнение – не что-то одно, а суперпозиция нескольких членов.

– Суперпозиция нескольких членов, – слабым голосом повторила я.

– Да. Член – некое математическое выражение. Функция состоит из них, как предложение – из фраз.

– Ты хочешь сказать, что один член – «кот жив», а другой – «кот мертв»?

– Да, о лингвист.

– А их суперпозиция?

– Математически это означает, что они вроде как суммируются и дают общую картину системы.

– Пока не наступает «коллапс» или как ты это назвал.

Тристан кивнул.

– Суперпозиция нескольких членов – это квантовая штука. Суть квантовой механики. Но вот что занятно: такая математика работает, то есть функция точно описывает систему, лишь до тех пор, пока ты не открыла крышку и не заглянула внутрь. В этот момент ты видишь либо живого кота, либо мертвого. Точка. Ты получаешь классическую систему.

– Департамент... обнаружения дохлятины?

Он закатил глаза.

– Так или иначе, это ты называешь коллапсом волновой функции?

– Да. Так физики называют момент, когда все описания разных возможных реальностей превращаются в один классический исход, который наш мозг способен воспринять.

– Наш научный, рациональный мозг, ты хочешь сказать, – поправила я.

Тристан довольно улыбнулся.

– Именно так.

– Но значит, мы возвращаемся к моей теории! – возмутилась я.

Он слегка растерялся.

– К какой теории?

– К той, про которую ты сказал, что она скорее из детской литературы, чем из реальности. Помнишь?

– Ах да. Что люди должны верить в магию.

– Да!

– Я говорил немного о другом. Да, человеческий мозг – регистрирующий орган. Но выслушай меня. Если ты принимаешь многомировую интерпретацию квантовой механики, то все возможные исходы на самом деле где-то случаются.

– То есть в одном мире кот жив, а в другом мертв.

– Именно так. Кроме шуток. Полностью независимые реальности, которые отличаются лишь в одном: тут кот жив, там мертв. А квантовая суперпозиция? Она просто означает, что ученый, который собирается открыть крышку, стоит на развилке. Перед ним открыты обе дороги – оба мира. Он может шагнуть либо на одну, либо на другую. А как только он снимает крышку, решение принимается. Он либо в одном мире, либо в другом, и возврата нет.

– О'кей, – сказала я. Не в смысле «согласна», а в смысле «я тебя внимательно слушаю».

– Ученый не может управлять тем, на какой дороге он окажется.

Я видела, что он меня троллит – ждет, пока я заглочу наживку.

Нет, не совсем так. Тристан хотел, чтобы я упомянула возможность, которую он держит в голове, не может назвать вслух – потому что он весь такой из себя ученый.

И я сказала, что он хотел:

– Давай немного изменим условия. Поменяем белый халат и блокнот на... не знаю, остроконечный колпак и метлу. И возьмем другое местоимение. Если *она* каким-то образом может выбирать, в каком мире окажется, когда снимет крышку... если она может управлять исходом...

– Это будет похоже на магию.

– Что значит «будет похоже»? Это и будет магия.

– Просто речь о том, чтобы выбирать возможные исходы из реально существующих – скользить между тесно связанными альтернативными реальностями, – а не порождать эти реальности.

– Принципиальной разницы никакой.

– Для обычного наблюдателя? Не изучавшего квантовую физику? Никакой, – согласился он.

– Называй, как хочешь. Ведьма может вызвать желаемый результат из параллельной-дефис-одновременной реальности. Есть исторические упоминания о том, как ведьмы что-то «вызывали», – это буквально то, что они делали.

– Моя гипотеза, – сказал Тристан, тщательно выговаривая слова, поскольку выпил уже несколько бутылок «Лучшего старого тиршитского горького», – состоит в том, что фотография перечеркивает возможность того, что ты назвала «вызыванием». Фотография уничтожает магию, запечатлевая конкретный момент – одну версию реальности. Как только момент таким образом запечатлен, все остальные его возможные версии исключаются из мира, содержащего эту фотографию.

– Понятно, – сказала я. – Не остается пространства для магического маневра.

Тристан кивнул. Ему явно полегчало от того, что он раскрыл душу. И от того, что я не подняла его на смех.

– Ты уже некоторое время про это думаешь, – сказала я.

Он снова кивнул.

– Но только когда мы увидели дагеротип солнечного затмения, картинка сложилась окончательно.

– Именно так.

– Это всего лишь один дагеротип из чертовой уймы, – заметила я. – К тому времени люди фотографировали уже шестнадцать лет. Что особенного в этом конкретном снимке?

– Наверное, масштаб явления, – сказал Тристан. – Число затронутых разумов и миров. Если я – Луи Дагерр в своей парижской лаборатории и снимаю то, что попало под руку, да, я коллапсирую волновую функцию. Но пока это затрагивает только мой мозг и мелкие пред-

меты в моей лаборатории. Если я покажу дагеротип жене или приятелю, то следствие – коллапс волновой функции – распространится и на них. Можно предположить, что живущие по соседству ведьмы лишатся части магических сил, так и не поняв почему. Но у полного солнечного затмения двадцать восьмого июля тысяча восемьсот пятьдесят первого года свидетелей было больше, чем у какого-либо другого исторического события до того времени.

– Конечно. Вся Европа могла его видеть...

– Сотни миллионов людей, Мел. Достаточно было поднять голову. Это событие зарегистрировали больше человеческих глаз, чем любое выступление Бейонсе на «Ютубе». И когда его заморозил, запечатлел дагеротип...

– Если прежние фотографии могли лишь притушить магию, то теперь на нее вылили целый Атлантический океан.

Тристан кивнул.

– Когда створка аппарата открылась, чтобы сделать первый идеальный снимок затмения, магия перестала работать во всех человеческих обществах.

Мы проверили даты на всех документах 1851 года. И впрямь, имелись три за первую половину (один на английском, другой на итальянском) и фрагмент, датированный последней неделей июля (на венгерском). После 28 июля – даты солнечного затмения – ни одного.

– Значит, оно, – проговорил Тристан, вставая. Он уперся руками в стол и задумчиво уставился в стену.

– Да, – ответила я, чувствуя странную опустошенность. Мне до сих пор не объяснили, зачем ДОДО стремится постичь суть магии, но здравый смысл подсказывал, что цель – ею овладеть. Департамент оккультных деловых отношений? Очевидно, этому не бывать. – От фотографии не избавиться, значит, магии больше не будет.

Тристан замер и мгновение спустя резко повернулся ко мне.

– Ты права, – произнес он, глядя в пространство. – Где нет фотографии, по-прежнему может существовать магия.

– Я не это сказала.

Он заходил по офису. Мы несколько расширили пространство за счет соседних помещений, снеся стены, но Тристану все равно приходилось выписывать восьмерки, лавируя между стопками книг, отдельно стоящими оружейными сейфами, пустыми пивными бутылками и высокотехнологическим военным оборудованием, назначение которого мне так и не раскрыли.

– Как избавиться от фотографии? – спросил он скорее себя, чем меня.

– Это невозможно.

– Нет, это определенно возможно. – Глаза его смотрели куда-то вдаль. – Я только должен придумать как.

– В каком смысле «как»?

Тристан скривился и мотнул головой – мол, не говори под руку.

– Я что-то упускаю, – сказал он. – Что именно?

– Ты упускаешь момент, когда фотография проникла везде и магия исчезла навсегда.

Он повернулся ко мне. Взгляд наконец сфокусировался, глаза сияли.

– Нет, – проговорил он почти укоризненно. – Наше дело не безнадежно.

Так не излагают гипотезу или теорию – так говорят о вере или о знании. У меня по спине пробежал холодок.

– Понимаю, что ты многого не можешь мне сказать, – начала я. – Но давай выкладывай то конкретное, что ты сейчас от меня скрываешь. Иначе я ничем тебе помочь не смогу.

Взор его вновь затуманился. Очевидно, Тристан вел какой-то внутренний монолог. Наконец он кивнул.

– Много я тебе открыть не могу. Но скажу: мы знаем, что это возможно.

– Мы?

– ДОДО, – подтвердил он. – Есть свидетельства. Больше я сказать не могу.

– Вау, – выдохнула я, ощущая прискорбную для лингвиста нехватку слов. – Господи...

– Да. В том-то и дело. Решение есть. Просто... – Он с досадой протянул руку, словно хотел взять что-то из воздуха. – Просто я чего-то не вижу. И я очень близок к ответу. Это точно должна быть фотография. Все сходится. Даты. То, что магия чуть раньше угасла в обществах, где любили и ценили фотографию, и продержалась чуть дольше в культурах, где фотографии не было, – у мусульман и у первобытных племен. Это, безусловно, оно. Должен быть какой-то способ сделать так, чтобы фотография не появилась.

– Но облачные технологии, смартфоны, видеонаблюдение означают, что фотография буквально повсюду.

– Мне не нужно избавляться от нее повсюду, – нетерпеливо произнес Тристан. – Только в одном управляемом пространстве.

Он резко остановился посреди комнаты и обвел ее прищуренными глазами, словно глядя на невидимых коллег.

– О'кей. Часть решения. Если мы создадим контролируруемую среду, в которой фотография не только не возникла, но и *не могла* возникнуть, не исключено, что в этой среде будет возможна магия.

– И вы в ДОДО думаете, что кто-то это уже делает?

Тристан медленно кивнул.

– Если смогли они, сумеем и мы. Надо только сообразить как. – На мгновение он полностью ушел в свои мысли, даже постоянная настороженность профессионального военного исчезла за интроспекцией ученого. – Давай разобьем задачу на части. Первое: фотография вызвала коллапс волновой функции.

– Да. По крайней мере ты мне так сказал. Поэтому я буду просто сидеть и поддакивать.

– Итак, – продолжал он, – если мы сможем помешать этому коллапсу... – и, увидев мое непонимающее лицо, добавил: – Если мы попытаемся удержать квантовые шарики в воздухе...

– То есть не открывать коробку?

– Какую коробку?

– Ту, в которой кот. Кот Шредингера.

Он легонько мотнул головой:

– Это просто мысленный эксперимент. Но в твоих словах что-то есть.

Я прекрасно знала, что такое мысленный эксперимент. Однако это могло подождать. У меня было чувство, будто мы что-то нащупали. И меня завораживал – и отчасти пугал подтекст: что это не просто сухой научный проект, а нечто вроде боевых действий. Где-то в мире занимаются магией. Правительство США не знает как – а может быть, даже кто. Повторяется история с первым искусственным спутником – кто-то нас обогнал. Тристанову теневую правительственную структуру наверняка создали в панической попытке наверстать разрыв.

Тристан снова сел и забормotal свои заклинания («коллапс волновой функции», «квантовая спутанность»). Я вбила их в «Гугл», пока Тристан, склонившись перед монитором с «Блестящей шапочкой», работал в другом поисковике, доступном лишь сотрудникам теневых правительственных структур. Первоначальный запрос «квантовая волновая функция» принес четыреста тысяч результатов (три миллиона, если без кавычек), а расширенный поиск (с добавлением слова «коллапс» и так далее) уменьшил их число до примерно тридцати пяти тысяч. По большей части это были ютубовские ролики: гиковатые старшеклассники ставили опыты в подвале родительского дома, часто с применением холодильника и старых фотохимикатов; довольно многие заканчивались несильными, но зрелищными взрывами. Еще было стопицот студенческих работ, которые Тристан зарубил за одни названия. Мы добавляли все новые и новые слова, чтобы уточнить запрос. Так прошло несколько часов. Улов нулевой.

Мы сделали перерыв на обед (индийская еда навечно – настоящая индийская, не то безвкусное «карри», которое вошло сейчас в моду в викторианском Лондоне по случаю того, что Ост-Индская компания захватила Пенджаб). Мы продолжали поиск весь вечер; я поехала на велосипеде домой, поспала, вернулась, и мы стали искать дальше. Чуть позже утром мы ненадолго прервались, чтобы прогуляться вдоль реки Чарльз: от долгого сидения в крошечном офисе недолго было повредиться в рассудке. Почти всю прогулку Тристан продолжал мозговой штурм в монологе, еще больше убедившем меня, что он, во-первых, гений, во-вторых, совсем не умеет слушать.

После прогулки он полез в холодильник – не осталось ли там какой-нибудь неиспорченной еды, а я вернулась к экрану и начала проматывать результаты очередного расширенного поиска. Поскольку Тристан не смотрел мне через плечо, я попробовала кое-что: набрала запрос «эксперимент с котом Шредингера» и стала добавлять слова, чтобы уменьшить число результатов. Я исключила «мысленный эксперимент» и его немецкий аналог, *Gedankenexperiment*. Выбросила все, включавшее фразы: «Шокирующее открытие!» и «Ты не поверишь, что произошло дальше!». И сместила поиск в сторону слов «практический» и «реальный».

Читатель, ты не поверишь, что произошло дальше. Выпал один-единственный результат.

– Отклоненная заявка на патент, – прочла я вслух. – Кто-то в МТИ хотел запатентовать... секундочку...

Я заскользила взглядом по строчкам канцелярита и бюрократита (единственных языков, которыми не сумела овладеть), пока не нашла нечто осмысленное.

– ...камеру, предназначенную, цитирую, для глушения вражеских разведывательных устройств посредством удержания подопытного животного семейства кошачьих в неопределенном состоянии бытия. Конец цитаты.

Хлопнула дверца микроволновки.

– Я ничего не слышу, когда она работает. – Тристан повернулся ко мне. – Мне отчетливо показалось, будто ты сейчас что-то сказала про подопытное животное семейства кошачьих.

Я посмотрела ему прямо в глаза и кивнула.

– Это называется Онтического декогерирования камера. ОДЕК. Изобретатель – профессор Фрэнк Ода. Самовлюбленный тип, как я понимаю.

– Чего так?

– Назвал ее в свою честь. Ода – ОДЕК.

– Не уверен. «Онтический» означает...

– Я знаю, что оно означает.

– Что-то относящееся к знанию. Декогерирование, как, я уверен, тебе прекрасно известно, означает его противоположность. Что-то в камере препятствует возникновению определенного знания. Вполне в духе того, что мы ищем.

– Класс! – воскликнула я и начала гуглить Фрэнка Оду. – Давай узнаем, где он живет, и...

– Но это шутка, – отрезал Тристан. – Твой Ода – тролль. Да, научно подкованный. Очень остроумный. Но все равно тролль.

– Почему ты так думаешь?

– Подопытное животное семейства кошачьих. Мел, это просто розыгрыш. Фейковая заявка на патент, которую этот тип поместил в Интернет для лулзов. Протасил ее через какого-то темного патентного эксперта, не знающего физики и никогда не слышавшего про кота Шредингера. Всякий физик, который это прочтет, посмеется от души и забудет. А нам надо ограничиться серьезными...

Он сделал паузу, чтобы прочесть текст на моем ноутбуке, который я развернула к нему экраном.

Это была статья тридцатилетней давности. Я выудила ее из архивов «Клаксона» – ныне покойной еженедельной газеты, в свое время довольно популярной в Бостоне и Кембридже.

Она славилась своим левацким уклоном и любовью к раздуванию скандалов. В статье было две фотографии. На левой папарацци запечатлел пожилого мужчину азиатской внешности, выходящего из гаража. Справа помещался стоковый снимок вольера в приюте для животных: множество бродячих котов за провололочной сеткой.

ПРОФЕССОР ОДА НЕ УТАИЛ КОТА В МЕШКЕ

Профессор МТИ отрицает жестокое обращение с животными, но согласился досрочно уйти на пенсию.

Тристан облизнул с пальцев карри, потянулся к тачпаду и увеличил левый снимок.

– Пустые коробки, старые газеты, молочные и винные бутылки.

– Ты смотришь, что в мусорном пакете?

– Никаких мертвых котов. Живых тоже.

– Может, это мусорный пакет Шредингера.

Я развернула ноутбук к себе, а Тристан обошел стол, чтобы читать у меня из-за плеча. Разобрать статью оказалось непросто, учитывая разухабистый таблоидный стиль и дикие умозаключения вкупе с уверенностью, что Фрэнк Ода в чем-то провинился. Однако суть вроде бы получалась такая: тридцать лет назад Фрэнк Ода, физик-теоретик из Массачусетского технологического института, вышел из резервации и попытался заняться *экспериментальной* физикой.

Поначалу это была просто шутка: демонстрационное оборудование для вводного курса физики, состоящее из коробки с настоящим котом и муляжа аппарата, придуманного для *Gedankenexperiment* с котом Шредингера. Пока ничего страшного. Отличный способ оживить лекцию. Ни один кот не пострадал. Аппарат был подчеркнуто бутафорский – склянка с черепом и костями на этикетке и машина Голдберга, включавшая мышеловку и счетчик Гейгера. Но если верить статье, создавая это устройство, Ода помешался на его исходной концепции. Фундаментальной для квантовой механики и никем не оспариваемой.

– Твою ж мамашу! – воскликнул Тристан. Для него, подтянутого выпускника Вест-Пойнта, это было изрядным ругательством. Мы как раз дошли до третьей страницы. – Он правда это сделал.

Тристан показал на фразу в середине экрана.

Как стало известно «Клаксону» по записям Сомервильского приюта для бездомных животных, за три месяца прошлой весны доктор Ода взял из этого учреждения по меньшей мере шесть «домашних питомцев». Это совпало по времени с официальным требованием руководства МТИ убрать «все аппараты, использующие живые подопытные экземпляры» из его лаборатории на территории института. Бывший аспирант, который согласился побеседовать с корреспондентом «Клаксона» на условиях анонимности, так как опасается нежелательных последствий в профессиональном плане, сообщил, что доктор Ода исполнил это требование, переместив ОДЕК в подвал кембриджского дома, где проживает со своей женой, Ребеккой Ист.

– Может быть, Ребекка любит кошек, – предположила я.

– Тогда почему кошки жили в лаборатории МТИ, пока его оттуда не вышвырнули?

– Должно быть объяснение.

– Крути дальше.

Наш корреспондент разыскал безумного ученого в его доме, где тот открестился от любых неблагоприятных действий. «С самого начала речи не шло о том, что кот должен быть живым или мертвым, – оправдывался он, повторяя заверения, сделанные им во внутренней институтской переписке, которую удалось заполучить «Клаксону». – Убивать кота совершенно

незачем. Главное, что кот либо в одном состоянии, либо в другом. Я экспериментировал с другими состояниями – безболезненными и не представляющими угрозы для жизни». Когда журналистка потребовала конкретных примеров, Ода смутился и забормотал что-то невразумительное – что согласуется с сообщением анонимного источника по соседству, неоднократно наблюдавшего у него странности в поведении, близкие к симптомам старческой деменции. «Не знаю, в скольких состояниях может находиться кот? Спать или бодрствовать. Сидеть или стоять. Мурлыкать или мяукать. Для целей эксперимента любое из них годится не хуже, чем жив кот или мертв». На вопрос, почему не проводить аналогичные эксперименты на неодушевленных предметах, Ода снисходительно покачал головой. «Подопытный экземпляр должен содержать живую, активную мозговую ткань». На этом месте интервью прервала супруга Оды, Ребекка Ист, которая появилась из их дома – здания колониальной эры на зеленой улице возле гарвардского кампуса, – угрожающе потрясая метлой. Миз Ист, которая выглядела крайне недовольной, заявила, что ни один из котов не подвергался дурному обращению, и добавила, что все животные были взяты из «убойного приюта», то есть их в любом случае планировали усыпить. Опасаясь за свою личную безопасность, журналистка поспешно удалилась и позже подала заявление в Кембриджский департамент полиции. Дело было закрыто после того, как миз Ист заверила полицейского, что вышла с метлой с целью произвести уборку на дорожке у дома.

– Отрубить им голову! – воскликнула я.

Тристану уже надоело читать статью, и он начал искать Оду в своем сверхсекретном аналоге «Гугла».

– История довольно старая, Стоукс, – заметил он, не отрывая глаз от экрана. – И даже не вполне достоверная. Выбрось ее из головы. – Он продолжал читать. – погоди. Этот тип работал еще и в ДАРПА, занимался там...

– Что такое ДАРПА? – спросила я.

Тристан был шокирован.

– Ого, – протянул он почти задумчиво. – Ого. Ты правда не в курсе?

– Я занимаюсь изучением мертвых языков. Поэтому ты меня и нанял. С какой стати мне быть в курсе твоей профессиональной области. Как у тебя с сербохорватским? Что ты думаешь о связи оскского и марруцинского?

Кажется, моя горячность его позабавила.

– Не думал, что ты язва, Стоукс. Ладно. ДАРПА. Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны.

– А. Стелс-бомбардировщики. Это где придумывают новые способы убивать людей.

– Там много что придумали, – спокойно ответил Тристан. – Не только оружие. Технологию ночного видения, GPS-спутники. Уж наверно, живя в Бостоне, научаешься ценить GPS-навигатор.

– У меня велосипед, – ответила я свысока. – Я читаю *карты*. И не нуждаюсь, чтобы Большой брат говорил мне, куда ехать.

Тристан сразу протрезвел.

– Если ты собираешься наезжать на меня с антиправительственными штучками, то ничего не выйдет. Первое, что ты про меня узнала: я работаю на правительство, а второе, что я окончил Вест-Пойнт. Завязывай с этим делом.

Я слегка опешила от такой внезапной отповеди и примиряюще вскинула руки.

– Ладно. ДАРПА.

– И даже после вынужденного ухода из МТИ он продолжал делать серьезную работу – для них.

– В ней участвовали коты?

– Засекречено. Но я о том, что обвинения в старческой деменции беспочвенны. Он выдал стоящую работу еще... – Тристан доматал страницу донизу, – четыре года назад.

– В заявке на патент говорилось что-то о глушении вражеских разведывательных устройств.

– Когда ДАРПА платит тебе зарплату, – сказал Тристан, – все, что ты делаешь, связано с национальной обороной. Фрэнк Ода пытался создать оборонную технологию на основе той интересующей нас науки. Но... заявку отвергли.

– А что, по-твоему, означает эта строчка... – Я отмотала статью в «Клаконе» назад. – «Подопытный экземпляр должен содержать живую, активную мозговую ткань».

– Как-то связано с принципом работы ОДЕКа, наверное.

– Меня это немного смущает.

– Может быть, стоит спросить его самого.

Тристан что-то напечатал на компьютере. Потом глаза у него расширились, как всегда от приятного изумления.

– Стоукс. Он по-прежнему здесь. Совсем рядом, в Кембридже.

– Очень удобно. Адрес?

Вместо ответа Тристан развернул ко мне экран с гугл-картой.

Я чуть не подавилась сааг паниром.

– Два шага по Массачусетс-авеню от моего дома! Туда пешком от силы полчаса!

Тристан ухмыльнулся и сунул руку в карман.

– А позвонить еще быстрее. – Он набрал на телефоне номер с экрана. Когда пошли гудки, Тристан ухмыльнулся и подмигнул мне, словно ребенок, которому сейчас вручат приз за разгаданную загадку. Я улыбнулась в ответ.

Однако время шло, улыбка Тристана меркла. Наконец он дал отбой.

– Не берет трубку. – Он укоризненно глянул на телефон. – Даже автоответчика нет. Странно. Они сейчас у всех.

– Может, он технофоб.

– Профессор МТИ, пытавшийся запатентовать революционное изобретение?

– Его подняли на смех, – возразила я. – Он оскорбился до глубины души и стал технофобом.

– Перерыв на ланч закончен, – объявил Тристан, вставая и беря свой свитшот с эмблемой «Янкиз». – Мы отправляемся в гости.

Дом стоял в ряду зданий, выстроенных, судя по виду, в конце девятнадцатого века, но выделялся среди них, как отец-пилигрим на банкете в Белом доме. Простой, трехэтажный, с двускатной крышей, он был старше их по меньшей мере на сотню лет. Садик затмевал все соседние. Здесь было множество цветов, зелени и декоративных кустов, высаженных с той минималистической экономностью, какую мы привыкли видеть в японском ландшафтном дизайне.

Мы позвонили. Открыла пожилая женщина. Не японка, европейского вида. И даже коренная американка белого протестантского типа во всем, включая то, как она нас встретила.

– Ребекка Ист, я полагаю, – обратился к ней Тристан, протягивая руку.

– Ребекка Ист-Ода, – поправила она. На восьмом десятке, черные с проседью волосы уложены в пучок, свитер от Лоры Эшли – живое воплощение той особой породы новоанглийских конгрегационалистов, в которой холодный аристократизм сочетается с крестьянской закалкой. Такая женщина вежливо предложит вам валить в жопу, и вы отвалите, как миленькие, просто чтобы ее не огорчать.

По счастью, она не выразила свое пожелание словесно. Тристан объяснил, что мы хотим поговорить с профессором о его проекте времен МТИ. Ребекка с явной неуверенностью поджала губы.

– Это важно, – сказал Тристан.

– Фрэнк не любит говорить о работе с тех пор, как ушел на пенсию, – ответила она.

– Мы много времени не отнимем, и он будет рад нашему визиту, – возразил Тристан.

Ребекка смерила его подозрительным взглядом.

– Фрэнк сейчас отдыхает. Попробуйте заглянуть завтра.

Тристан открыл было рот, но я стиснула ему руку, вонзила ногти в запястье и заговорила:

– Прошу извинить нашу грубость, но мы были бы чрезвычайно вам признательны, если бы Ода-сэнсэй рассмотрел возможность уделить нам немного времени.

Ребекка некоторое время с осторожным интересом изучала мое лицо, затем метнула взгляд на Тристана – словно проверяя, заметил ли он, что она отвечает мне, а не ему, – и сказала:

– Я посмотрю, проснулся ли он.

Как только она ушла в дом, я повернулась к Тристану:

– Когда говоришь по-японски, с подобострастностью переборщить невозможно.

– Она не японка, – буркнул он.

– Я просто дала понять, что знакома с культурой ее мужа. – Словами не выразить, как мне было приятно, что я для разнообразия оказалась более компетентной. – А это означает, что мы будем держаться почтительно, а ей это важно, иначе она бы не отшила тебя с порога.

– Женщины все так усложняют, – с притворным отчаянием заметил Тристан.

– Если ты собираешься наезжать на меня с сексистскими штучками, то ничего не выйдет, – парировала я. – Первое, что ты про меня узнал: я женщина. Завязывай с этим делом.

– Стоукс, ты норм, – сказал он и взъерошил мне волосы, будто младшей сестренке.

Я оттолкнула его руку. Прежде чем выяснение отношений перешло в более активную стадию, на лестнице застучали деревянные башмаки – Ребекка Ист-Ода спускалась к нам.

Диахроника

день 221 (начало марта, 1 год)

В которой мы знакомимся с доктором Одой. И его женой

Она провела нас в дом, где чуть заметно пахло старым деревом и старой шерстью – я всегда воображала, что так пахли викторианские дома в викторианскую эпоху, пока недавно не выяснила горькую правду: на самом деле по крайней мере здесь, в Лондоне, они воняют китовым жиром, пачулями (их вплетают в женские шали, чтобы моль не съела ткань по пути из Индии), засорившейся канализацией. Теперь я убеждена, что тут все ходят в церковь ради ладана.

Но вернемся к нашей истории: Ребекка провела нас в комнату справа, где когда-то была парадная столовая, а теперь располагался кабинет ее мужа. Раздвижные окна впускали много света; книжные шкафы занимали обе дальние стены, оставляя место лишь для камина. На полках теснились кипы бумаг, журналы и скоросшиватели без какой-либо различимой на глаз системы. Доктор Фрэнк Ода, поджарый и бодрый японо-американский джентльмен с внешне-стью рассеянного ученого, сидел за столом, развернутым в сторону улицы. Ребекка представила нас и предложила чаю тоном, в котором явственно читалось: лучше бы мы ушли раньше, чем закипит чайник. Тристан с его полной социальной глухотой ответил: «Спасибо, да».

Профессор с улыбкой указал нам на гарвардские стулья перед его столом, поспешно убрав с одного потрепанные томики – «Анну Каренину» и «Геометрические перспективы теории калибровочной инвариантности» (под ред. д-ра Фрэнка Оды). Мы сели, и Тристан немедленно начал излагать, что мы пытаемся сделать (не упоминая, зачем это нам) и как наткнулись в интернете на его отвергнутую патентную заявку. Лицо у профессора Оды стало задумчивым.

– Чтобы не изобретать велосипед, мы решили обратиться к вам – может быть, вы расскажете нам о своем устройстве и почему оно работало или не работало.

Ода глянул на него оценивающе.

– Вы же не из ДАРПА?

– Нет, – быстро заверила я. – Это совершенно другой проект. Я – лингвист.

Последние слова должны были продемонстрировать всю меру нашей безобидности.

Ода, нахмурясь, покачал головой.

– Тогда я не понимаю цели вашего исследования.

Тристан улыбнулся своей бойскаутской улыбкой.

– Я не могу вам ничего больше сказать, пока вы не подпишете соглашение о неразглашении. Я думал, мы просто побеседуем о вашей старой работе.

Ода улыбнулся в ответ.

– Стану ли я делиться информацией с теми, кто не делится ею со мной?

Тристан прибавил лучезарность улыбки до уровня «вожатый бойскаутского отряда».

– Вы не хотите поговорить о физике с собратом-физиком во имя науки?

– Если это *прикладная* физика, он хотел бы знать, к чему ее собираются приложить, – произнесла Ребекка Ист-Ода из дверей кабинета.

Профессор улыбнулся ей. Очень ласково.

– Все в порядке, Ребекка. Это детишки. Они любознательны. Мне по душе любознательность. И если ты зашла спросить, то пусть будет дарджилинг.

Она кивнула и ушла; Ода вновь посмотрел на Тристана.

– Как вы, наверное, прочли в заявке, я пытался остановить коллапс волновой функции – особенно в живой нервной ткани.

– В мозге, – перевел Тристан.

– В кошачьем мозге, – добавила я.

Ода глянул на меня с видом: «Ну вот, опять началось» и втянул воздух.

Тристан метнул в меня выразительный взгляд.

– Мы прекрасно поняли, что вы не убивали котов, – продолжала я.

– Котов, которых так и так взяли из убойного приюта, – подхватил Тристан.

Словно по подсказке, черная кошка запрыгнула Оде на колени и принялась мурлыкать.

– Мне было интересно, – осторожно начала я, – почему кошки? Нельзя ставить тот же опыт на мозге червяка, например?

– Можно, – сказал Ода, – но тогда было бы сложнее оценить результат, поскольку трудно узнать, что червяк думает. В случае кота сомнений обычно не бывает.

– Ясно. А в таком случае почему не на людях?

– Из-за Хельсинкской декларации! – фыркнул Тристан.

Ода кивнул.

– Отчасти из-за этого. Но даже если бы не было юридических ограничений, меня бы остановила физическая невозможность.

Тристан, который пребывал в приподнятом состоянии духа с тех самых пор, как узнал про фотографию солнечного затмения, немного сник.

– ОДЕК не работает для человека? – почти умоляюще спросил он.

– Работал бы, – ответил Ода, – если бы человека можно было в него втиснуть.

Тристан расцвел.

– Значит, просто надо построить ОДЕК побольше.

Ода ответил не сразу. Некоторое время он внимательно разглядывал Тристана, изредка косясь на меня.

– *Если вы хотите применить его для человека*, то да. Но тогда это было невозможно.

– У вас была тесная лаборатория? – спросила я.

– Лаборатория была большая, но проблема состояла в другом.

Мой коллега вновь превратился в Печального Тристана.

– Так в чем состояла проблема, доктор Ода?

– Наверное, будет проще, если я вам покажу, – ответил Ода, резко вставая и спихивая кошку на ковер. Он был шуплый, едва ли выше меня. – Это у меня в подвале.

– Что у вас в подвале? – спросила я.

– ОДЕК. Ребекка хотела, чтобы я его выкинул, но у меня к нему... горько-сладкая сентиментальная привязанность, а места он много не занимает.

Ода подвел нас к узкой двери под лестницей.

– Ребекка! – крикнул он. – Я веду гостей смотреть ОДЕК.

Ответа не последовало, только бряканье посуды. Ода скорбно улыбнулся.

– Она не одобряет, – заговорщицки произнес он. – Но чай нам все равно делает.

Стертые деревянные ступени в подвал располагались под лестницей на второй этаж. Ода включил свет, и мы все трое медленно начали спуск.

Подвал оказался чудесный: низкий потолок, толстые каменные стены, оконца с частым переплетом, земляной пол и тот затхлый запах, который говорит: «Это аутентичный старый дом» (хотя теперь я, конечно, знаю, что дома пахли так почти что с первого дня во все эпохи, кроме современной). Составленная возле лестницы во дворик плетеная садовая мебель с сопутствующими корзинами игрушек для песочницы подразумевала внуков. У противоположной стены располагался бойлер и другие внутренности дома. На полках вдоль остальных стен стояли старые ящики из-под яблок, аккуратно подписанные и снабженные цветными метками. Тристан тут же начал читать их вслух. В углу, ближайшему к выходу во дворик, на столе под лампами дневного света зеленела какая-то рассада в аккуратных горшочках.

– Ребекка у нас садовод, – с нежностью сказал профессор и обвел рукой помещение. – Дом этот занятен с архитектурной точки зрения, поскольку у него необычайно глубокий для своего времени подвал.

– Правда? – вежливо спросила я.

Тристан по-прежнему читал надписи на ящиках, ища ОДЕК.

Ода кивнул почти с воодушевлением.

– Вообще-то Бекка у нас единственный официальный экскурсовод, но я за пятьдесят лет вроде бы запомнил текст. В колониальную эпоху все здесь, весь квартал, было одной фермой. Центральную усадьбу снесли несколько десятилетий назад, там теперь автозаправочная станция на углу Массачусетс-авеню. Дом, где мы с вами сейчас, построили для управляющего фермой и его семьи в те времена, когда поместье было большим и процветающим. Мы думаем, он выкопал такой глубокий подвал, чтобы прятать излишки еды: колоски, которые собирают с полей, когда вывезен основной урожай, и все такое. Здесь была станция Подземной железной дороги. Предки Ребекки были аболиционистами, а хозяин поместья, живший в большом доме, – нет.

– Ее семья жила здесь еще до Войны Севера и Юга? – изумилась я.

Тристан сосредоточенно высматривал ОДЕК среди аккуратных ящиков на полках.

Ода кивнул.

– Дом построили для ее пращура Иеремии Иста, того самого управляющего фермой. А прапрабабка Иеремии была...

– Это оно? – спросил Тристан, указывая в дальний угол за бойлером. Господи, какая бестактность!

– Да, – ответил Ода, не обиравшись, и повел нас туда.

В углу, под тяжелым брезентом, присыпанным мышиным пометом, стоял большой прямоугольный предмет. Ода потянул брезент, и тот тяжело сложился на полу.

ОДЕК оказался чуть больше, чем я ждала. Внутри действительно как раз поместился бы кот, но аппарат в целом был размером со стиральную машину. Собственно, кошачий ящик – фанерный, покрытый розовым теплоизоляционным материалом из хозяйственного магазина, – висел на туго натянутых шнурах в контейнере из стеклопластика, тоже обернутом розовой теплоизоляцией. Все вместе держалось на экзоскелете из перфорированных металлических уголков. Отовсюду тянулись провода: толстые черные кабели вроде тех, что протягивают снаружи зданий, тоненькие медные проволочки, миллион раз намотанные на невидимые сердечники (я угадала в них электромагниты), провода с цветной изоляцией, плоские радужные ленты, круглые оплетенные провода, позеленевшая от времени голая медная проволока и обычные электрошнуры с вилками – на вид очень старые и пересохшие от времени.

На полке под кошачьим ящиком стоял пластмассовый корпус, похожий на системный блок старого настольного компьютера, только не белый, а фиолетовый.

– Силикон Графикс Индиго, – сказал Тристан, прочтя логотип на корпусе.

– Замечательная машина, – сказал Ода. – Была до вашего рождения. Самая быстрая, какую я мог тогда раздобыть.

Вся система была снабжена колесиками. Когда Ода попытался отодвинуть ее от стены, они закричали, но с места не сдвинулись. «Позвольте мне, сэр?» – предложил Тристан и налег своим куда более мощным плечом. ОДЕК с лязгом и скрипом выкатился на середину помещения, оставляя за собой следы мышиного помета, слежавшейся пыли и дохлых пауков. Теперь я видела его с задней стороны. Стало видно, что Ода снял заднюю панель с рабочей станции Силикон Графикс и подключил к ней множество проводов.

Сверху высился миниатюрный Манхэттен электрооборудования. Ода нажал, и вся конструкция отъехала, как выдвижной ящик стола. Под ней оказалась обклеенная термоизоляцией крышка контейнера из стеклопластика. Ода снял ее и протянул Тристану, а тот прислонил к стене. В открывшемся пространстве я увидела крышку внутреннего фанерного ящика. Ода благоговейно отодвинул единственную защелку и замер на миг, улыбаясь про себя. Мне стало любопытно: как давно он делал это последний раз?

Потом он откинул крышку; две цепочки не дали ей упасть, так что она осталась в горизонтальном положении. Не знаю, что я ожидала увидеть, но это были не грубые железяки. Всю внутреннюю поверхность фанерного ящика покрывали зеленые пластины с тоненькими медными дорожками – я узнала в них микросхемы. К ним кое-где были припаяны электронные компоненты, направленные внутрь ящика, но главным явно был сам узор медных линий. Мой внутренний лингвист не преминул отметить их сходство с переплетенными фигурами в старинных ирландских манускриптах. В фанере было просверлено множество аккуратных дырочек, через которые к микросхемам подходили проводки. По большей части они соответствовали катушкам толстой медной проволоки, закрепленным снаружи ящика. Мне они представлялись нацеленными внутрь, словно научно-фантастическое оружие.

Нацеленными на кота. Ибо в ящике лежала красная бархатная подушечка, в которую на молекулярном уровне въелась кошачья шерсть. Рядом стояла мисочка из нержавеющей стали; на дне ее сохранился диск бурого высохшего вещества, и даже без криминалистического анализа легко угадывалось, что некогда это были сливки.

У Тристана было такое лицо, словно все оказалось в точности, как он ожидал. Признаюсь, меня это озадачило.

– Можешь назвать меня дурой, но я не понимаю, как это связано с фотографией, – сказала я.

– С фотографией? – удивился Ода. Как будто я по ошибке зашла в подвал не к тому чудаковатому профессору.

– Связь есть, – заверил его Тристан. – Даю вам слово, что расскажу все, как только вы подпишете некоторые бумажки. Это, к сожалению, обязательно. А пока не могли бы вы объяснить нам ОДЕК?

Ода-сэнсэй пожал плечами.

– Если вкратце, – сказал он (у меня не было чувства, что все его мысли сейчас заняты наукой), – то вот установка. Вы помещаете внутрь живую нервную ткань. Закрываете крышку, создавая замкнутую среду. Закачиваете жидкий гелий...

– Погодите-погодите, – запротестовал Тристан. – Вы впервые упомянули криогенику.

– Вы замораживаете кота?! – ужаснулась я.

– Нет, нет, – укоризненно произнес Ода. – Это было бы жестоко. Смотрите сами, ящик надежно теплоизолирован! И у него есть собственное воздушное снабжение, коту хватит на час. – Он показал мне толстый слой пеноматериала, закрепленный с наружной стороны фанеры. Потом отвел руку на два дюйма в сторону и похлопал по внутренней стороне контейнера. – Ящик целиком погружен в жидкий гелий, охлажденный до нескольких градусов выше абсолютного нуля.

– Достаточно холодный, – предположил Тристан, – чтобы образовать конденсат Бозе – Эйнштейна?

– Мне нравится, когда вы ругаетесь грязными словами, – произнес Ода с настолько невозмутимой миной, что я не сразу поняла, шутит он или нет. – Да, мы начинаем с того, что изолируем подопытный экземпляр...

– В оболочке из материи, которая вся находится в одинаковом квантовом состоянии, – сказал Тристан.

– Вы договариваете друг за другом фразы. Красота! – вставила я.

– Потом объясню, – ответил Тристан.

– При низких температурах некоторые соленоиды становятся сверхпроводимыми, – добавил Ода, постукивая пальцем по тому, в чем я угадала магниты. – Здесь устанавливается рециркулирующий и самоусиливающийся ток. Его состояние можно считать аналого-цифровыми конвертерами с частотой замера примерно мегагерц. Мы тогда считали ее довольно высокой.

– Так вы читаете мысли кота? – спросила я.

– Не столько это, – ответил Ода, – сколько ищем сигнатуры начинающих волновых коллапсов.

Тристан мгновение стоял как в столбняке, потом резко провел раскрытой ладонью в воздухе возле уха. «Отлично, – подумала я. – Почувствуй на своей шкуре, каково мне приходится».

– Не поняли? – спросил Ода.

– Да, сэр.

– Я играю с перенормировкой.

– А.

– Именно она определяет, во что скорее всего коллапсирует функция. Играя с ней, я могу изменить вероятности.

– Вы можете творить магию, – брякнула я.

– Вроде того, – ответил Ода. Затем тоном вежливого любопытства спросил: – Так вы об этом хотите говорить? О магии?

– Засекречено, – сказал Тристан и пригвоздил меня злобным взглядом. Затем повернулся к Оде: – В обычных условиях мы можем строить обоснованные предположения, что именно произойдет при коллапсе волновой функции. Вы получаете возможность это дело подтасовать.

Ода скорбно кивнул:

– Но лишь иногда. И я не могу объяснить вариации. Вот почему мою заявку отвергли. Почему ДАРПА не продлило мне грант.

– А что делает компьютер? – спросил Тристан.

Ода вздохнул:

– Он, увы, делал слишком мало. Как я сказал, для своего времени это была замечательная машина. И тем не менее – несмотря на всю программную оптимизацию, – его не хватало, даже когда он работал на полную мощность.

– То есть он не просто регистрирующее устройство.

– Он во многом контур обратной связи. – Ода глянул на меня и пояснил: – Чтобы ОДЕК работал, компьютер должен получать сенсорные данные, выполнять некие очень нетривиальные вычисления и решать, как изменить проходящий через катушки ток. Делать это он должен быстро, иначе ничего не выйдет. А он работал недостаточно быстро.

– Какие характеристики у этого «Индиго»? – спросил Тристан.

Ода вздохнул.

– Даже не хочу вам говорить.

– Почему?

– Вы будете смеяться.

– Не буду.

– Один процессор. Сто семьдесят пять мегагерц. Пятьсот двенадцать мегабайт ОЗУ.

Тристан рассмеялся.

– Я же говорил, – сказал Ода.

Тристан мгновение стоял, глядя на аппарат.

– С современными компьютерами... или с их кластером... мощными процессорами... более высокой частотой... все ваши проблемы на этом фронте разрешимы.

– Возможно, – кивнул Ода, – но у меня нет для этого ни места, ни средств, а статья в «Клаконе» сделала меня посмешищем всего научного сообщества, так что больше мне финансирования не получить.

– Как обидно, – сказала я. – Тем более если теория здравая.

– Никто не финансирует теории. Финансируют результаты, – сказал Ода. – Результаты не были надежно воспроизводимы. Ошибкой было использовать котов. Слишком легкая мишень для насмешек среди далеких от науки людей.

– Что, если мы дадим вам финансирование, чтобы создать аналогичную установку на основе новейших компьютеров? Установку размером с комнату? – спросил Тристан.

Ода улыбнулся осторожной улыбкой умудренного годами человека.

– Встанет проблема масштабирования. Требуемая вычислительная мощность растет как квадрат *объема* камеры.

Тристан быстро подсчитал в уме.

– Значит, как шестая степень размеров ящика. Ничего страшного. Пусть будет *маленькая* комната. Об остальном позаботится закон Мура.

– Даже не упоминайте этого при Ребекке, иначе она погонит вас из дома секатором. Это был очень тягостный и унижительный период. Она не вынесет повторения.

– Все будет происходить под покровом секретности. «Клаксон» не узнает. Никто не узнает.

Ода задумался.

– А если Ребекка согласится? – спросила я.

Ода пожал плечами:

– Это был мой любимый проект, и, конечно, мне хочется увидеть его работающим. И я вообще склонен говорить «да». Но я хотел бы знать, зачем вы этим занимаетесь.

– Я расскажу вам все, как только вы подпишете соглашение о неразглашении, – ответил Тристан.

Ода чуть заметно улыбнулся про себя, затем вновь перенес внимание на Тристана:

– Тогда вам придется попросить Бекку, чтобы она тоже подписала. Я не буду ничего от нее скрывать.

– Стоукс, иди наверх и займись этим, – сказал Тристан, не глядя в мою сторону. – Нам с профессором надо поговорить о деле.

Из дневника Ребекки Ист-Ода

6 марта

Температура около 43° по Фаренгейту, погода ясная и сухая, ветер слабый западный. Барометр стоит.

Галантусы цветут. Крокусы скоро распустятся, буддлею обрезала, морозник взошел. Ведьмин орех цветет, у сирени набухли бутоны. Посеяла первую рассадку базилика, перцев и помидоров (под лампами) и срезала последнюю кудрявую капусту. Выкопала пастернак – после холодной зимы он слаще.

Сегодня было странное происшествие. К Фрэнку пришли двое – Тристан и Мелисанда. Они откуда-то узнали про его старую патентную заявку на ОДЕК, о которой я предпочла бы забыть раз и навсегда. Они заявили без предупреждения сегодня днем. Он явно военный, напористый, как лабрадор (мне особенно вспомнился тот, которого дядя Виктор натаскивал на уток). Она помягче, сдержаннее, более вежлива.

Фрэнк принял их в парадной столовой, где у него теперь кабинет. (Мелисанда восхитилась, что хотя люстру переделали под электричество еще сто лет назад, а до этого переделывали под газ, ее по-прежнему можно опустить на системе блоков, как в те времена, когда в ней зажигали свечи. Тристан не восхитился, поскольку люстра – не та утка, на которую он охотится.)

Они сказали, что вроде бы знают, отчего не работал ОДЕК, сделанный для ДАРПА, и как это исправить – то есть с помощью Фрэнка могут и впрямь построить ОДЕК, который успешно подавит коллапс волновой функции. Трудно сказать, какие чувства это у меня вызвало; я прекрасно помню, сколько крови испортил нам предыдущий виток этой истории. Фрэнк сказал, что им придется убедить меня. Это поручили Мелисанде. По тому, как она подошла ко мне в кухне, я поняла: на успех она не рассчитывает. Она ошиблась.

Я поддержу Фрэнка в любом его деле, в любом решении. Коли он сразу им не отказал, значит, ему хочется утвердить свою правоту после стольких лет шельмования. Лучше бы ему этого не хотелось. Но он хочет. И я его понимаю. Короче говоря, мы подписали соглашение о неразглашении и все вместе сели пить чай.

Дальше началось самое странное.

Они рассказали нечто настолько нелепое, что мне трудно об этом писать, не качая головой. Они утверждают, что ОДЕК интересуется их не в оборонном качестве, а потому что, по их убеждению, с его помощью можно творить – рука отказывается выводить это слово – магию. И не в переносном смысле, а в самом прямом. Колдовство. Они совершенно искренне в это верят. Мелисанда в доказательство цитировала какие-то старинные документы, которые недавно

перевела. Тристан привел физическое обоснование, и, должна признать, оно прозвучало довольно правдоподобно: квантовая механика. Но ведь это только общие слова.

Однако Тристан надавил на главный рычаг – умственный склад Фрэнка. Он сказал, не важно, верим ли мы в магию; мы согласимся ради самой науки. Все равно что поманил кота валерьянкой. Конечно, Фрэнк пообещал помогать, чем только сможет.

Они объяснили, почему магия в наши дни невозможна, и добавили, что, если даже она станет возможной (благодаря ОДЕКу), для нее потребуются особые люди («ведьмы»), способные «колдовать». Я, естественно, спросила, кто им будет «колдовать». Первый раз я увидела, как они растерялись: главный и самый очевидный вопрос им в голову не приходил.

Не знаю, кто они и откуда, но на этот раз явно не из МТИ. Упаси Господь в МТИ заподозрят, что Фрэнк занялся такими глупостями.

Диахроника

день 221 (продолжение; начало марта, 1 год)

В которой мы разделяемся, чтобы достичь цели

Ребекка Ист-Ода подала чай как настоящая новоанглийская дама: не пакетики в кружках, а листовый, заваренный в фарфоровом чайнике, чашки с блюдцами, карамельный сахар на палочках и фарфоровый молочник – все на плетеном подносе. Еще она принесла тарелку с печеньем, которую я сразу придвинула на свою сторону стола, чтобы Тристан не проглотил все одним махом.

Невероятно щедрый для новоанглийского марта вечерний свет струился в окна с частым переплетом, дробясь на хрустальных подвесках громоздкой старинной люстры и отбрасывая на стены сотни крошечных радуг.

– Значит, у нас есть то место. Не очень далеко отсюда, – сказал Тристан, машинально оглядывая стол в поисках сладкого.

– Еще чаю? – спросила Ребекка. (Тристан, разумеется, выглохтал чашку одним глотком). Ребекка протянула руку за его чашкой и блюдцем.

Он отдал их и поблагодарил кивком, но тут же вновь принялся обсуждать с Фрэнком Одой схемы и усилители.

– Он как любит? – спросила меня Ребекка.

Как будто я должна это знать!

– Судя по его пищевым предпочтениям, с молоком и сахаром, – ответила я.

– Ладно, – проговорил Тристан, уставясь невидящим взглядом в стену. – Надо построить ОДЕК для человека. Получается четырехчастная стратегия. – (Я и не подозревала, что у него хотя бы трехчастная есть.) Он поднял палец. – Во-первых, кардинальная перестройка здания.

– Погоди! – сказала я. – Здание же не принадлежит ДОДО?

– Что такое ДОДО? – спросила Ребекка.

– Добровольное общество дьявольского обскурантизма, – предположила я.

Тристан так и сидел, застыв на полуслове с поднятым пальцем, словно видео, когда нажмешь кнопку «пауза» – терпеливо ждал, пока я договорю, и жевал печеньюшку, которую как-то стянул с моей стороны стола.

– И вообще, ты же не можешь перестроить чужое здание? – продолжала я.

– Мы его купим, – объявил Тристан и поднял второй палец. – Во-вторых, спроектировать ОДЕК для человека. В-третьих, собрать его. В-четвертых, найти кого-нибудь, кто сможет колдовать.

Он оглядел нас и продолжил:

– По удачному совпадению, нас как раз четверо. Профессор, вы занимаетесь проектированием, потом руководите сборкой. Мое начальство пришлет нам кого-нибудь из Вашингтона, я и Стоукс будем на подхвате. Стоукс, ты ведь умеешь держать в руках шуруповерт?

Вопрос был почти риторический – Тристан даже не глянул в мою сторону.

Ода кивнул. Его лицо было спокойным, но светилось от счастья. Я видела, что он переба- рывает желание покоситься на жену. Ее лицо тоже было спокойным, но от счастья не светилось.

– Нам потребуются специалисты по криогенике.

– НАСА, – беспечно объявил Тристан. – Им все равно делать нечего. Затем приобрести и установить железо. Вычислительную мощность нам обеспечат дешевые серийные компьютеры, что посложнее – закажем в Лос-Аламосе. Ведьмы на тебе, Стоукс. Походи по эзотерикам. Студии йоги, все такое. У тебя как раз вид подходящий.

– Это еще как? – спросила я.

– Аспирантка. Категория, наиболее склонная к магическому мышлению.

– Тристан. На дворе двадцать первый век. Я буду искать ведьм в Интернете.

Он замотал головой даже раньше, чем я закончила фразу.

– Нет. Нельзя оставлять бумажный или электронный след. Ты должна ногами прийти в какое-нибудь ведьмовское место и порасспросить, ничего не выбалтывая сама.

Я еще не успела ответить, как он повернулся к Ребекке.

– Не хотите помочь Стоукс в поиске ведьм? – спросил он тоном (для Тристана) почти вкрадчивым.

– Я здесь ради Фрэнка, – ответила она. – Я не солдат вашей армии, мистер Лионс.

– Ладно, – ответил Тристан после недолгого молчания. Затем внезапно просветлел и широко улыбнулся. – В общем, Стоукс, ведьмы за тобой.

– Что за ерунда, Тристан? Как можно найти ведьму? Уж не в студии йоги точно. Никто не может колдовать уже сто семьдесят пять лет. А раз так, что значит «быть ведьмой»?

– В Японии по сей день существуют *цукимоно-судзи*, – заметил Ода тоном светской беседы. – Колдовские династии. Считается, что магические способности передаются по наследству – по женской линии. Не знаю, какую магию они себе приписывают, но традиция жива. – Он чуть улыбнулся. – Быть может, если искать среди *потомков* ведьм, вы найдете ведьму, которая ждет вас с помелом.

– Забавно, – сказала Ребекка. Когда мы с любопытством повернулись к ней, она без особого энтузиазма пояснила: – Мою прапрабабку повесили в Салеме во время процессов над ведьмами. Фрэнк находит это колоритным.

– Салем не считается, – ответила я. – Это была массовая истерия, вызванная спорыньей.

– Верно, – ответила Ребекка тем тоном, которым говорят «ну да, конечно», и покосилась на мужа.

– Но Салем – эпицентр современного американского ведьмовства, – сказал Тристан.

– Это просто коммерческая замануха для туристов. И вообще, что именно мне искать? – допытывалась я.

– Если там действительно были ведьмы, – предположил Ода-сэнсэй, – возможно, кто-то из нынешних жителей ведет от них род и сохраняет какие-то ритуальные элементы, даже если магия не работает. У *цукимоно-судзи*, вероятно, дело обстоит именно так.

– В Салеме нет никаких потомков ведьм, потому что, как я сказала, в Салеме изначально не было ведьм, – настаивала я. – Если нам нужно ведьминское отродье, лучше поискать в местах вроде Нового Орлеана.

Тристан задумался.

– Поищи пока в Салеме. Если ничего не найдешь, может, я отправлю тебя в Новый Орлеан.

Вот так просто! И командировочные, каких бы я в жизни не получила, работая у Блевинса!

– На деньги налогоплательщиков? Я не в осуждение. Просто интересуюсь.

– Засекречено, – ответил Тристан и подмигнул.

Диахроника

день 222–244 (март, 1 год)

В которой происходят конструктивные подвижки

Тристан временно передумал отправлять меня на охоту за ведьмами, пока у нас нет рабочей камеры, в которую их поместить. А поскольку делать мне было нечего, а я проболталась, что ходила на занятия в школьной мастерской (один семестр), он объявил меня своим адъютантом в кампании по грядущему переустройству офиса.

В следующие несколько недель офис, каким я его знала, исчез. Еще до покупки здания Тристан с помощью кувалды и сабельной пилы произвел в нем изменения, на мой тогдашний взгляд, вполне существенные. Он усовершенствовал искусство смотреть в стену: теперь он обводил ее взором, весело объявлял, что она не несущая, и приговаривал ее к смерти. Таким образом, за время моей работы здесь офис ДОДО втрое увеличил свою первоначальную площадь, а некоторые его стены уже были помечены к сносу, как только соседние стартапы сыграют в ящик.

«Департамент обрушения долбанных офисов», – все, что я смогла сказать, когда в следующий раз вошла в здание после нашего военного совета за чаем в доме Фрэнка и Ребекки. Прошло менее суток, но Тристан, похоже, все эти двадцать с чем-то часов ходил по зданию с баллончиком зеленой флуоресцентной краски, помечая стены, двери и другие архитектурные детали словом «СНОС», а когда краски осталось мало, просто косым крестом. В центре здания был общий для всех арендаторов конференц-зал. Тристан сдвинул длинный стол к стене, поместил косым крестом, потом нарисовал большой квадрат прямо на ковровом покрытии и перечеркнул его по диагоналям. Молодые бородатые технопредприниматели потерянно брели по коридорам, вынося компьютеры, принтеры, ультрасовременные кофеварки и мини-футбольные столы. Словно цифровые бомжи, они грузили свои пожитки в «сайоны» или прокатные грузовики и уезжали в неприветливый бостонский рынок недвижимости.

– Ты собираешься... э... убрать практически весь пол конференц-зала? – спросила я.

– Конференц-зала не будет, – ответил Тристан. – ДОДО обойдется без конференций и «Пауэрпойнта».

– Нимало не сомневалась, – сказала я.

Он уже смотрел мимо меня на стену, где висел большой плоскоэкранный монитор. Что-то в его лице подсказало мне, к чему идет дело.

– Не несущая? – предположила я, оборачиваясь через плечо.

Тристан обошел меня, поднял баллончик кислотно-зеленой краски, точно статуя Свободы – факел, встал на цыпочки и провел линию наискосок через всю стену, прямо через монитор. Нарисовав вторую диагональ, он объявил:

– Нам нужен прямой проход для танков от разгрузочной эстакады досюда.

– Вижу, ты занят, – сказала я, – и не хочу мешать творческому процессу. Просто заберу все мои переводческие записки домой, пока ты не выкрасил их зеленым.

– Помни, что надо соблюдать... – начал он.

– Режим секретности, – закончила я. – Помню.

Я добралась до той части здания, где все начиналось. Ода был здесь, сидел на большом синем фитболе перед самым большим компьютерным монитором, какой я видела в жизни, и пристально разглядывал крохотный виджет в пользовательском интерфейсе какой-то программы – надо думать, что-то для проектирования. Рядом лежал его сотовый (первый в жизни), только что купленный Тристаном, и стояла пиала пенистого зеленого чая. Маття. От чая исходил пар, наполнявший комнату свежим, но резким ароматом. Его явно только что приготовили. В коридоре, в женском туалете, зашумела льющаяся из крана вода. Я догадалась, что Ребекка там, моет посуду. Я вытащила из шкафа две папки с надписью «НЕСЕКРЕТНО. ПЕРЕВОДЫ» и пошла к ней. Она разложила на раковине свои венчики и другие принадлежности для маття.

– Травы, – сказала я.

Она подняла взгляд и посмотрела на меня в зеркало.

– Просто подумала, – добавила я.

– Что травы?

– Ведьмы на них помешаны.

– Знакомый стереотип, – заметила она и продолжила вытирать принадлежности для маття.

– Он основан на реальности. Все наши исследования на это указывают. – Я встряхнула папками, словно это могло придать моим словам убедительности. – Я подумала про них, когда ощутила аромат чая. Запахи очень действенны.

– Да, – сухо ответила она. – Так что, возможно, вам стоит рекрутировать потомков знаменитых парфюмеров или изготовителей благовоний, а не тех знаменитых не-ведьм, которых повесили в Салеме.

Я поняла намек, так что воспользовалась туалетом и ушла. Бредя домой с папками под мышкой, я размышляла о словах Тристана, что нам нужен свободный проход для танков. Учитывая его военное прошлое, я сразу вообразила грохочущую по зданию колонну бронированных машин. Но конечно, он говорил не про эти танки. Танками еще называют большие резервуары для жидкостей. И конкретно для жидкого гелия.

Когда я вернулась на следующий день, моя ключ-карта не сработала. Собственно, весь считыватель для карт исчез, а вместо него стояло какое-то другое устройство: видимо, сканер радужной оболочки глаза. Я обошла здание и принялась молотить в дверь со стороны разгрузочной эстакады. Через некоторое время Тристан меня впустил.

– Новая система безопасности периметра, – объявил он. – Макс введет туда твои данные.

– Кто такой Макс?

Широкий открытый коридор, пробитый насквозь через все здание, заканчивался на развалинах конференц-зала. В полу была вырезана большая, примерно пятнадцать на пятнадцать футов, квадратная дыра. По ее краям натянули желтую ленту, чтобы кто-нибудь ненароком в нее не шагнул. То, что предстало мне внизу, могло бы родиться из брака рекламного плаката «Бенетона» с телерекламой Юпиэс: четверо красивых молодых людей в коричневой форме без фирменных нашивок – один афроамериканец, один азиат (кореец?), один латиноамериканец и один персидской наружности, все в защитных очках и наушниках. Двое забивали в стену большие гвозди, двое других боролись с проводами. Тристан окликнул их, и они на мгновение прервали работу, чтобы со мной поздороваться. Все четверо представились Максами.

– Они что, теперь выступают в спортивной команде ДОДО? – спросила я, когда Максы вернулись к работе.

– Засекречено, – ответил Тристан, а когда я скроила гримаску, добавил: – Про дела при них не говори. Они знают, что это физический эксперимент, но не знают про магию.

Затем он кивнул в сторону латиноамериканцев, деловито загружавших в передвижные мусорные контейнеры дробленый бетон и рулоны грязного коврового покрытия.

– А этих я нанял перед входом в «Хоум депо». Знало бы мое начальство... – Он покачал головой.

Я рассматривала своего коллегу в несколько новом свете. Пока я не увидела, как он распоряжается зданием и людьми, оставалась, честно говоря, вполне правдоподобная возможность, что Тристан Лионс – просто психопат, снявший обшарпанный офис в заштатном деловом центре с неблагоприятными целями, опасными для моей жизни. Я о таком ни разу не подумала, но задним числом осознала, что зря не подумала. Меня подкупили улыбкой и обещанием высокой зарплаты. До сих пор убеждена: огромное везение, что я не поплатилась за свою доверчивость.

Из дневника Ребекки Ист-Ода

29 марта

Температура 49° по Фаренгейту, солнечно, безветренно. Барометр стоит.

Салат взошел; вчера посадила перцы, мангольд, редиску. Надо починить флюгер.

Занималась зеленым огородом в углу сада. Уже растут: тимьян, иссоп, мята перечная, мелисса, фенхель, аптечная ромашка, майоран. Надо посадить: лаванду, амброзию, валериану, полынь, блоховник, лакфиоль и (когда потеплеет) базилик. Чтобы освободить место, возможно, придется убрать часть японского мха и занести в дом бонсаи Мэй, раз Фрэнку все равно некогда сидеть в саду.

Они строят ОДЕК с размахом, который почти не укладывается у меня в голове. Фрэнк целиком ушел в то, из чего, по моему убеждению, ничего не выйдет, но сейчас он счастлив, и для меня это главное.

Диахроника

день 245–290 (весна, 1 год)

В которой конструктивные подвижки продолжаются

Тристан и Максы под руководством Оды-сэнсэя строили ОДЕК, и я начала им помогать. При воспоминании о мальчишеской свободе движений, о том, что можно было невинно проводить дни наедине с молодыми холостяками, и, главное, о счастье труда мне становится еще горше сидеть здесь, вдыхая вонючий дым китового жира, затянутой в корсет из китового уса. (С трудом верится, что королеве Виктории предстоит в такой одежде править половиной земного шара. Не принимайте всерьез.)

Я правильно угадала, что упомянутые Тристаном «танки» – это промышленные емкости, способные вместить в свои стеклопластиковые стены тысячи галлонов жидкости. Их было два, один в другом, с зазором в несколько дюймов между внешним и внутренним. Надо было теплоизолировать оба, чтобы жидкий гелий не улетучился. Для этого у нас были розовые пенополиуретановые пластины из «Хоум депо» и какая-то адская каша, которую мы замешивали в ведре из двух компонентов, после чего она вспухала в несколько раз и, застывая, прилипала ко всему намертво.

Внешний танк с термоизоляцией как раз помещался в дыру, пропиленную в полу бывшего конференц-зала. В его верхней части, которая возвышалась над полом, Максы вырезали прямоугольное отверстие, и такое же – во внутреннем танке несколькими дюймами дальше.

Два прямоугольника соединили стеклопластиковыми стенками (получилась полая дверца, куда можно было залить жидкий гелий) и тоже затеплоизолировали. Тем временем к разгрузочной эстакаде непрерывно подвозили какое-то дорогостоящее на вид оборудование. Не надо было изучать физику в Вест-Пойнте, чтобы понять: это криогенная установка.

Хотя новый ОДЕК (Модель II) был куда больше рассчитанной на кота Модели I, в нем легко узнавалось то же устройство. Место фанерного ящика с кошачьей лежанкой и блюдечком сливок занимал внутренний танк, где как раз мог поместиться один человек на стуле или двое в стоячем положении. Немалая часть его пространства была отведена под то, что Тристан называл «системой жизнеобеспечения». Меня это несколько насторожило, и я сделала мысленную пометку при случае расспросить его поподробнее. Стены пока были голые стеклопластиковые, какими их сделали на заводе, но, судя по Модели I, им вскоре предстояло покрыться микросхемами. Из обрывков разговоров между Одой и Тристаном я знала, что микросхемы в работе, а часть уже изготовили и отправили нам, обклеив трекинговыми номерами, которые Ребекка проверяла по нескольку раз на дню. Когда схемы придут, Максы смонтируют их и подсоединят к проводам, идущим под полом в серверную. Серверы тем временем собирали и подключали трое бородатых мужчин, которые все вежливо представились Владимирами.

Сперва Владимиры привинтили к полу вертикальные стойки, затем несколько дней кряду открывали картонные коробки, сложенные зиккуратами на погрузочной эстакаде, вынимали черные пластины, размером и формой с коробку для пиццы, и вдвигали в пазы на стойках. В одной такой коробке, как я догадывалась, было по шестнадцать компьютеров, каждый в хранилище раз мощнее одинокого «Индиго», служившего мозгами Модели I. Владимиры держались очень дружелюбно. Я чувствовала, что это моя последняя возможность поговорить с ними по-человечески. Установив свои коробки для пиццы и запустив сервера, они вернутся к привычной манере поведения. Однако сейчас, работая отвертками, как простые смертные, они рады были с кем-нибудь поговорить. И они говорили, с мессианским жаром рассказывали о крутизне кластера, который собирают. У одного из них (я про себя окрестила его Длиннобородым) и впрямь был восточноевропейский акцент. По случайно оброненным фразам я заключила, что он участвовал в разработке суперпараноидальной операционной системы «Блестящая шапочка», отравлявшей мне жизнь последние шесть месяцев. Возможно, он и был прото-Владом.

Я с головой ушла в бездумную, но приятную работу – плющить картонные коробки и запихивать полиэтиленовую упаковку в мешки для мусора. По пути к помойке я заметила, что уже стемнело. Может быть, скоро мы на сегодня закончим. Однако Владимиры только что заказали очередную партию четверного эспresso из «Апостольского кафе», а Тристан объявил, что они с Максами будут всю ночь проверять герметичность системы, чтобы утром на пробу залить в нее жидкий газ. Фрэнк Ода любезно предложил подбросить меня домой. Мне было интересно, что об этом думает Ребекка, но я подозревала, что это тема щекотливая, поэтому спрашивать не стала.

Странно было провести вечер у себя в квартире. Я предвкушала приятный отдых, но в одиночестве мне почему-то сразу стало неудобно. Я разогрела остатки еды, устроилась с ноутбуком и впервые за несколько дней проверила почту. У меня было три извещения от Фейсбука.

Я обычно забывала про Фейсбук; заглядывала в него раз в месяц. Теперь я залогинилась и увидела, что у меня три запроса на «добавление в друзья». Первый был от моей матери, второй – с полупорнографической фоткой красивого молодого китайца, чье имя переводилось как «Нефритовый кинжал», а третий – от женщины по имени Эржебет Карпати с аватарой, похожей на паспортную фотографию престарелого трансвестита. Я приняла мамин запрос, пропустила два других как спам, написала в мамину ленту положенное «Добро пожаловать в двадцать первый век» и проверила свою.

Здесь была запись все от той же Эржебет Карпати, оставленная три дня назад: «Я все еще жду! Сообщите, как будете готовы начать».

Странно.

Я промотала ленту вниз. Предыдущий пост на моей странице тоже был от Эржебет Карпати, десятью днями раньше: «Жду, когда все будет готово».

Под ним – приглашение от бывшей студентки принять участие в каком-то дурацком флешмобе.

Затем – еще одна запись от Эржебет Карпати, почти месячной давности: «Мелисанда, уже пора? Ты сказала, апрель или май этого года».

Что за ерунда? Кто такая Эржебет Карпати? Я заглянула в ее профиль – ничего. Иногда я брала частных учеников, обычно тех, кто интересуется изучением Библии и хочет разобраться что-нибудь на арамейском. Однако последний раз такое было больше года назад. Утомленная долгим рабочим днем, я закрыла ноутбук и ушла спать, даже не доев ужин.

На следующее утро, когда я снова открыла ноутбук, чтобы прочесть заголовки новостей в «Нью-Йорк таймс», я все еще была залогинена в Фейсбуке, и меня ждало новое сообщение от неведомой Карпати: «Мелисанда, я видела, что ты была активна в Фейсбуке в последние 12 часов, поэтому ЗНАЮ, что ты получила мои сообщения. Свяжись со мной, и я скажу, где меня забрать». Она изменила фото профиля: теперь это был состаренный снимок в оттенках сепии – дама в эдвардианском платье. Обычно в таких фотографируются на исторических фестивалях.

Если бы моя жизнь в последние месяцы не была заполнена очень странными событиями, я бы, наверное, заблокировала назойливую женщину и забыла. Вместо этого я закусилась нижней губой и отправила личное сообщение: «Кто вы и что вам нужно?»

Я еще не успела разлогиниться, как пришел ответ: «Приезжай и забирай меня. Элм-Хаус, Коммон-стрит, 420, Белмонт. Не заставляй меня ждать еще дольше. Ты хоть понимаешь, сколько я вытерпела?»

Я в недоумении уставилась на эти строчки.

«Я знаю, что ты онлайн, – пришло следующее сообщение. – У тебя рядом с именем горит зеленый кружочек. Приезжай немедленно. Я буду ждать с вещами у стойки регистрации».

Чуть поколебавшись, я напечатала ответ: «Чего вы от меня ждете?»

«Что с вашей помощью вновь смогу колдовать. Как ты обещала».

Через тридцать секунд я с ноутбуком под мышкой вылетела из двери, чтобы скорее добраться до Тристана.

Диахроника

день 290

В которой вносятся поправки

Я вбежала в подвальный офис, готовая сунуть Тристану под нос мою фейсбучную страничку. Однако он и Максы – ословелые после бессонной ночи, но полные энтузиазма, – радовались результатам проверки, которая, очевидно, не выявила протечек. Здесь же были Фрэнк Ода (сияющий) и его жена Ребекка (со стоическим выражением лица). Они создавали очередную грудку пустых коробок и полиэтилена, распаковывая вновь прибывшие микросхемы.

– Тристан, я нашла... – начала я, но он двигался со скоростью мультипликационного персонажа и ничуть не интересовался тем, что я могу сказать.

Поскольку он вроде бы направлялся в серверную, я забежала вперед, развернулась на сто восемьдесят градусов и преградила ему путь.

– Я нашла женщину, которая говорит, что умеет колдовать. Вернее, она меня нашла, – пояснила я, видя, что его глаза расширились от изумления. – В Фейсбуке. Лично мы не встречались.

Тристан нахмурился.

– Господи, только не соцсети, Стоукс. Не говори, что ты разместила объявление: «Ищу ведьм».

– Конечно, нет! Я подписала соглашение о неразглашении, и я знаю, что это значит. Не держи меня за идиотку, *Лионс*. Совершенно незнакомая женщина ни с того ни с сего прислала мне сообщение, что ждет меня, чтобы снова колдовать.

Тристан заморгал.

– Странно.

Я потянулась к сумке:

– Это у меня прямо...

Он поднял руку и мотнул головой.

– Стоукс. Я запрещаю тебе общаться с этой женщиной, кто бы она ни была, через социальные сети. Это совершенно не секьюрно. Поисками ведьм надо заниматься систематически – не сидя у себя дома в ожидании, когда тебя зафрендят сверхъестественные тролли.

– Ладно, если мы исключили Интернет и все современные средства связи, – сказала я, – какой ты предлагаешь систематический подход к единственной имеющейся у нас наводке?

– Ничего не делай, пока мы не взломаем Фейсбук, не выясним, кто она на самом деле, и не проверим ее анкетные данные. Оставь свой ноутбук Владимира.

– И что мне систематически делать до тех пор?

– Поезжай в Салем.

– Мы уже это обсуждали. В Салеме никогда не было ведьм. Даже пуритане это в конце концов признали.

– Тогда не было, верно, – милостиво согласился Тристан. – А теперь у него репутация ведьминского места, и туда как магнитом тянет всякую такую публику.

– Откуда тебе это известно?

– Я раз через него проезжал. Там на каждом шагу всякая ведьмовская хрень.

– Отлично. Теперь я понимаю, что ты называешь «систематически».

– Попытайся взглянуть глазами моего начальства. Салем. Ведьмы. Поезжай туда. Попытайся найти ведьму, или кого-нибудь, кто ведет род от ведьмы, или хотя бы ДНК ведьмы – что угодно, просто чтобы я мог сказать, что мы над этим работаем. Мне надо установить контакт с Ливерморской лабораторией, у них там немерено гелия.

– Конечно, – сказала я, на миг пожалев, что нельзя попросить задание попроще, например, переводить с тартессийского.

Чувствуя себя абсолютной дурой, я взяла Тристанов джип и поехала в Салем, до которого было около часа езды. В этой машине и на этой дороге я чувствовала себя так, будто меня безостановочно лупят мешками гравия.

Как всякий сколько-нибудь примечательный новоанглийский городок, Салем состоял из ухоженных, прекрасно сохранившихся старинных домов и уродливой коммерческой застройки. Коммерческая застройка, впрочем, побеждала. Не обращая внимания на указатели к «Салемскому музею ведьм», «Салемскому дому ведьм», «Салемской ведьмовской деревне», спа-салону «Салемские ведьмы» и так далее, я нашла парковку, подивилась, как дешево она стоит, и пешком углубилась в старую часть города. У меня нет слов, чтобы описать, как не нравилось мне нынешнее поручение. Через три с четвертью века после того, как девятнадцать неповинных людей повесили ни за что ни про что, кучка нью-эйджевцев, чьи представления о колдовстве не имеют ничего общего с представлениями о колдовстве в семнадцатом веке,

открыли свою лавочку на могилах жертв. Что-за-херня. Меня такая извращенная логика возмущает.

Просто чтобы отчитаться перед Тристаном, я зашла в несколько оккультных магазинчиков на пешеходной части Эссекс-стрит и сбежала оттуда, пока мне не стало плохо от запаха благовоний.

Вот еще пример того, насколько все определяется контекстом. Здесь я обмираю по благовониям. Если я впрямь застряла в Лондоне 1850-х навсегда, возможно, мне придется стать англиканской монахиней. Господи, надеюсь, до этого не дойдет.

Впрочем, ученый во мне все-таки победил, и я в конце концов посетила несколько подлинных исторических объектов. Снова и снова мне бросалось в глаза имя Мэри Исти – одной из жертв салемской истерии. Ребекка Ист, жена Фрэнка, упомянула, что происходит из этой семьи; буква «и» в фамилии потерялась за прошедшие три века. В типичной англосаксонско-протестантской манере Ребекка преуменьшила значение этого факта: мол, семьи в ту пору были очень большие, и несложно прикинуть, что у каждого второго или третьего белого американца есть предки из Салема. Но я чувствовала, что могу по крайней мере засвидетельствовать почтение.

И внезапно на меня накатило беспокойство, что время уже позднее и что-нибудь важное может произойти без меня. Так что я села в джип и, постояв в вечерних пробках, добралась до офиса. Не могу сказать, что сильно скорбела о неудаче своей поездки, ибо из нее вытекала возможность бесплатно поехать в Новый Орлеан, а это было круто замечательно.

Я приехала в офис под конец дня. Тристан спал на диване. Я стала готовить кофе в ультра-современной кофеварке, доставшейся нам от изгнанных соседей. Пока она булькала и шипела, я от нечего делать машинально достала смартфон. На экране было сообщение от службы мгновенных сообщений Фейсбука.

«Буду ждать в вестибюле», – писала мне незнакомая венгерская женщина. Сообщение было отправлено в 9:04.

– Господи! – воскликнула я вслух. Как я умудрилась за целый день ни разу про нее не вспомнить?

Раздался механический треньк, и появилось новое сообщение: «Я прождала ВЕСЬ ДЕНЬ. Где вы были?» Она снова сменила фотографию профиля – теперь на абстрактное лиловое пятно.

Я растолкала Тристана. Он спал крепко, но тотчас проснулся, вскочил, отпихнул меня в сторону, не вникая, кто это, и принялся озираться.

– Это я. Успокойся.

– Ты меня напугала, – ответил он укоризненно.

Я указала на телефон:

– Посмотри.

Пока я показывала ее сообщения, нашу переписку и ее пустой профиль, внизу страницы с механическим треньком всплывали новые послания мисс Карпати: она видит меня онлайн, так почему я не отвечаю?

Тристан мгновение размышлял, глядя на смартфон.

– Владимиры этим всерьез занялись. Интригующе-дефис-подозрительно до последней степени. Ответь, что поговоришь с ней завтра. Сегодня у нас пробный прогон.

Я напечатала: «Извините. Буду у вас завтра вечером».

Тут же пришел ответ: «Из-за чего задержка?»

«Технические затруднения», – ответила я.

«С ОДЕКом?» – мгновенно напечатала она.

Я глянула на Тристана.

– Черт, – выдохнул он. – Кто она?

Потом подошел ближе, коснувшись меня плечом.

– Скажи ей, что не можешь обсуждать это онлайн, – прошептал он, словно боялся, что его подслушают.

Я напечатала его слова.

«Ты будешь со своим мистером Тристаном Лионсом? – напечатала она в ответ. – Я хочу с ним познакомиться».

Я глянула через плечо на мистера Тристана Лионса. Тот кивнул, глядя на экран.

– Мы могли бы поехать сейчас, – предложила я.

Он мотнул головой:

– Мы не знаем, во что суемся. Скажи, да, я приеду с тобой. Но завтра.

«С мистером Тристаном Лионсом, – напечатала я. – Завтра вечером».

«Приезжайте до 6 вечера, иначе труднее будет уйти из-за ночного режима охраны».

Мгновение мы оба таращились в экран. Потом Тристан мягко забрал у меня мобильный и бросил на диван.

– Не терпится получить объяснение. – Он устало улыбнулся. – Забавно, что она назвала меня твоим мистером Тристаном Лионсом.

Меня бросило в краску.

– Может быть, она имела дело с другим Тристаном Лионсом. Наверняка в мультивселенной он не один. Кофе готов.

– Хорошо, – ответил Тристан. – Потому что ОДЕК тоже готов.

За то время, что я была в Салеме, все микросхемы закрепили на стенах внутренней полости. Электромагниты тоже установили: они держались на решетке из стальных уголков, сваренной вокруг внешнего танка. Судя по черным пятнам на полу, искры от сварки иногда поджигали ковер; вокруг наиболее крупных дыр лежали полутени порошка, очевидно, из огнетушителей, а сами огнетушители теперь валялись на полу, словно бутылки после студенческой попойки. Тристан на ходу отпихнул один ботинком и посоветовал мне глядеть под ноги.

– Твои друзья достали тебе жидкий гелий? – спросила я.

Безусловно, я первый раз в жизни произносила такую фразу.

– Достанут.

– То есть не достали пока?

– Будем проверять с жидким азотом. Гораздо дешевле.

Словно по команде с улицы донеслось настойчивое бибиканье; мы слышали его через рулонные ворота грузового входа.

– У-ху-ху! – заорал Тристан. – Же-эн-два! Вперед, ребята! Труба зовет!

Он по проезду для танков прошел к воротам и нажал кнопку. Ворота поднялись, и с эстакады, распугивая чаек и крыс, задом въехал тягач с платформой, которую целиком занимала белая, похожая на сосиску цистерна. Откуда-то возникло множество заспанных Максов и Владимиров. На тягаче огромными буквами, заметными из космоса, было написано «ЖИДКИЙ АЗОТ». Ах да, жидкий азот, же-эн-два. После того как Тристан обменялся с водителями несколькими омерзительно бодрими фразами, цистерну шлангами подсоединили к резервуарам, грубо привинченным к бетонной стене. Впечатляющий вой раздался из устройства, которое мне представили как криогенный насос. Когда же-эн-два попадает в теплые внутренности резервуара, раздается неопишное шипение – вообразить его можно, только если вы слышали, как весь бекон Айовы вывалили на раскаленный гриль размером с Делавер. При этом образовалось соответствующее количество холодного млечного тумана. Тристан схватил меня за руку и потянул на улицу.

– Не токсично, – заверил он, – но...

– Но мне нужен кислород.

– Да. Я знал, что ты мне нравишься, Стоукс.

– Поэтому в ОДЕКе и нужна система жизнеобеспечения?

Тристан скромно пожал плечами:

– Есть некоторые нежелательные варианты, например, замерзнуть до смерти или задохнуться, которые надо учитывать, если мы собираемся запереть испытуемого в герметичную камеру, полностью окруженную криогенной жидкостью при температуре четыре кельвина.

Шипение и образование пара происходило потому, что стенки резервуара имели комнатную температуру. Когда они остыли, закачка же-эн-два пошла так спокойно, словно это вода из-под крана. Туман рассеялся, и Тристан принял решение – надо полагать, научно обоснованное, – что мы можем вернуться внутрь. Я прошла вслед за ним через грузовые ворота, мимо резервуаров, к дверце ОДЕКа, которая сейчас была приоткрыта. Я шагнула на порог и огляделась.

Каждый квадратный дюйм камеры, включая пол и потолок, покрывали зеленые платы, исписанные тонкими дорожками оранжево-красной меди и утыканные электронными компонентами. Среди последних преобладали черные прямоугольнички интегральных схем, но были и светодиоды, мигающие разноцветными огоньками. С потолка свешивались две кислородные маски – надо полагать, часть системы жизнеобеспечения. Если гелий просочится в камеру и вытеснит воздух, люди в ней потянут их вниз и наденут. (Я никогда не увлекалась естественными науками, но наш школьный учитель химии был вылитый Орlando Блум, так что я прилежно посещала его уроки.)

По-прежнему балансируя на приподнятом порожке, я обернулась и глянула через дверцу ОДЕКа на окружающее камеру пространство. Там, где прежде располагалась глава конференц-стола, теперь стоял пульт управления, соединенный с ОДЕКом большой пластмассовой трубой, внутри которой тянулись сгустки проводов. Над ним по кабельной лестнице из серверной низвергался водопад сетевых кабелей и оптоволокну. За ним, что-то сверяя по айпаду, сидел предположительно-корейский Макс. Ода-сэнсэй и его жена Ребекка смотрели ему через плечо.

– Ух ты, – сказала я с порожка.

– Правда здорово? – упоенно пропел Тристан и без всякой необходимости подал мне руку, помогая сойти с порожка. – Профессор в восторге. Скажи ему, что он должен включить рубильник.

– Это ваш проект, – миролюбиво проговорил Ода-сэнсэй, отхлебывая кофе из синего термоса. – Вам и принадлежит честь.

– Исходно проект ваш! Мы спорим об этом всю неделю. – Тристан ухмыльнулся мне. – Стоукс, рассуди нас.

Я рассудила в пользу Оды, и Тристан отдал ему честь театральным жестом, скорее ренессансным, чем военным. Потом закрыл дверцу ОДЕКа и задвинул несколько тяжелых металлических запоров.

С нервной улыбкой Ода-сэнсэй отдал термос Ребекке и ответил Тристану чем-то средним между кивком и поклоном. Пультовый Макс встал и таким же полупоклоном пригласил Оду сесть. Тот улыбнулся, словно извиняясь, занял начальственное место и надел наушники с микрофоном.

Наступила исполненная ожидания тишина. Помню, я еще подумала, какой это волнующий миг для Оды-сэнсэя. Меня распирало нестерпимое любопытство. Оно было настолько сильно, что даже вытеснило настоящую потребность обсуждать Эржебет Карпати.

– Открыть внешние вентиляционные отверстия! – произнес Ода.

Я понятия не имела, о чем он говорит, пока не услышала знакомый лязг поднимаемых грузовых ворот. «Готово!» – крикнул очередной Макс. Ему эхом ответил другой Макс, распахнувший дверь на улицу.

– Системы принудительной атмосферной циркуляции на полную мощность! – продолжал Ода.

Тристан метнулся к белому пластиковому вентилятору – мы закупили таких в «Хоум депо» целую палету – и включил на максимальные обороты. Тут я заметила в комнате еще несколько вентиляторов и, чувствуя желание приобщиться к историческому моменту, включила все, до которых могла дотянуться.

– Готово! – крикнул Тристан, когда все они закрутились.

У грузовых ворот зажуужал более крупный, промышленный вентилятор, и оттуда тоже донесся возглас: «Готово!»

– Мембранные предохранители и разгрузочные клапаны работают нормально, – объявил Ода, глядя на экран. – Начинаю обратный отсчет до запуска криогенного охлаждения. Три... два... один...

Загудели криогенные насосы, а через несколько минут мы услышали скворчание и шипение жидкого азота в трубах комнатной температуры. Теперь я уже понимала общую суть: нам надо было по трубам, установленным Максами, перекачать же-эн-два из больших резервуаров у грузового входа в зазор между внешней и внутренней емкостями ОДЕКа. Но поскольку сейчас температура емкостей и труб превышала точку кипения же-эн-два, жидкость должна была вскипеть, прежде чем все остудится. Как и прежде, от клапанов по всему помещению пополз холодный млечный туман. Однако «системы принудительной атмосферной циркуляции» успешно гнали его во «внешние вентиляционные отверстия». За ними – как все мы могли убедиться по мониторам видеонаблюдения на остатках ближайшей стены, – несколько Лукасов несли дозор, чтобы с улицы не забрели случайные прохожие. Лукасы начали прибывать дня два назад: массивные, молчаливые, в форме охранников без каких-либо нашивок. Мне показалось, что все они восхищаются Тристаном.

Криогенная драма шла на убыль по мере того, как (надо полагать) трубы и емкости становились суперхолодными, и вскоре мы услышали, как между стенками ОДЕКа поднимается уровень жидкости. Ода закупил в «Хоум депо» тонну дешевых цифровых градусников и скотчем прилепил их повсюду. Некоторое время занято было наблюдать, как их показания уходят в область трехзначных отрицательных чисел.

– Долго еще? – спросила я Тристана, пока ничего не происходило.

– До чего?

– До абсолютного нуля.

Он помотал головой.

– Этого сегодня не будет.

– Я думала, в этом-то весь смысл.

– Ну, извини. Сейчас у нас пробный прогон. С же-эн-два. Который дешевле молока. Если все получится, добудем жидкий гелий и запустим по-настоящему.

– Емкость полна. Дверца полна. Обе держат, – сказал Ода. – Подтверждаю критичальность.

– «Критичальность»? Похоже на что-то из лексикона МЛА, – заметила я.

– МЛА?

– Ассоциация по изучению современного языка.

Тристан вздохнул.

– Это просто означает, что магниты самого нижнего кольца достаточно долго были достаточно холодными, чтобы пройти свою ка-тэ – критическую температуру – и стать сверхпроводимыми.

Кажется, мое ехидное замечание его слегка задело.

– А, вот, значит, для чего пробный прогон, – сказала я.

– Ага. До того как все магнитные кольца станут сверхпроводимыми, мы не можем даже включить ОДЕК в нормальном смысле слова.

Теперь я хотя бы знала, на что смотреть. Емкости, разумеется, заполнялись снизу вверх, так что нижние магниты дольше находились при криогенных температурах. Они располагались по всей высоте ОДЕКа в тридцать два яруса, полностью опоясывающих камеру – внутренний танк. На каждом ярусе Максы установили по светодиодному индикатору. Пока магниты были теплыми, индикаторы горели красным и голубели при достижении сверхпроводимости. Минуты две мы наблюдали маленький, но странно захватывающий спектакль: индикаторы в колонне меняют цвет один за другим.

– Достигнута полная критичность, – объявил Ода.

Поскольку я стояла рядом с Ребеккой, то под влиянием порыва повернулась к ней и подняла растопыренную пятерню. Она вздрогнула от резкого движения и устремила на меня взгляд голубых глаз. Точно смотришь на два светодиода.

– Пять? – спросила я слабым голосом, думая, что она не узнала жеста.

Ребекка отвернулась, словно желая забыть весь этот неприятный инцидент.

Тем временем ее муж говорил:

– Матрица калибровки внутренних сенсоров рассчитана и передана встроенной программе. Владимир, готовы к запуску перенормировочного контура обратной связи?

– Готовы! – крикнул Владимир из серверной.

– Запускаю, – сказал Ода и потянулся к одному из немногих механических переключателей на пульте. Это был армейский рубильник, приобретенный (Тристан похвастался) через *eBay* у коллекционера электрооборудования времен «холодной войны». Чтобы получить доступ к рубильнику, надо было откинуть защитную крышечку, что добавляло торжественности происходящему.

У меня чуть инфаркт не случился, когда Ода включил рубильник и завывла сирена – установленная точно над моей головой. Я зажала уши руками и отвернулась; Ребекка сделала то же самое в зеркальном отражении. Одновременно все освещение в комнате потемнело, замигало и погасло, отчего включились красные аварийные огни, работающие от аккумулятора. Я споткнулась о брошенный огнетушитель, пролетела пару шагов и затормозила о вешалку на колесиках сбоку от пульта управления. На ней зачем-то висели несколько зимних комбинезонов разных размеров и цветов. Они смягчили мое падение, когда вешалка рухнула, а я – на нее. Грохота никто не услышал из-за сирены.

Тристан всегда бывал либо идеальным джентльменом, либо вовсе не джентльменом. Сейчас его так захватило происходящее вокруг ОДЕКа, что он не заметил моего падения. Может, и к лучшему. Я кое-как встала и сунула руку в карман, где обычно ношу беруши. Перед этим я их надевала, когда работала электропилой, и сейчас они оказались как нельзя кстати.

Тристан жестом попросил Оду выключить установку. Зажглись лампы – постепенно, потому что кому-то из Владимиров пришлось бежать к щитку и одну за другой включать выбитые пробки. Общее волнение ощутимо рассеялось. Столько драмы, столько световых и звуковых эффектов – и что?

– Есть что-нибудь? – спросил Тристан.

– Все регистрирующие устройства в камере полностью отрубались, насколько я могу сказать, – ответил Ода. Новость вроде бы плохая, однако в голосе его звучало упоение.

– То есть мы даже не знаем, произошло ли что-нибудь внутри.

– Что-то точно произошло, – вмешался самый длинноротый Владимир, только что вбежавший из серверной. – Покуда эта штука работала, через наши сервера прошла туева хуча данных.

– Это сколько? – спросила я.

Он недовольно скривился.

– Столько, что я мог бы, как водится, привести сравнение со всем содержимым Библиотеки Конгресса, числом пикселей во всех сериях «Властелина колец», вместе взятых, и числом телефонных звонков, перехваченных АНБ за один день, и ты бы сказала: «Ни фиги себе!»

– Ни фиги себе! – сказала я.

– И с количеством вычислений, произведенных над этими данными по алгоритмам профессора Оды, – примерно та же петрушка.

– Фантастика, – проворковала я.

– Верю, – сказал Тристан, – просто у нас, похоже, нет данных о том, что произошло внутри.

– Подтверждаю, – сказал Ода. – Ренормировочный контур обратной связи предположительно влияет на нормальную работу регистраторов в камере.

– Именно так должно быть – верно?

– Может, да, – сказал Тристан, – а может, все просто грохнулось. Тут мы слепы. Никакого способа проверить, работает ли он.

– Возможно, будь у нас кот... – сказал профессор.

– Возможно, если зайти внутрь... – сказал Тристан.

Ребекка пробормотала себе под нос что-то осуждающее, Владимиры и Максы – что-то в высшей степени одобрительное.

Ода мотнул головой:

– Кот – это одно. Но я туда не войду.

– Я войду, – сказал Тристан.

– Это ваши похороны, – буркнула Ребекка вполголоса и отошла от пульта управления.

Тристан глянул на нее, потом на Оду.

– Она это буквально? – спросил он и повернулся к Ребекке: – Вы это буквально?

Ода ответил раньше своей жены:

– Вас это не убьет. Но... вам не понравится. Котам определенно не нравилось.

Тристан только отмахнулся.

– Раз это не летально, я войду. – Он приглашающе улыбнулся: – Хочешь со мной, Стоукс?

Как ни лестно мне было, что меня считают достойной участия в таком эксперименте, и как ни любопытно было узнать, что из этого выйдет, я вспомнила про кота.

– Следующий раз.

– Внутренняя температура камеры? – спросил Тристан.

– Минус двадцать три по Цельсию, устойчивая, – сообщил пультовый Макс.

– Надо улучшить теплоизоляцию, – пробормотал Тристан и повернулся к вешалке. Она по-прежнему лежала на полу.

Я напряглась, ожидая выволочки, но он словно и не заметил, что вешалку уронили. Отыскал конец груди, где были самые большие комбинезоны, вытащил один и шагнул в него.

– Еще работает? Все показатели в норме?

Полдюжины разных Максов и Владимиров из разных частей здания выкрикнули: «В норме!»

Тристан застегнул молнию. Нашел в боковом кармане балаклаву, натянул на голову. Я помогла опустить ее так, чтобы глаза оказались в овальной прорези. Он двинулся к ОДЕКу, на ходу надевая толстые перчатки. Ода раскрыл перед ним дверцу и тотчас отдернул руку, обжегшись холодным металлом.

Тристан шагнул через порожек, и вытесненный им воздух вышел наружу морозным паром.

Наружу вылетел человеческий торс и покатился по полу, разбрасывая в сторону аккумуляторы и флешки. Это была верхняя половина магазинного манекена, на которую мы навесили датчики, и Тристан его выкинул.

Освободив себе место, он сел на деревянный табурет, служивший раньше подставкой для манекена. На табурете лежала пронизанная кошачьей шерстью подушка из Модели I; Ребекка переложила ее в Модель II, чтобы подчеркнуть преемственность. Тристан потянулся и закрыл за собой дверцу. Максы заинтересованно переглянулись. Ребекка потерла переносицу и бесшумно заходила по комнате. Ода-сэнсэй вновь сел за пульт управления. Он поднял защитную крышечку над рубильником. Ребекка заткнула уши.

На мгновение мы застыли. Все взгляды были прикованы к пальцу Оды. Наконец он повернул рубильник. Снова погас свет и взвыла сирена. Ода, следя по наручным часам, дал машине проработать пятнадцать секунд, затем вернул рубильник в прежнее положение и аккуратно закрыл крышечкой.

Тристан вышел из ОДЕКа, стягивая балаклаву и трясая головой, как будто ему вода попала в ухо. Потом заметил, что мы все на него уставились, и, в свою очередь, уставился на нас.

– Было неприятно, – сипло сообщил он. – Как будто побывал на русской дискотеке. Но это все.

– Я рада, что с тобой все хорошо, но... – Я вовремя осеклась.

– Но было бы круче, если бы вам пришлось вытаскивать меня на носилках. Да, знаю, – горестно произнес Тристан. – Владимир? Что-нибудь для меня есть?

Рыжеволосый Владимир аккуратно вышел на середину, отпихивая ногой огнетушители и пустые банки из-под «Ред булл». Смотрел он при этом в айпад.

– Предварительная диагностика показывает большое число подвисших процессов. Вероятно, баг, который мы можем исправить к утру.

– Что это значит?

– Что ОДЕК работает на один процент своей эффективности.

– Тогда, похоже, вам предстоит долгая ночь, – сказал Тристан.

Диахроника

день 290

В которой мы становимся декогерентными

Когда я пришла на следующий день, Фрэнк Ода был уже здесь, и с ним Ребекка – она медленно прохаживалась туда-сюда, скрестив руки на груди. Двое Владимиров спали на полу в серверной. Длиннобородый сидел на кухне, опершись локтями на стол и уставившись в чашку с кофе.

По команде Тристана мы заняли места, как во вчерашнем неудачном эксперименте. Жидкий азот оставался в пространстве между емкостями, так что охлаждение повторять не пришлось. Тристан надел комбинезон, улыбнулся нам всем, показал большой палец, шагнул в ОДЕК и закрыл дверцу.

Ода-сэнсэй уселся за пульт, проверил готовность и повернул рубильник. Кто-то заранее предусмотрительно закутал сирену одеялом, чтобы приглушить звук. У меня по спине пробежал электрический ток. Что-то должно было произойти. Я не знала, что именно, но чувствовала: сейчас вершится история, и я при этом присутствую, а не проверяю студенческие работы. Мысль эта радовала несказанно.

Пятнадцать секунд Ода, замерев, смотрел на часы, а мы – на него. Затем он выключил ОДЕК. В наступившей тишине мы слышали, как ликут Владимир.

Тристан вышел из ОДЕКа, сжимая голову и покачиваясь, как пьяный. Я машинально бросилась к нему, но он отпрянул от меня и рухнул на колени. Лицо у него было ошалелое.

- Да, мы, гм, подбираемся, э, ближе, – рассеянно проговорил он, стаскивая балаклаву. Потом зевнул. – Я что, заснул там, что ли? Сколько я пробыл внутри?
- Пятнадцать секунд, – удивленно ответил профессор.
- Тристан затряс головой и несколько раз хлопнул себя по щекам.
- Ну, значит, мы к чему-то приближаемся. Было то же, что в первый раз, но гораздо сильнее. – Он скривился и снова замотал головой.

Из дневника Ребекки Ист-Ода

15 мая

Температура 66° по Фаренгейту, ясно, солнечно. Барометр падает.

Перцы и мангольд проклюнулись, ландыши и сирень цветут всюду. Сменила штормовые окна на сетки от насекомых (наконец-то).

Работа над новым ОДЕКом продолжается и стала единственной темой разговоров в нашем доме. Фрэнк одержим точно так же, как первый раз. Перечитала свой тогдашний дневник, и должна признать, что сейчас по крайней мере его окружают люди, которые всячески стремятся ему помочь (помимо меня, разумеется). По-прежнему не пришла к окончательному мнению касательно Тристана. Мелисанда нравится больше, но она не главная. (Непонятно, личные у них отношения или чисто профессиональные. Возможно, они сами этого не знают.)

План экспериментов сдвинули на два дня, чтобы отладить программное обеспечение и улучшить электропроводку в здании. Начальство Тристана явно воспринимает его всерьез; Фрэнку требовались бесчисленные бумажки, чтобы приобрести самый обычный удлинитель.

По поводу этого проекта меня беспокоят два момента, помимо обычных опасений.

Первое: Тристан непременно хочет находиться в работающем ОДЕКе. Он не понимает, что таким образом становится объектом наблюдения, а не наблюдателем. Лабрадор дяди Виктора у нас за главного.

Второе: Фрэнк счастлив заниматься физикой и не желает думать о планируемом применении. Магия. Власти предрержащие воспринимают магию настолько серьезно, что купили Тристану здание и шлюют ему цистерны жидкого гелия без всякой бюрократической волокиты. Трудно примирить это со здравым смыслом. Фрэнку все равно.

Также Мел переживает из-за женщины, которая связалась с ней и утверждает, что умеет колдовать. Встреча Т и М с ней несколько раз откладывалась, и женщина перешла к словесным оскорблениям. Тем не менее они по-прежнему намерены с нею встретиться. Вероятно, это произойдет завтра после очередного запуска.

Диахроника

ДЕНЬ 294

В которой мы становимся еще более декогерентными

Через два дня, когда автоцистерна без фирменных логотипов доставила жидкий гелий, Тристан запечатался в комбинезон, показал нам большой палец и шагнул в ОДЕК, где для безопасности сразу надел кислородную маску. Видимо, жидкий гелий умеет просачиваться в

любые микроскопические шелки, и Тристан мог бы задохнуться, даже не поняв, что произошло. И снова Ода обошел все здание, проверяя готовность, и занял место за пультом. К этому времени наше нетерпение уже немного заглушила привычка.

Жидкий гелий, как я теперь знала, в пятьдесят раз дороже жидкого азота и гораздо холоднее. Азот сжижается при температуре семьдесят семь градусов выше абсолютного нуля (точки, в которой атомы перестают двигаться, если такое вообще возможно), но чтобы проделать тот же фокус с гелием, его надо охладить до четырех градусов. По меркам обычного человеческого мира разница непринципиальная – оба очень, очень холодные. Но для ученых вроде Оды четыре и семьдесят семь – это небо и земля. Жидкий гелий, окутывающий ОДЕК, будет иметь кардинально иные свойства, чем же-эн-два – свойства, объяснимые в терминах статистики Бозе – Эйнштейна, передовой концепции в квантовой механике, которую Тристан понимал еле-еле, а я не понимала совсем. Суть состояла в том, что жидкий гелий заключал внутреннюю камеру ОДЕКа в сплошную оболочку вещества, находящегося в одном и том же квантовом состоянии. Это должно было квантомеханически изолировать камеру от остальной вселенной и многократно усилить ее эффективность.

По меркам жидкого гелия ледяные трубы и емкости, из которых откачали же-эн-два, были по-прежнему раскаленными, так что нам пришлось заново пройти цикл «принудительной атмосферной циркуляции» и «внешних вентиляционных отверстий», прежде чем система успокоилась и цифровые градусники начали показывать куда более низкие температуры.

Как только система стабилизировалась на четырех градусах выше абсолютного нуля – минус 269 градусов по Цельсию, Ода повернул рубильник. На сей раз он дал ОДЕКу проработать только пять секунд и снова его выключил.

Тристан вывалился из ОДЕКа, судорожно сдергивая кислородную маску. Балаклава снялась вместе с ней. Лицо у Тристана было землисто-серое, и казалось, его сейчас стошнит. Он зашатался и рухнул на колени сразу за порогом камеры.

– Тристан! – крикнула я.

Ода тоже опустился на колени, чтобы ему помочь, но Тристан оттолкнул Оду и обвел нас всех очумелым взглядом.

– Где я? – спросил он. – Это сон или мы правда здесь?

– Мы правда здесь, – мягко ответил Ода.

– Мы в Бостоне? – спросил Тристан и застонал. – Господи, голова раскалывается! Где мама?

Я с тревогой взглянула на Оду.

– Дайте ему несколько минут, – успокаивающе произнес тот.

– Что с ним произошло? – спросила я, нимало не успокоенная.

– Думаю, он в высшей степени дезориентирован.

– Это не пять минут назад? – спросил Тристан. – Я не должен войти в ОДЕК, чтобы между нами произошел этот разговор?

– Дайте ему кто-нибудь стакан воды, – обратился Ода к помещению в целом и добавил мягко: – Тристан, закройте глаза на несколько секунд. Все будет хорошо.

Ода знаком велел мне отойти, и я послушалась, но продолжала с тревогой смотреть на Тристана. Он обводил взглядом помещение, двигая глазами, но не поворачивая голову, как будто хотел избежать головокружения. Это было нестерпимо больно – видеть Тристана Лионса таким беспомощным.

– С котом то же самое происходило? – спросила я Оду.

– Ну, у кота не спросишь. Когда я открывал дверцу, он выпрыгивал совершенно чумовой. Я оставлял его, возвращался через час: он крепко спал, а проснувшись, вел себя как ни в чем не бывало. Я повторял опыт несколько раз, и кот вроде бы ни разу не вспомнил, что ему предстоит. Потом Ребекка увидела и запретила мне продолжать.

Из дневника Ребекки Ист-Ода

18 мая

Температура около 64° по Фаренгейту, сыро, безветренно. Барометр поднимается.

Цветы и овощи растут сами по себе, поскольку все время занимает ОДЕК.

Для начала, сегодня утром ОДЕК работал «успешно»; во всяком случае, Тристан вышел из него в том же состоянии, в каком кот выпрыгивал из старого. Мелисанда проявила больше выдержки, чем я в случае кота, но явно встревожилась. Последующий разговор (как я его запомнила):

ФРЭНК: Я уверен, Тристану скоро станет лучше, но считаю, что никто больше не должен входить в ОДЕК, пока мы не поймем, как устранить этот эффект.

МЕЛ: Что за эффект? Отчего так получается?

ФРЭНК: Он балансирует на грани нездешности.

МЕЛ: Не – чего?

ФРЭНК: Его мозг внезапно утратил ощущение, в какой именно реальности он функционирует – и тело, возможно, тоже. Сколько еще предстоит открыть! (*НВ: Как будто ребенок перед елкой с подарками. Как будто все это не происходило уже тридцать лет назад.*)

Пять минут спустя:

ТРИСТАН (*полностью оправившись*): Почему вы не записывали, что я сказал, когда вышел?

МЕЛ: Поверь мне, ты не сказал абсолютно ничего примечательного.

ТРИСТАН: Других слов я от тебя и не ждал. Мне нужно подтверждение.

ФРЭНК: Мы все здесь были. Мел права.

ТРИСТАН: Теперь ты, Стоукс. Я хочу видеть, что будет, когда ты выйдешь.

МЕЛ: Ну уж нет. Seriously. У тебя был такой вид, будто ты нажрался в стельку на студенческой вечеринке.

ТРИСТАН: Должно быть, здорово. Попробуй.

ФРЭНК: Я правда считаю, что вы не должны на нее да...

ТРИСТАН (*перебивает*): Ей не мешает чуток расслабиться. Давай, Стоукс, это профессиональный риск.

МЕЛ: Я не понимаю, каким образом «стать нездешней» подпадает под критерии моих штатных обязанностей переводчика с мертвых языков.

ТРИСТАН: Это подпадает под критерии того, что тебе хочется узнать, каково это.

МЕЛ: Очевидно, это как опьянение. Спасибо, плавали.

ТРИСТАН: Знаешь, ты сейчас могла бы сидеть в своей университетской камере и проверять студенческие контрольные по арамейским склонениям. Оторви задницу от стула. Кто-нибудь, дайте ей комбинезон. И балаклаву. И кислородную маску.

Хотела бы я, чтобы на этом безумие закончилось. Но оно только начиналось.

Диахроника

день 294 (продолжение)

Через девяносто минут, вопреки всем доводам рассудка, я была готова начать самый опрометчивый эксперимент в моей жизни (самый опрометчивый до того момента, я хочу сказать. С тех пор я пускалась в еще более сумасшедшие авантюры, иначе не сидела бы сейчас здесь, стараясь не пролить чернила на одолженное хозяйкой платье.).

Надеюсь, я не уроню себя в глазах читателя, признав, что отказалась бы наотрез, если бы не желание угодить Тристану. Нелепый порыв, тем более что Тристан обходился со мной как со своим личным R2-D2 (что все равно было лучше обхождения Блевинса). Но было в его неутомимой целеустремленности что-то, рядом с чем все остальное теряло значение – и мое душевное равновесие в том числе. Нет, я в него не влюбилась, но интеллектуальное оболение явно присутствовало. Он действовал на мою душу примерно как Моцартова соната.

Итак, похожая в пуховом комбинезоне на мультипликационного персонажа, я вперевалку зашла в ОДЕК. Там было зверски холодно, изо рта шел пар, пока я не надела кислородную маску. Стенки камеры с уставившимися на меня индикаторами выглядели по-больничному неуютно. У меня было чувство, что я снимаюсь в низкобюджетном фантастическом фильме. «Все хорошо!» – сказала я с решительным кивком. Дверь закрылась. Кровь стучала в висках, я слышала свое громкое дыхание в маске. Было страшно и упоительно. Никогда я не чувствовала себя такой живой! Блевинс может съесть мои шорты.

Не могу рассказать, что произошло дальше, потому что не помню. Прямо сразу, по ощущению, я очутилась в очень неприглядном офисе на жестком пластмассовом стуле перед пластмассовым столом под резким люминесцентным светом. Меня сильно трясло без всякой причины: не от холода и не от страха. Просто я чувствовала... растерянность. И непомерную усталость.

– Потрясающе, – заметил очень красивый молодой человек примерно моих лет с ослепительными зелеными глазами и аккуратной короткой стрижкой. Он склонился надо мной и с улыбкой меня разглядывал. – Если ты бывала такой на пьянках в колледже, то неудивительно, что у тебя нет парня.

– Дайте ей время отойти, – произнес другой, более мягкий мужской голос. Я знала, что у голоса есть имя. Йода? Нет, Йода это из «Звездных войн». «Звездные войны» мне вспомнились из-за R2-D2. Что до молодого человека передо мной, я видела, как он чистит зубы, значит, если он не мой парень, то, возможно, брат, о существовании которого я забыла.

Он начал смеяться.

– Стоукс, ты говоришь это все вслух. Я бы на твоём месте помолчал, пока не очухаюсь. – Он наклонился поближе и зашептал мне в ухо. – У нас есть наш ведьминский склеп. Поехали за нашей ведьмой.

Диахроника

день 294 (продолжение)

В которой мы знакомимся с Эржебет. И потом знакомимся с Эржебет

Во-первых, Тристан должен был объявить Максам и Владимирам, что все это время они работали над проектом, конечная цель которого – магия. Он сделал это в последнем нераскуроченном офисе, так что я не имела удовольствия наблюдать процесс. Мне показалось, что, выходя с брифинга, они еле сдерживали смех: старались не встречаться друг с другом глазами, а уголки их сжатых губ иногда вздрагивали.

Мы с Тристаном подъехали к дому номер четыреста двадцать по Коммон-стрит в Белмонте около часу дня и к своему ужасу обнаружили, что это бывшая церковь, превращенная в какое-то казенное учреждение больничного вида. Голубой щит с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЭЛМ-ХАУС» никакой ясности не вносил.

– Хм, – заметила я.

– Любопытно, – проговорил Тристан. – Возможно, кто-то над нами издевается.

Мы припарковались на улице, прошли по дорожке в обход церкви и наискосок через унылый газон со скучно-правильными клумбами. Когда-то у церкви была большая территория, теперь ее занимали трех-четырёхэтажные дома в стиле больничных корпусов середины двадцатого века. Главный вход располагался в одном из них. Внутри было стерильно и голо, как в приемном покое. Линолеумный пол, регистрационная стойка из ДСП. За стойкой две усталые женщины лет по тридцать тихонько разговаривали между собой, не обращая внимания на кучку стариков в дальней части помещения, где на ковре стояли столики с яркими карточками для бинго, а по стенам висели большие плакаты с фотографиями голливудских кинозвезд.

– По крайней мере это не психушка, – с облегчением пробормотал Тристан.

Старики частью дремали, частью что-то горестно бормотали себе под нос, частью смотрели по очень громко включенному телевизору «Африканскую королеву». Здесь пахло старой мебелью и дезинфектантами.

Как только мы вошли в вестибюль, к нам направилась сухая старуха с резкими чертами лица и невероятно прямой осанкой. На ней было платье для коктейля в стиле пятидесятых годов, которое в пятидесятых, возможно, выгодно подчеркивало ее красоту, но сейчас смотрелось чудовищно нелепо. Под мышкой она сжимала большую сумку от Версаче.

Прежде чем я пришла в себя и поздоровалась, она заговорила тихо, но яростно, культурным голосом с восточноевропейским акцентом:

– Мелисанда, просто не верится, что вы заставили меня столько ждать! Это очень грубо, и я не заслужила такого обращения. Я вижу, ты подстригла волосы. Длинные тебе шли больше. С челкой ты похожа на грызуна.

Я остановилась так резко, что Тристан налетел на меня сзади. Он что-то начал говорить, но она перебила:

– Вы, должно быть, мистер Тристан Лионс. Вы – ее любовник?

– Это она так сказала? – тут же спросил Тристан. Я даже восхитилась, как быстро он пришел в себя.

Старуха раздраженно цокнула языком.

– Нет. Просто она женщина сомнительного поведения, а вы, как я понимаю, занимаете важный секретный правительственный пост.

– Мэм, как насчет поговорить в приватной обстановке? – спросил Тристан. – Вы упомянули кое-что, затрагивающее вопросы безопасности.

– Конечно, мы поговорим в приватной обстановке. Вы отвезете меня к ОДЕКу – сию минуту.

Тристан взял сухой старушечий локоть в широкую ладонь и придвинулся совсем близко – его подбородок в пяти сантиметрах от ее макушки.

– Мэм, – тихо произнес он, – где вы слышали это слово?

– От нее, – нетерпеливо ответила старая карга, тыча меня в плечо.

– Я никогда не видела этой женщины, – сказала я Тристану, шарахаясь от нее, затем обратилась к ней: – Я никогда вас не видела.

– Пока да, но увидишь, – нетерпеливо проговорила она. – Я – Эржебет Карпати. Мне надо как можно скорее выбраться отсюда и попасть в ОДЕК. Я и оделась соответственно. – Она указала на платье для коктейля. – Вы знаете, сколько я ждала этого дня?

– Мэм, – произнес Тристан. Мне показалось, он тянет время, чтобы сформулировать законченную фразу. – Сколько вы ждали?

– Слишком долго, – был ее ответ.

– Первый раз она написала мне в Фейсбук месяц назад, – вставила я.

– Вы ждали месяц? – спросил Тристан.

Старуха фыркнула.

– Это потому что я устала ждать, когда вы меня найдете. Я зарегистрировалась на Фейсбуке, едва он стал доступен, как ты мне говорила.

Минуту Тристан это обдумывал.

– Вы хотите сказать, что больше десяти лет ждали, когда мы вас разыщем?

– Ха! – Это был сухой, невеселый смешок. – Я ждала больше полутора столетий. А эта женщина, – продолжала она раньше, чем мы успели ее перебить, – назвала мне слова «Фейсбук», «Тристан Лионс» и «ОДЕК» и сказала в этот, в этот самый месяц разыскать вас с их помощью после стольких лет. Итак. Мы друг друга нашли. Везите меня к ОДЕКу.

Тристан слегка толкнул меня в спину плечом – говори, мол, ты. Неужто он утратил дар речи? И неужто думает, будто не утратила я?

– Почему вы так хотите попасть в ОДЕК? – спросила я.

– Потому что в ОДЕКе я вновь смогу колдовать, – нетерпеливо ответила она. – Очевидно.

Тристан нахмурился:

– Мэм, должен предупредить, что если это какой-то глупый розыгрыш, то вы напрашиваетесь на неприятности. Если кто-то подучил вас сказать эти слова, я хочу знать, кто и зачем...

– Она! Все она! – раздраженно воскликнула старуха, вновь тыча мне в плечо костлявым указательным пальцем. – Если б не она, меня бы давно на свете не было. Я оставалась в живых все это время, потому что она так велела.

– Мэм, я вас впервые вижу... – снова запротестовала я.

– Не зови меня «мэм», бесстыдница! Ты старше меня! – Она с заметным усилием себя одернула. – То есть была старше. Когда мы встретились. Я пробыла старухой дольше, чем другие люди живут. Ты хоть понимаешь, как это скучно?

Тристан уже взял себя в руки настолько, что мог разыграть учтивого кадета из Вест-Пойнта.

– Мы будем счастливы развеять вашу скуку, мэм. Может быть, выйдем, и вы расскажете нам свою историю? Надо ли где-нибудь за вас расписаться?

Старуха фыркнула и презрительно отмахнулась:

– Сестра Рэтчед давно отчаялась со мной совладать.

– Это которая? – спросил Тристан, глядя в сторону стойки.

– Тристан! – воскликнула я. – То, что я не знала ДАРПА, меркнет в сравнении с тем, что ты не знаешь сестру Рэтчед.

– Я их всех зову «сестра Рэтчед» с тех пор, как вышло кино, – говорила тем временем Эржебет. – Меня это веселит.

– Вы здесь с тех пор, как вышло «Над гнездом кукушки»? – изумилась я.

– Да. Теперь ты понимаешь, почему я так спешу вырваться. Скука.

– Давайте выйдем на улицу, – сказал Тристан.

Снаружи было холодно и безлюдно. Неуютная садовая дорожка вилась между группами ажурных металлических скамей, на которых старички могли посидеть с гостями более или менее наедине. Эржебет с неожиданной для ее лет грацией опустилась на середину одной скамейки, предоставив мне и Тристану сесть напротив, лицом к слепящему весеннему солнцу.

– Здесь люди ругаются со своими детьми по поводу наследства, – сообщила она. – У меня детей нет, так что от этой напасти я избавлена.

– Если позволите, мэм, начнем с начала, – предложил Тристан. – Имя, дата и место рождения, краткая биография.

Она приосанилась и сделала важное лицо.

– Будете записывать?

– Пока мысленно. – Он постучал себя по голове. – Начинайте, пожалуйста.

– Меня зовут Эржебет Карпати. Я родилась в Будапеште в тысяча восемьсот тридцать втором году.

– Нет, мэм, – сказал Тристан. – Это неправда. Такого не может быть.

Эржебет обожгла его гневным взглядом – как мне показалось, с явным удовольствием.

– Не смейте говорить со мной в таком тоне. Я – ведьма. Когда магия начала уходить из мира, Мелисанда предупредила меня, что скоро она исчезнет совсем. Своим последним заклинанием я насколько возможно замедлила собственное старение, чтобы дожидаться вас здесь и сейчас, когда мы можем быть друг другу полезны. Ты ведь знаешь, я этого не хотела, – продолжала она, глядя на меня в упор. – Я бы просто состарилась и умерла. Смерть была бы лучше жизни в последнем столетии. В этой стране ужасно обходятся со стариками. Вы запираете их в кошмарных зданиях вроде этого, полностью отрезаете от жизни, а потом делаете все, чтобы они прожили как можно дольше. Глупейшая система. Вас всех следовало бы расстрелять. Тем не менее, – продолжила она, не дождавшись от нас согласия или хоть какого-нибудь отклика, – вот она я. И вот они вы. Сажайте меня в свой автомобиль и везите к ОДЕКу. Я уже предвкушаю, как снова начну колдовать.

Тристан обеими руками потер лицо, как будто на него внезапно накатила непомерная усталость.

– Дайте мне минуточку, мэм. – Он вынул телефон. – Как пишется ваше имя?

– Если вы собираетесь искать меня в «Гугле», то вы ничего не найдете, – сказала она. – Я умею, как выразились бы вы, не светиться.

– У меня другой поисковик, – ответил Тристан. – В нем вы будете. Просто продиктуйте имя и фамилию по буквам.

По запросу «Erszebet Karpathy» секретный поисковик Тристана нашел только одного человека: тридцатисемилетнюю бывшую гимнастку, а ныне юриста, проживающую в Монреале. Отыскалась еще Erszebet Karpaty в Риме, но она была «мадам», к тому же наша собеседница фыркнула, что фамилия без «h» – украинского происхождения, а она – точно нет.

– Тогда, возможно, Эржебет Карпати – не настоящее ваше имя, – сказал Тристан. – Мэм.

– Можно уже ехать? – спросила она, вставая. – Я обдумывала свое первое заклинание много десятков лет, и мне не терпится его испробовать. А потом я хочу покататься на роликах. Здешние церберы нам этого не позволяли.

Тристан остался сидеть и чуть привалился ко мне, чтобы я тоже не вставала.

– И какое это будет заклинание? – спросил он.

Она широко улыбнулась.

– Сами увидите. Оно исключительно ко благу, если вас это беспокоит. Едемте.

– ОДЕК еще не работает, – сказал Тристан, тщательно изучая ее лицо. – Если вы столько о нем знаете, то, возможно, сумеете нам помочь.

– Надо увеличить частоту замеров на внутренних сенсорах, – торжествующе произнесла она, словно отличница на уроке.

«Ух ты», – подумала я.

– Трудно будет прокачать по проводам столько данных, – на пробу возразил Тристан.

– Замените витую пару на оптоволокно, – тотчас отозвалась Эржебет. Было видно, что она затвердила это без понимания, как ребенок заучивает «Клятву верности флагу», и теперь шпарит наизусть.

– Ладно, поехали, – сказал Тристан, вставая, и снова взял ее своей лапищей за сухой локоток. – Машина рядом, и вы никуда от меня не отойдете, пока я не пойму, что вы затеяли.

– Спасибо, – сказала она. – Наконец-то.

Она молчала все двадцать минут дороги от Белмонта до Сентрал-сквер, просто смотрела в окно со скучающим любопытством ребенка или собаки. Я воспользовалась ее молчанием, чтобы разобраться в своих мыслях. Все, что несла эта женщина, было бредом, однако... она знала меня в лицо и Тристана по имени... знала про ОДЕК.

Принять ее уверения – значит... это значит, что мы очень скоро увидим настоящую магию, первое колдовство за сто семьдесят лет! «Офигеть», – подумала я. Это было куда увлекательнее поездки в Новый Орлеан. Я глянула на Тристана за рулем, но он целиком ушел в свои мысли, и, кажется, они были куда мрачнее моих.

Когда мы остановились перед зданием, Эржебет тяжело вздохнула.

– Это оно? Фи, какая бетонная халупа, – сказала она с заднего сиденья. – Даже хуже той, где я жила.

– Зато скучать не придется, – пообещала я.

– Верно, – ответила она с внезапной ухмылкой и подалась вперед, чтобы постучать меня по плечу. – Я так это предвкушаю. Думаю, вы останетесь довольны результатом, мистер Тристан Лионс, – добавила она, обращаясь к Тристану.

– Мне, безусловно, очень хочется узнать, что произойдет, мэм, – коротко ответил он.

До меня дошло, что он нервничает. Что, если мы отыскали последнюю ведьму в мире, а все обернется пшиком? Тристан так и не рассказал мне, на кого работает, но, очевидно, в случае неуспеха ему могли крепко всыпать по филейной части.

В здании я сразу подошла к профессору и его жене, жестом пригласив Эржебет ко мне присоединиться, но та лишь скользнула по ним взглядом, небрежно махнула рукой и уставилась на агрегат, занимающий почти все помещение.

– Это он? – возмущенно спросила она Тристана. – Какой безобразный!

– Она немного чересчур увлечена, – сказала я Оде-сэнсэю и Ребекке, извиняясь за Эржебет, но те смотрели на нее с таким любопытством, что едва ли слышали мои слова.

Максы прервали свои разнообразные занятия и тоже поглядывали на нее, толкая друг друга в бок и негромко переговариваясь. Сама Эржебет ни на кого не обращала внимания.

– Сюда? – снова спросила она. – Я войду сюда и вновь смогу колдовать? Все так просто?

– Минуточку, – сказал Тристан, вытаскивая телефон. – Я должен вас задокументировать, раз нет никаких свидетельств, что вы существуете. Мне нужны ваши фотография и подпись.

И прежде чем она успела возразить или хотя бы услышать его слова, он щелкнул ее на телефон.

– Моя подпись вам не нужна, – объявила она, глядя на ОДЕК с еще большим восторгом, чем даже Ода-сэнсэй. Лицо ее сияло предвкушением. – Если он хорошо работает, я готова простить ему его безобразие. Я просто вхожу внутрь и снова колдую?

– Мы надеемся, что так, – ответил Тристан.

Она взглянула на меня влажными сияющими глазами.

– Спасибо, Мелисанда. Спасибо, что привела меня сюда. – И шагнула к ОДЕКу.

– Минуточку, – сказал Тристан. – Позвольте я объясню, что будет, когда его активируют.

Он кухонной рукавицей открыл дверь и жестом пригласил Эржебет внутрь – мы все услышали ее изумленный возглас, – затем наклонился к ней и спокойным деловитым тоном начал объяснять, что произойдет.

Ода, Максы и я переглядывались с различными выражениями, которые все безмолвно выражали одну мысль: «Опупеть!» «Это и впрямь происходит», – сказала я, чувствуя, как мое сердце пускается в пляс. Тристан и ведьма у входа в ОДЕК – от этого зрелища меня охватило сладостное волнение. Если бы не он, я бы сейчас проверяла домашние работы по синтаксису.

Я прошествовала к ним и спросила Тристана:

– А нам не надо одеть ее в лыжный костюм?

– Я не нуждаюсь в защите от сил, которые возродят мою магию, – фыркнула Эржебет.

– Но там будет холодно, как в Сибири.

– Пфуй, – сказала она. – Меня это взбодрит.

– Как бы это не взбодрило вас до смерти, – предостерег Тристан.

Она состроила мину, которая за последний час стала ее фирменным стилем: поджала губы, презрительно свела брови и, чуть склонив голову набок, завела глаза к потолку. У кого-то – у роковой злодейки из немого кино, может быть, – это получилось бы эффектно, но в исполнении дряхлой старухи выглядело просто смешно.

– Вы и не подозреваете, насколько я в некоторых смыслах сильна, – заверила она.

Мы переглянулись. Я была сама не своя и восхищалась невозмутимой манерой Тристана (хотя и его лицо буквально лучилось от волнения).

– Стоукс, оденься и зайди с ней, хорошо?

– Не называйте ее Стоукс, это невежливо, – оскалилась Эржебет. – Вы очень невежливый молодой человек. Вы еще раньше обвинили меня во лжи. Не вынуждайте меня показывать себя с некрасивой стороны. Вы об этом пожалеете. Но, – тут она повернулась ко мне с улыбкой, не менее яростной, чем недавний оскал, – я согласна, чтобы при моем первом колдовстве присутствовала Мелисанда. Это более чем уместно, ведь она была причиной последнего колдовства.

Мы с Тристаном озадаченно переглянулись и ничего не сказали.

– Расскажите нам про это свое первое колдовство.

Эржебет беспечно пожала плечами и, водрузив сумку на пульт управления, принялась в ней рыться.

– Ничего особенного. Совсем простое колдовство. Мне надо всего лишь отменить прежнее заклинание. А потом я смогу делать то, о чем попросите вы. Пошевеливайся, Мелисанда.

Я надела комбинезон, вернулась в ОДЕК и потянула вниз кислородную маску. Эржебет шокированно на меня уставилась. Она перебирала в руках что-то непонятное: сквозь окошко маски казалось, будто она гладит веревочную швабру. Однако спросить, что это, я не успела, потому что Эржебет вновь набросилась на Тристана:

– Это вы ее заставили так одеться? Вы мне совсем не нравитесь.

– Это для тепла, – коротко ответил Тристан. Он перестал называть ее «мэм».

Эржебет (в винтажном коктейльном платье, которое болталось на ней, как на вешалке) и я (в комбинезоне, балаклаве и кислородной маске) стояли и смотрели. Тристан показал нам большой палец и закрыл дверцу. Пришлось немного подождать, пока Ода, Максы и Владимиры проверят готовность аппаратуры. Я глядела на старуху напротив меня и ощущала множество противоречивых чувств сразу: волнение, неверие, предвкушение, растерянность, страх, надежду. Скажи мне тогда кто-нибудь, что с этого начнется череда моих зловключений, я бы его обетебала язвительно высмеяла.

Помню, что произошло в следующую примерно четверть секунды: приглушенный дверцей звук сирены снаружи, меркнувший свет, бегущие по коже мурашки. И в это самое мгновение меня окутал дивный аромат, цветочный и в то же время мускусный, а потом – как и в первый раз – сознание помутилось, и в себя я пришла, когда кто-то стягивал с меня балаклаву. Я полулежала в смутно знакомом офисе, упираясь спиной в чьи-то колени.

– Стоукс? Ты как?

Мне потребовалось мгновение, чтобы осознать услышанное. Только один человек называл меня «Стоукс» – сотрудник теневой правительственной структуры. Видимо, это он. У него было имя из средневекового романа. Персиваль? Ланселот?

– Тристан, – со смехом поправил он. – Но на «Ланселота» тоже отзываюсь. – Он взъерошил мне волосы. – Давай, садись. Познакомься с нашей новой ведьмой.

Воспоминания нахлынули все разом.

– Да, – с трудом выговорила я. – Эржебет. Я с ней знакома.

– Нет, – хохотнул он. – Посмотри, – и подтянул меня вверх так, чтобы я увидела другую часть помещения.

Футах в двадцати от меня, возле пульта управления, стояла ослепительно красивая девушка, совсем юная, почти девочка, в платье Эржебет. Теперь оно облегало и обтягивало исключительно хорошую фигуру: почти идеальные песочные часы. Темные густые волосы доходили до плеч, глаза сияли зеленым огнем. Она загипнотизировала нас уже тем, что просто стояла здесь, кривя уголок губ в дерзкой торжествующей улыбке.

С помощью Тристана я неловко поднялась на ноги; комбинезон синтетически шуршал при каждом движении. Я чувствовала себя снежным человеком в присутствии газели.

– Познакомься с Эржебет Карпати. – Тристан расплылся в улыбке. – Она – наша ведьма.

Диахроника

день 294 (продолжение)

В которой все, что она творит, – магия

Все в комнате – Ода-сэнсэй, Ребекка, Максы – смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Дерзкий торжествующий взгляд остановился на Тристане.

Тот начал смеяться, чуть задыхаясь от ликования, которое силился, но не мог сдержать.

– Вау, – упоенно проговорил он, и я почувствовала спиной движение его торса. – У нас получилось.

Зрители захлопали. Все лица сияли.

– У меня получилось, – уточнила Эржебет. Акцент, который в старушечьей речи звучал сварливо, теперь добавлял шика ее экзотической красоте. – Я предупреждала, чтобы вы не заставляли меня показывать себя с некрасивой стороны.

– По-моему, у вас нет некрасивых сторон, – сказала я, чтобы этого не сказал Тристан.

Она перевела взгляд на меня и немного посерьезнела:

– Теперь я выгляжу более знакомо? Такой я была в нашу первую встречу. Мне едва исполнилось девятнадцать, но я была очень одаренной. Тебе повезло, что ты нашла именно меня.

– Извините, но мы правда раньше не встречались, – сказала я ей, затем почти шепотом обратилась к Тристану: – Я... я бы хотела это снять.

Глупо было чувствовать себя такой нелепой и нескладной просто от того, что в комнате находится умопомрачительная красавица. Мужчины никогда не падали передо мной штабелями – Тристан и вовсе вел себя так, будто я его придаток, – но внезапно я почувствовала себя уродиной.

Тристан, по-прежнему прилипнув взглядом к лицу Эржебет (и ее формам, я уверена), выпустил меня, так что я смогла расстегнуть комбинезон. Однако даже в нормальной одежде я ощущала себя колодой, пока мы все находились под очарованием этого элегантного существа. Нет, очарование – неправильное слово. Оно наводит на мысль о златокудрой сказочной принцессе. Эржебет была не такая. В ней чувствовалась угрожающая сила: не демонстративная агрессия школьной альфа-самки, а нечто природное, непринужденное. И она явно получала удовольствие от того, как нас всех поразило ее преображение.

– Ощущения были очень приятные, – безапелляционно продолжала она, обращаясь к Тристану. – Так что не смейте никогда больше говорить, что мне полезно, а что – нет.

– Ясно, – почти смиренно ответил он. Его взгляд, как намагниченный, все время устремлялся на ее еиёки-грудь бюст; потом он с заметным усилием вновь переводил их на ее лицо.

Последовала долгая пауза, пока мы осознавали происходящее, а Эржебет купалась в нашем общем внимании. Несколько голосов тихо произнесли: «Вау!» или нечто настолько же вразумительное. Нас больше ошеломил сам факт преображения, нежели его результат (хоть я и не в силах передать, насколько этот результат был впечатляющий), но в любом случае мы онемели – к ее нескрываемому удовольствию.

Наконец Тристан взял себя в руки.

– Итак, – начал он и негромко кашлянул, – значит, все хорошо. Как вы это сделали?

– Колдовство было большое. Сложное, – беспечно отвечала Эржебет. – Но я репетировала его в голове сто шестьдесят лет, шлифовала то, что придумала еще в Будапеште. Я хотела убедиться, что меня устраивает работа ОДЕКа. – Она улыбнулась и качнула бедрами, так что подол коктейльного платья волной колыхнулся у колен. – И – да, мне никогда не колдовалось так легко, как в этом ОДЕКе. Мне очень понравилось. Что наколдовать теперь?

– Какие виды магии вы обычно практиковали? – спросил Тристан. Не отрывая глаз от ее лица, он указал на столик, где стоял «Макбук эйр». – Стоукс.

Я послушно взяла ноутбук, села, открыла программу-диктофон и нажала «запись»; в качестве бэкапа я решила печатать их беседу и замерла, держа пальцы на клавиатуре.

Эржебет посерьезнела, но даже так она была гипнотически прекрасна.

– Я была молода, магия угасала, а время было очень бурное. Моя матушка состояла на службе у Лайоша Кошута, и если вы хоть что-нибудь знаете о нашей истории, то понимаете, что колдовство ее редко оказывалось действенным. Я помогала ей, когда она просила.

По-прежнему глядя на Эржебет, Тристан сделал мне знак.

– У Лайоша Кошута, – повторила я, печатая.

– Через «о», – сказала она мне.

– Через «о», знаю, – ответила я.

Ее волшебные темные глаза вновь обратились к Тристану.

– Мне нравится, что Мелисанда образованная, – одобрила Эржебет, словно это его личная заслуга, и продолжила: – Когда революция потерпела крах, после бегства Кошута в сорок девятом, аристократы стали приглашать меня и мою матушку показывать им глупые салонные фокусы. Мы меняли кому-нибудь цвет волос или заставляли кого-нибудь выбалтывать глупые детские тайны. Унизительное занятие, я его ненавидела, однако матушка очень тревожилась из-за угасания наших сил и боялась утратить покровительство этих ужасных людей. Она так лебезила перед ними, что я, дабы не видеть ее позора, уехала за границу.

– Куда? – спросил Тристан.

– Я хотела последовать за Кошутым, но его жена этому воспротивилась, и я на время отправилась в Швейцарию – учиться у одной могущественной ведьмы. Она стремилась передать младшим различные формы колдовства, в том числе уже не востребуемые в ту эпоху, поскольку мир, видя упадок наших сил, обращался к нам все реже и реже. Задним числом ее усилия представляются несколько романтическими, как если бы сегодня учили определять дол-

готу с помощью хронометра. Мало что из усвоенного пригодилось мне в дальнейшем, однако я по-прежнему благодарна ей за науку, хотя со временем оставила ее и вернулась к родителям в Будапешт.

– Так вы можете превратить кого-нибудь в тритона? – спросил Тристан, переходя к делу.

– Могу, конечно, – ответила она. – Что за глупый вопрос!

– А обратно превратить сможете? – быстро вставила я.

– Если захочу, – беспечно заметила Эржебет. Затем с легким вызовом глянула на Тристана. – Хотите меня проверить?

Он на мгновение задумался, оценивая ее на самых разных уровнях.

– Давайте начнем с неодушевленных предметов, – сказал он наконец. – Полагаю, это возможно? В смысле, можете вы... преобразать неодушевленные предметы?

– Скажите, что вам нужно, – произнесла она, раздвигая губы – почти расплываясь – в чарующей улыбке.

Теперь они улыбались друг другу, словно лучшие друзья. Тристан взволнованно закусил нижнюю губу, что придало ему очаровательно глупый вид.

Потом он сцепил руки перед собой и даже чуть напряг колени в полуприседе, словно тренер, просчитывающий план игры. Впервые я заметила – мимолетно – что у него ладный зад.

– На сегодня ограничимся несколькими шагами на самом базовом уровне. Стоукс будет записывать. Миз Стоукс будет записывать, – быстро поправился он, предвосхищая ее недовольство.

– Жаль, те глупые аристократы уже умерли, – с жаром произнесла Эржебет. – Как бы я им могла сейчас отомстить!

– Забудьте про них, – сказал Тристан, – у вас без того дел будет предостаточно.

До конца вечера он давал Эржебет простые задания, а мы смотрели и офигевали дивились. Не в моих силах передать наэлектризованную атмосферу, царившую в угрюмом офисном здании, наше изумление при виде того, как невероятное становилось очевидным. Хотя она начала с совершеннейших мелочей, сам факт, что у нас на глазах творится магия, поражающий воображение. Приведу только один пример, а затем перейду к дальнейшим событиям, поскольку я все еще не привыкла писать пером и это оказалось труднее, нежели я думала вначале, – *а мое время на исходе*.

Сперва Тристан поставил в ОДЕК галлон белой краски и попросил Эржебет превратить ее в черную, что та и сделала, а после того как Максы взяли немного краски на анализ, вернула ей белый цвет (эту краску тоже взяли на анализ). Выяснилось, что Эржебет может придать краске любой цвет, например, точно в тон предмета, помещенного с нею в ОДЕК. (Ей не удавалось воспроизвести результат, если краска или предмет находились вне ОДЕКа – и ее, и Тристана это доводило до иступления). Затем он поручил ей сгибать металлические стержни в идеальные кольца, раскалывать камни, разбивать и восстанавливать стекло. К тому времени мы убедились, что никто, находящийся с ней в ОДЕКе, не может (по определению, вообще-то) сохранять ментальную когерентность, так что Эржебет теперь колдовала в одиночку. Ее действия внутри ОДЕКа оставались для нас полнейшей загадкой.

На каждое волшебство требовалось от пяти до двадцати минут. Поначалу успех взбодрил Эржебет, но после первого десятка экспериментов она начала выказывать признаки усталости. Тристан предпочел их не замечать и попытался выйти на новый уровень: попросил ее материализовать что-нибудь из ничего.

– Не бывает никакого «ничего». Даже в том, что вы называете вакуумом. Но сейчас я устала, – сказала она, облокотясь на панель управления. – Материализация – сложное вызывание и требует множества расчетов. И мне надоело колдовать по вашей указке, мистер Тристан Лионс. Может быть, завтра.

Сказано это было так, что Тристан не посмел настаивать. Вид у него был разом довольный и огорченный.

– Значит, на сегодня шабаш, – объявил он. – Встречаемся здесь завтра в девять ноль-ноль. И, мисс Карпати, спасибо вам за сегодняшние труды. Вы начали менять будущее магии. Спасибо.

Эржебет состроила свою обычную презрительную гримаску и не ответила.

Максы – которые пялились на красавицу-ведьму практически все время, что она была не в ОДЕКе, – начали собирать куртки и сумки, и тут меня поразила внезапная мысль: «Куда мы ее денем?» Не обратно же в дом престарелых – об этом не могло быть и речи.

Из раздумий меня вывел тихий голос Ребекки:

– Большая у вас квартира?

Я обернулась.

– Не очень.

Ребекка вздохнула – довольно громко, чтобы обратить внимание Тристана и Оды.

– Что ж, – сказала она чуть повышенным тоном. – Наверно, нам придется разместить ее у себя. Но только на одну ночь.

Эржебет услышала это, с улыбкой расправила плечи и подошла к нам. На миг с нее слетела всякая осторожность: она самозабвенно вскинула руки в ликующем жесте и воскликнула:

– Какое счастье вырваться из тюрьмы!

– Сколько у вас гостевых комнат? – тихонько спросил Тристан. – Я за нее отвечаю и должен...

– Вовсе вы за меня не отвечаете, – резко ответила Эржебет и вновь скроила презрительную мину. – И вы не вправе мною командовать.

– Извините, мисс, но без меня вы были бы сейчас дряхлой старухой в богадельне.

– Вы тут ни при чем, – парировала она. – Меня нашла Мелисанда. Ей это тоже не дает права мной помыкать, но по крайней мере я перед ней в долгу.

Из дневника Ребекки Ист-Ода

19 мая

Вчера мы привезли к нам всех троих. Я четко дала понять, что это наш дом, а не гостиница для физиков-экспериментаторов и живых ярмарочных экспонатов. (Разумеется, не в таких выражениях. До сих пор не могу прийти в себя по поводу Эржебет.)

Они тут же заспорили, кому где спать. У нас есть гостевая комната с двуспальной кроватью и комната Мэй (с одинарной). Тристан сказал, что ляжет в комнате Мэй, но Эржебет пожелала спать одна. Вот их разговор:

ЭРЖЕБЕТ: Смехотворно, что вы (Тристан/Мел) отказываетесь спать вместе.

МЕЛ: Мы не *отказываемся*, мы...

ЭРЖЕБЕТ: Ну и отлично. Спите.

МЕЛ: Мы просто не спим.

ЭРЖЕБЕТ: Почему?

МЕЛ: У нас не такие отношения.

ЭРЖЕБЕТ: Почему?

МЕЛ: Просто не такие, и все.

ЭРЖЕБЕТ: Глупейший ответ и отнюдь не довод, чтобы лишить меня отдельной комнаты. Даже в той *тюрьме* у меня была своя комната для ночного сна.

МЕЛ: Он очень громко храпит, и я не смогу сомкнуть глаз.

ТРИСТАН: Да, я ужасно храплю, женщины меня все время из-за этого бросают.

ЭРЖЕБЕТ: Они бросают вас из-за другого.

МЕЛ: Так что давайте мы с вами ляжем на двуспальной кровати, а Тристан – в отдельной комнате.

ЭРЖЕБЕТ: Не могу поверить в те унижения, которым я подвергаюсь при вашем режиме. Делить не только комнату, но и постель. Последний раз со мной такое было в тысяча девятьсот тридцатых.

ТРИСТАН: Если вы хотите вернуться в Элм-Хаус, то я вас отвезу.

МЕЛ: Давайте вы уже все нах*р успокоитесь.

Тристан отвел Мел в сторонку обсудить наблюдение за Эржебет. Я в качестве хозяйки дома подошла узнать, не нужно ли ей что-нибудь из вещей. Оказалось, что она уехала из дома престарелых с одной-единственной большой сумкой из кожзаменителя, не иначе как украденной из фотоателье. Эржебет вытащила из этой сумки свои пожитки и разложила их на нашем комод: старые-престарые щетинные щетки для волос, пару платьев и комбинаций, атласный мешочек с косметикой и туалетными принадлежностями, нейлоновые чулки. Плюс какую-то вещь не то из пряжи, не то из веревочек, что-то объемное. Пестрая кошка запрыгнула на комод, оглядела этот предмет, но садиться на него не стала.

Я присмотрелась внимательнее. Вещь была очень старая и ветхая. Центральную артерию составлял толстый шерстяной шнур длиной примерно с мою руку, к которому были привязаны несколько сотен ниточек потоньше, разной длины. На каждой были сотни узлов разной сложности и размеров, где-то чаще, где-то реже. Некоторые нити были нарочно спутаны, некоторые – собраны в пучки толщиной примерно в мой палец наподобие дредов. Все в целом походило на вещь, которую я помнила по своему любимому курсу в колледже, южноамериканской антропологии. Видимо, то, что я приняла за испорченную веревочную швабру, было на самом деле мнемонически-счетным устройством.

– Похоже на андское кипу, – заметила я.

– Ммм, – рассеянно протянула Эржебет. Она сняла туфли и теперь блаженно шевелила пальцами ног. – Мой лучше. – Она согнала кошку с комода. – А у вас что?

– Простите, не поняла?

– Что у вас для... – Она осеклась и растерянно захлопала ресницами. – Не важно. – Голос у нее был сердитый, но лицо скорее грустное. – Я забыла, что магии больше нет, кроме как в ОДЕКе. – Эржебет взглядела в меня внимательнее. – Так вы не можете колдовать? Совсем?

– Не могу, – ответила я. Голос ровный, лицо непроницаемое.

– Теперь можете. В ОДЕКе.

– Я не умею колдовать, – ответила я, надеясь, что Мел вернется и прервет наш разговор.

– Ах да, – рассеянно проговорила Эржебет и принялась расчесывать волосы. – Конечно, если нельзя колдовать, то никто этому не учит. Интересно, попросит ли меня Тристан Лионс учить ведьм колдовству? Наверное, да.

– Я вроде бы не вызывалась стать ведьмой, – ответила я.

Она на миг замерла со щеткой в руке и заинтересованно глянула на меня.

– Вы и так ведьма.

– Извините. Я не знаю, почему у вас сложилось такое впечатление. Из-за того, что я знаю про кипу? Это никак не связано с магией, я просто...

Эржебет вновь принялась расчесывать волосы.

– Разумеется, вы ведьма, – чуть раздраженно проговорила она. – От вас пахнет как от ведьмы.

– Что? – изумилась я. – Что вы хотите сказать?

Она пожала плечами.

– Как пахнут младенец, старик, влюбленный? Это разные человеческие запахи. От вас пахнет ведьмой. Какое счастье снова расчесывать густые волосы! В молодости этого не ценишь по-настоящему.

– Извините, но я не ведьма. Это просто нелепость.

– Значит, ведьмой была ваша бабка, – спокойно объявила она, кладя щетку на комод. – Кто-то по женской линии. У вас это в крови.

Внезапно я как-то до нелепого сильно разозлилась на Фрэнка.

– Это мой муж подучил вас так сказать?

– Вот еще! Стала бы я что-нибудь говорить по указке вашего мужа.

– Мою прапрабабку повесили в Салеме, но она не была ведьмой.

– Значит, не она, а кто-то еще из ваших прародительниц. – Эржебет открыла атласный мешочек и принялась там что-то высматривать.

– Чепуха, – рассердилась я. – У меня нет такого. – Я ткнула пальцем в похожую на кипу вещь. – Я не колдую, я не ведьма, и если вам кажется, что от меня пахнет, я пойду и побрызгаюсь дезодорантом.

– Вы так себя ведете, будто я вас оскорбила, – с улыбкой проговорила Эржебет, вытаскивая из мешочка флакон настойки ведьмина ореха и ватный диск. – Я сделала вам самый большой комплимент.

– Не по моим меркам, – ответила я.

Выйдя от нее, я отправилась напрямик к Фрэнку, который за всю нашу совместную жизнь так и не усвоил, что салемская охота на ведьм – не повод для шуток. Он заверил, что ничего не говорил Эржебет, и напомнил, что не оставался с ней наедине, а потом – видимо, раз уж я первая затронула эту тему, – повторил свое любимое шутовское предположение, будто Мэри Исти и вправду была ведьмой.

– Теперь, когда выяснилось, что ведьмы существуют на самом деле, неужели тебе не хочется узнать точно? – проговорил он с обычной многозначительной улыбочкой.

Ну разве я могла когда-нибудь сердиться на Фрэнка за его любопытство? Итак. Я отнесла гостям полотенца и стаканы для воды, затем поднялась на чердак, где стоит бабушкин сундук. За четверть века я так его и не открыла, сколько Фрэнк ни уговаривал. Бог весть, что заставило меня открыть его в этот вечер. Родословную свою я знаю и без того, в письменных подтверждениях не нуждалась. Но что-то погнало меня на чердак именно сегодня.

Я дернула за шнурок, включила голую лампочку под потолком, встала на колени перед тяжелым кедровым сундуком, который стоит ровно посередине между трубами центрального отопления, окном и чердачной дверью. Сдула сверху основной слой пыли. Взяла за два ближайших угла и осторожно подняла недовольно скрипнувшую крышку: засов сломался по меньшей мере полвека назад.

Внутри лежала стопка семейных документов – я знала, что найду их там, – но тут я увидела вещь, которую раньше не замечала. В первый миг

я приняла ее за шарф или просто старую тряпку. Потом поняла. Застыла. Голова закружилась. Сходство с веревочками Эржебет было несомненно. «Надо рассмотреть внимательнее, – подумала я. – Надо потрогать. Да. Я достану это из сундука».

Тело меня не слушалось. Руки сами аккуратно закрыли крышку. Я встала и быстро вышла, словно меня гнала внешняя сила. Потом села на верхнюю ступеньку и сидела в темноте, дожидаясь, когда все в доме, даже Фрэнк, крепко уснут.

Диахроника

день 295–304 (конец мая, 1 год)

В которой кое-кому не хватает магии

На следующий день мы вернулись к ОДЕКу и начали более сложную серию экспериментов. Ребекка Ист-Ода ясно дала понять, что их с Ода-сэнсэем участие в проекте естественным образом завершено, так что ни он, ни она с нами не поехали.

Следующие две недели – пока Эржебет восстанавливала навыки колдовства и показывала нам свои умения, – мы сидели в здании почти безвылазно. Хотя нам не запрещалось выходить наружу, чтобы поесть, погулять, проветриться (я даже иногда заскакивала домой помыться), мы с Эржебет спали в помещении с ОДЕКом, а Тристан еще раньше устроил себе холостяцкую берлогу в старом офисе. К нашему приезду Максы уже притащили раскладушки, полотенца, постельное белье, двух упитанных лабораторных крыс, крысиный корм, ящик «Лучшего старого тиршитского горького» для Тристана, зубные щетки и пасту (Господи, сейчас я бы заплатила телом за тюбик «Креста»! Чистить зубы пастой из буры и костной ткани каракатицы, «подслащенной» анисом... брр), а также столько сухих хлопьев для завтрака, сколько влезло в офисный холодильник. Еще было несколько коробок с произвольным на вид реквизитом из списка, который Тристан накануне отправил Максам эсэмэской. Обустроив наш бункер, Максы немедленно собрались и отбыли – надо понимать, на следующее теневое правительственное задание. Они забрали с собой всех Владимиров, кроме одного. У нас по-прежнему оставался полный комплект Лукасов для охраны здания, но в остальном те были бесполезны.

Наступила долгая череда однообразных дней. Мы питались едой навынос, относительно невкусной (по меркам двадцать первого столетия... контекст, как всегда, определяет всё!), а к вечеру так уставали, что не могли даже разговаривать. Тристан в особенности выглядел заматанным и озабоченным. Воспоминания об этом периоде у меня остались довольно тусклые, несмотря на то что занимались мы удивительными вещами.

В первую неделю, по указанию Тристана, были проведены следующие эксперименты: материализация неодушевленных предметов, как природных (например, камней и палок), так и созданных человеком (например, игрушечного пистолетика с пистонами... или по крайней мере чего-то его напоминающего), изменение химического состава жидкостей (например, превращение обычной воды в соленую), перемещение небольших предметов (например, материализованного пистолетика) из одного места в ОДЕКе в другое. Указания менялись от обыденных («выверните этот свитер наизнанку») до затейливых («превратите это ванильное мороженое в шоколадное с орехами»), жутковатых («оживите чучело кошки») и ошарашивающих («превратите эту лабораторную крысу в тритона»).

Эржебет охотно демонстрировала свои умения, хотя через день или два, освоившись с ними после долгого перерыва, дала понять, что находит сами задания скучными и дурацкими.

Она известила нас, что будет колдовать, потому что ей это нравится, а не просто потому, что мистер Тристан Лионс того требует. Она разминала мускулы, которые не разминала много лет, и, до определенной степени, рисовалась перед нами. Однако мы знали: рано или поздно она натешится и откажется продолжать этот ярмарочный балаган.

Тристан не тратил время на объяснения, чего именно хочет его начальство, и я, беря с него пример, просто старалась как можно больше узнать о возможностях Эржебет, хотя задача эта оказалась нелегкой. Эржебет сама назначила нас хорошим/плохим полицейским, так что естественно было играть эти роли. Тристан давил; я улещивала. Он внушал ей ощущение собственной значимости, я – чувство, что ее ценят. Если честно, дня через три стало ясно, что моя работа куда труднее: Эржебет была, если прибегнуть к поствикторианскому выражению, «дамочка с запросами».

Помимо ее фанаберий, нас больше всего напрягало, что мы не можем заснять или записать то, что она делает в ОДЕКе. Сами мы с ней тоже находиться не могли, потому что сразу теряли сознание. Закончив очередное колдовство, Эржебет стучала по дверце ОДЕКа, чтобы ее выпустили.

Соответственно, узнать что-нибудь мы могли только с ее слов. Поскольку на вопросы Тристана Эржебет не отвечала (вернее, отвечала, но лишь колкостями), он делил время между изучением объектов, над которыми она колдовала, и ежечасными отчетами о ее успехах, которые слал в теневую правительственную структуру по электронной почте. Видимо, Максы в красках расписали магическое преобразование Эржебет, и теперь начальство хотело, чтобы каждое ее новое действие было таким же сногшибательным, как она сама.

Я беседовала с Эржебет после каждого сеанса в ОДЕКе, но не сказать, что многого добились. Вот почти дословно, насколько я помню, суть одной из первых попыток:

(В этом эксперименте Эржебет взяла в ОДЕК мой свитер и превратила его из зеленого шерстяного в сиреневый полиэстеровый, что заняло неожиданно много времени – почти весь вечер – и странным образом совершенно ее вымотало. NB: да, у Тристана были особые причины для такого легкомысленного на первый взгляд задания.)

МЕЛ: Вы можете объяснить, как это сделали?

ЭРЖЕБЕТ: Пфуй! Нашла, где ты в сиреновом полиэстере, и переместила сюда. Найти было трудно. Не так много шансов найти у тебя в гардеробе полиэстер.

МЕЛ: Физики сказали бы, что в одной из параллельных реальностей в мультивселенной существует Мел в сиреновом полиэстеровом свитере.

Эржебет делает презрительную гримаску и пожимает плечами: мол, ее не колеблет интересуют, что сказали бы физики.

МЕЛ: Мы хотим понять, как он оказывается здесь, в этой реальности, и что происходит с изначальным свитером.

ЭРЖЕБЕТ: Я вызываю его сюда и избавляюсь от первого.

МЕЛ: Но как? Каким способом?

ЭРЖЕБЕТ: Так же, как ты делаешь все остальное. Ищешь способ получить нужный результат. Надо, чтобы вещь сгорела, кидаешь ее в огонь. Надо, чтобы она стала мокрой, льешь на нее воду. Надо, чтобы вещь с верхнего этажа попала на нижний, отправляешь кого-нибудь ее перенести. Тут в точности то же самое. Только сложнее рассчитать, что делать. Например, в этом сравнении – по какой лестнице отправить слугу, с какой скоростью и так далее.

МЕЛ: Но вы можете объяснить технически, не метафорически – что делаете и как?

ЭРЖЕБЕТ: Пфуй, если ты не понимаешь простейшего объяснения, то где уж тебе понять техническое.

МЕЛ: Можете вы по крайней мере объяснить, почему у одних людей получается колдовать, а у других – нет?

ЭРЖЕБЕТ: Это все равно что спрашивать, почему слепой не знает, как пахнет синий цвет.

...и такими были все наши разговоры. На моем тогдашнем ноутбуке оставались транскрипты двух десятков бесед. Сейчас они, вероятно, либо заархивированы, либо стерты. Если в следующие три недели я не выберусь из 1851-го, я не узнаю, что именно с ними случилось.

У Эржебет имелись все основания демонстрировать норы: она вполне осознавала свою власть. Мы чего-то от нее требовали (много чего, по правде сказать) и ничего не могли предложить взамен. Главное ее желание исполнилось: возвращение в дом престарелых ей, ослепительной девятнадцатилетней красавице, не грозило. Были у нее и другие желания, но поначалу она высказывала их лишь под настроение. Например, на двенадцатый день нашей совместной работы, когда мы сели перекусить, она объявила, что хочет съездить в Венгрию и «плюнуть на могилы своих врагов».

– У нас нет на это средств, – ответил Тристан, откусывая от бутерброда с тунцом. Хотя он сам ничего такого не говорил, ясно было, что его таинственный источник финансирования почти иссяк. Жидкий гелий подвозили все реже и только после выматывающих телефонных разговоров. Тристан то и дело вызывал Фрэнка Оду устранять очередные баги в ОДЕКе, и я чувствовала, что он делает это скрепя сердце, поскольку Фрэнку ничего не платили. Судя по взглядам, которыми его награждали Владимир и Лукасы, немалая часть порученных им заданий выходила за пределы их штатных обязанностей. Тристан и прежде обнаруживал некоторые симптомы гиперактивности и дефицита внимания, что временами добавляло ему обаяния, временами бесило. Теперь, когда его телефон звонил каждые несколько минут, симптомы эти заметно усилились. Он поставил разные рингтоны и режимы вибрации на разные входящие звонки, чтобы, не глядя, знать, кто его дергает. Среди этих рингтонов был и «Колокол Свободы» Джона Филипа Сузы – типичный американский патриотический официоз, марш для военных парадов. С целым набором дополнительных ассоциаций, связанных с тем фактом, что этот марш – главная музыкальная тема «Летающего цирка Монти Пайтона». При его звуках Тристан бросал любое занятие, вытягивался по струнке, сразу принимал звонок и спешил в тихую часть здания, то и дело произнося: «Сэр!» и «Есть, сэр!». Очевидно, этот рингтон он присвоил своему боссу. Я умирала от желания спросить, почему именно этот. Что для Тристана «Колокол Свободы» – патриотическая музыка или намек на британское абсурдистское телешоу, которые перестало выходить в эфир еще до его рождения?

Мы сидели рядом с ОДЕКом за небольшим столом, где я обычно беседовала с Эржебет после сеансов. Я как раз хотела сказать, что надо бы прогуляться вдоль реки Чарльз или даже съездить на озеро Уолден-Понд подышать свежим воздухом и погреться на солнышке (в Новой Англии были длинные выходные в честь Дня поминовения, а мы жили, работали и спали в подвале под искусственным светом. Так и рехнуться недолго.) Я до сих пор частенько гадаю, как бы все сложилось, если бы я заговорила раньше. Несомненно, в другой – лучшей – вселенной Мел предложила отправиться на прогулку, все трое вышли из здания, и генерал Шнейдер, приехав, никого на месте не застал.

Однако в этой вселенной все трое остались в подвале, и между нами произошел следующий разговор:

– Если вы будете нам помогать, – продолжал Тристан, глотая откушенный кусок бутерброда, – мы, вероятно, получим финансирование, и тогда, если вам правда так хочется плюнуть на могилы врагов, этот вопрос можно будет обсудить. – Внезапно он отложил бутерброд и, просияв, воскликнул: – Погодите! Мы можем сами добыть себе финансирование. Если вы умеете превращать обычную воду в соленую... почему не превратить...

– ...свинец в золото, – закончила за него Эржебет и тихонько взвыла. – Или что-нибудь еще в золото. Самое неоригинальное предложение в мире. Сколько существует магия, именно это в первую очередь просили у ведьм.

– И?

– Мы этого не делаем. Очевидно.

– Почему?

– Фу, хер вам скажут.

– Что?! – хором изумились мы с Тристаном. У Эржебет было много неприятных черт, но привычки к сквернословию за ней не водилось.

Та опешила от нашей реакции.

– Фу, хер, – повторила она. – *Фу-хер*.

Мы с Тристаном переглянулись, словно хотели убедиться, что не ослышались.

Эржебет рассмеялась неприятным смехом, означавшим, что ей на самом деле вовсе не смешно.

– До чего же вы испорченные. Это абсолютно нормальная немецкая фамилия. Фуггеры. Специально для вас повторю по буквам: Ф-У-Г-Г-Е-Р. Любой Фуггер вам это скажет.

– Ой, – сказала я. – Фуггер. Было такое старинное семейство немецких банкиров.

– Да.

– Вернемся к нашему вопросу. – Тристан потрянул головой. – Вы говорите, что мы должны спросить какого-то давно умершего немецкого банкира, почему нельзя превращать свинец в золото.

– Они не все умерли, – поправила Эржебет. – Если вы пойдете в финансовый квартал, то наверняка отыщете кого-нибудь из них в неприметном современном офисе.

– Ладно, – сказала я. – Очевидно, у банкиров есть доводы против превращения свинца в золото.

– Им бы это не понравилось, – ответила Эржебет.

Впервые с начала нашего знакомства она дала понять, что дорожит чьим-то мнением. Очевидно, Фуггеры были в ее представлении людьми, с которыми следует считаться.

– Если вам не нравится золото, давайте попробуем другой пример, – сказал Тристан. – Я покажу свои карты чуть больше, чем обычно. – Он убрал в карман телефон, с которого что-то читал под столом, и положил обе руки на стол, словно буквально показывая карты. – К черту золото. Вы можете получить обогащенный уран?

Эржебет задумалась.

– Который в бомбы кладут?

– Да, который кладут в бомбы.

Она мотнула головой.

– Конечно, нет. Это бы вызвало большие перемены слишком быстро, а когда магию применяют таким образом, случаются нехорошие вещи.

– Какие именно?

– Нехорошие, – отрезала она. – Хуже ваших бомб. У нас даже слов для такого нет. Так что мы этого не делаем.

– Значит, существуют правила. – Я открыла ноутбук и собралась записывать. – Не преобразовывать слишком быстро – правило. А какие еще есть?

– Нет никаких правил, – возмутилась Эржебет. – Мы просто этого не делаем. Тебе какое-нибудь правило запрещает прыгать в пропасть? Нет. Но ты не прыгнешь.

– Чего еще вы не делаете? – спросил Тристан.

– Глупый вопрос. Он все время задает глупые вопросы, – пожаловалась она мне. – Надеюсь, он не твой любовник, потому что он тебя не стоит.

– Почему это глупый вопрос? – не отставал Тристан.

– Можете вы перечислить мне все, чего не делаете? Нет. Вы не понимаете, что чего-то не делаете, пока вас не попросят это сделать. Так со всем, и с магией тоже.

– Вы можете привести какие-нибудь примеры? – с преувеличенным спокойствием спросил Тристан.

Эржебет задумалась, и одно блаженное мгновение мы оба думали, что она пойдет нам навстречу.

– Мне надоело только давать и ничего не получать, – сказала она. – Итак. Теперь ваша очередь давать. Я хочу кошку.

После недолгого растерянного молчания я спросила:

– В смысле домашнее животное?

– Нет, в смысле кошку, – ответила Эржебет.

– Живую кошку? – спросил Тристан.

– Конечно, живую! Зачем мне дохлая?

– Ладно, вы получите кошку, – смиловился Тристан. – Мы привезем вам ее на следующей неделе, как только вы сделаете что-нибудь, что можно показать начальству.

– Я покажу что-нибудь начальству после того, как вы привезете мне кошку, – победно возразила она.

– Эржебет, – начала я ласковым тоном закадычной подруги. – Нам некогда добывать вам кошку, лоток и все остальное. Но если вы хотите работать на влиятельных людей, которые могут обеспечить вам сколько угодно кошек, пожалуйста, помогите нам в ближайшие несколько дней.

Она поджала губы и уставилась в пространство между нами.

– Сведите меня с теми людьми, о которых речь. Зачем я трачу свое время, показывая глупые фокусы мелкой сошке?

– Потому что у мелкой сошки есть ОДЕК. – Тристан уже не скрывал раздражения. – Без ОДЕКа вы *ничто*. И этот ОДЕК – *наш*. Так что хватит выделываться.

Эржебет облила его холодным презрением.

– Должна кое-что сразу очень четко оговорить, – предостерегла она. – Во многих романах привлекательный молодой человек и красивая женщина пререкаются по малейшему поводу, а на самом деле тайно мечтают заняться страстной любовью. Здесь не тот случай.

Тристан запрокинул голову и громко, утробно загоготал.

– Я серьезно, – вспыхнула она.

– Я очень рад, что вы это четко оговорили, – ответил Тристан, силясь раздышаться. – Потому что, должен вам сказать, сейчас, когда генерал Шнейдер висит у меня над душой, стремясь выяснить, на что ваша магия годится, а я сто раз на дню убеждаю его и другое начальство, что она полезна, даже если вы еще не произвели им обогащенный уран, когда я из кожи вон лезу, доказывая им, что вы – ценное приобретение, когда мне *побриться* кажется неоправданной тратой времени на себя, мне так *охрененно* приятно знать, что ваша цель номер один – принизить меня еще больше, чем мое начальство стремится принизить вас. Продолжайте в том же духе. У вас отлично получается. Чтобы окончательно *размазать меня по асфальту*, осталось совсем немного, но не волнуйтесь, это дело ближайших дней: скоро нам перекроют кислород, а вы останетесь на улице, откуда вас даже в богадельню не возьмут. – Он вскочил и, стиснув руками виски, стремительно протопал в дальний конец помещения. – Черт.

Он сделал глубокий вдох и сказал:

- Приношу извинения. Не сдержался. У меня была трудная неделя.
- Они собираются перекрыть кислород? – шокированно осведомилась Эржебет.
- И давно это так? – ужаснулась я.

Тристан несколько раз взъерошил короткие волосы, потом вернулся и сел с нами.

– Почти с самого начала, – в отчаянии сознался он. – Генерал Шнейдер был в восторге примерно тридцать минут, затем он и доктор Рудж потребовали немедленных результатов. Чтобы вы начали материализовывать стелс-бомбардировщики или телепортировать невидимость в Сирию, и так далее.

До сих пор Тристан фамилий не называл, сохраняя полную секретность в отношении своего начальства. Сейчас он то ли правда дошел до ручки, то ли надеялся таким образом завоевать доверие Эржебет.

Если так, это не сработало.

– А вместо этого вы заставили меня выворачивать свитера наизнанку? – оскорбилась Эржебет. – И удивляетесь, что ваше начальство меня не ценит? Вы даже больший идиот, чем я думала.

– Каждое задание, которое я вам давал, было бета-тестированием чего-то другого, имеющего военное применение. От меня требовали вывернуть *человека* наизнанку. Очевидно, я должен был проверить это на свитере, а не на человеке и даже не на лабораторной крысе. И, разумеется, я сделаю, что от меня требуют, но в идеале хотел бы сделать *больше*. Я щепетильнее их и желал бы представить вас – позиционировать, так сказать – как специалиста, умеющего кое-что получше, чем выворачивать людей наизнанку.

– Например?

– Золото из свинца было бы ну очень круто, – мечтательно проговорил Тристан.

Эржебет мотнула головой.

– Может быть, тогда сами что-нибудь предложите? Учítывая, что колдовать вы можете только в ОДЕКе, ваши возможности довольно-таки ограничены.

– Эржебет может превращать крыс в тритонов, – напомнила я.

– Средний фокусник, выступающий на детских утренниках, тоже это может.

– Но не по-настоящему. И вообще, как насчет человека? Что, если я разрешу ей превратить в тритона меня?

– Я, наверное, не стану выворачивать человека наизнанку, – сообщила Эржебет Тристану. – Это было бы безвкусно. Вы, американцы, такие безвкусные.

– Превратите меня в тритона, – настаивала я. – Начальству это понравится.

И в этот самый миг, если я правильно помню, мобильный Тристана заиграл марш «Колокол Свободы».

Тристан вытащил его из кармана, глянул на экран, затряс головой и пальцем промотал сообщение вниз.

– К смотрю готовьсь! – объявил он, глядя в глаза сперва Эржебет, потом мне. – Ботинки чистить, пряжки драить!

Диахроника

день 304

В которой генерал Шнейдер убеждается в эффективности магии

Меньше чем через пять минут к нам присоединился кряжистый джентльмен в армейской форме и сопровождающий его военный помоложе, у которого, насколько мы могли судить,

было в жизни одно-единственное назначение: открывать перед начальником двери и держать его фуражку.

В ту пору я ничего не знала о чинах, мундирах и знаках отличия. Несколькими годами позже, проведя некоторое время рядом с военными, я определила бы в этих двоих бригадного генерала (одна звезда) и подполковника. На обоих была парадная форма – армейский эквивалент костюма-тройки. Соответственно, у каждого на правом нагрудном кармане была плашка с фамилией, и я узнала, что их зовут Шнейдер и Рамирес, еще до того, как Тристан нас друг другу представил, что он проделал с более чем обычной военной четкостью.

Генерал Шнейдер, припадая на одну ногу, обошел помещение и обменялся рукопожатиями сперва со мной, потом с Эржебет. Держался он подчеркнуто важно и официально. По мне генерал только скользнул взглядом и тут же перенес внимание на Эржебет, оглядел ее с головы до ног и на краткий миг остался доволен увиденным. Однако в следующий миг он нахмурился и обратился к Тристану.

– Как я понимаю, это и есть Актив, – сказал он, указывая пальцем.

– Показывать пальцем *очень* невежливо, – заметила Эржебет.

Тристан торопливо вмешался:

– Да, генерал Шнейдер. Мисс Карпати – та, о ком я вам говорил.

– Это, видимо, тот, кто хотел, чтобы я выворачивала людей наизнанку, – промолвила Эржебет тоном оскорбленного достоинства. – Очень безвкусно.

Шнейдер как-то странно на нее покосился, но тут Тристан сказал быстро:

– Вы приехали как нельзя кстати, сэр. Мы как раз вели очень продуктивное обсуждение.

– Вы сказали «пару недель», майор Лионс. В моем словаре «пара» означает «две». Две недели прошло.

– Генерал Шнейдер...

– Вы делаете не то, что мы обсуждали. Вы отклонились от плана работ и подсовываете нам научный проект.

– Сэр, я объяснял в рапорте... – начал Тристан, но Эржебет его перебила:

– Мои силы чересчур слабы на взгляд человека, который неспособен самостоятельно открыть дверь?

– Эржебет как раз собиралась превратить меня в тритона, – с жаром вмешалась я.

Генерал Шнейдер глянул на меня снисходительно и повернулся к Эржебет:

– Да, про тритонов я слышу всю неделю. Может, тысячу лет назад это и впечатляло...

– Я родилась в тысяча восемьсот тридцать втором, тысячу лет назад меня на свете не было, – возмутилась Эржебет. – Если вы настолько не умеете считать, где вам постичь то, что мистер Тристан Лионс пытается тут осуществить.

– Такого рода фокусы – *ничто* в эпоху дронов, крылатых ракет и штурмовых винтовок, – продолжал Шнейдер, заглушая ее голос. – И согласно рапорту *майора* Лионса, вы пыхтели над этим весь день. За то время, что вы произнесете первую часть заклинания, я успею зарядить пистолет и всадить обойму вам между глаз.

– Потребуется ли вам для этого помощь вашего холуя? – осведомилась она.

Шнейдер через плечо обратился к подполковнику Рамиресу:

– Пойдите осмотрите здание.

Рамирес без единого слова удалился.

– Максы мне нравились больше, – объявила Эржебет.

– Вы поняли, о чем я говорю? – угрожающе спросил Шнейдер. – Если вы хотите, чтобы налогоплательщики Соединенных Штатов и дальше субсидировали ваши косметические сеансы, удивите меня. Сейчас. Сегодня. Сию минуту.

– Прекрасно, – проворковала Эржебет, расцветая так, что у меня мороз пробежал по коже.

Я глянула на Тристана – он смотрел на нее пристально, и не с тем придурковатым выражением, с каким мужчины обычно смотрят на очень красивых женщин.

Эржебет встала и указала на открытую дверцу ОДЕКа, улыбаясь как домохозяйка в теле-рекламе пятидесятых.

– Если вы соблаговолите войти туда, генерал, я покажу вам ту магию, какую вы желаете. Поверьте, мне будет чрезвычайно приятно вас удивить.

– Генерал... – осторожно начал Тристан.

– Отлично, – произнес генерал, явно плененный внешними качествами Эржебет. Я сразу поняла, что в своем мире он привык иметь дело с безотказными женщинами, которые наперебой стремятся его убажить. – Именно за этим я и здесь, майор Лионс. Почему мне потребовалось ехать сюда лично, чтобы разрулить ситуацию? Где то, что я должен надеть?

– В том углу. – Я указала на вешалку с костюмами для снегоходов.

Тристан почтительно спросил разрешения поговорить со Шнейдером наедине. Они ненадолго вышли в серверную, и я слышала, как Тристан пытается что-то объяснить, а генерал перебивает. Внезапно дверь распахнулась, и Шнейдер вышел прихрамывая походкой, заводя глаза к потолку. Я подала ему комбинезон, затем движением головы отозвала Эржебет в сторону. Она подошла к пульту управления и, не глядя, принялась рыться в сумке – эта привычка была у нее подобием нервного тика.

– Не выворачивайте его наизнанку, – сказала я.

– Ну разумеется, – оскорбилась Эржебет. – Кровь... содержимое желудка... все на моем платье.

– Вы понимаете, о чем я. Не причиняйте ему вреда. Вы сказали, что мне обязаны – я буду считать, что вы заплатили долг, если вы обещаете не причинять ему вреда.

Эржебет улыбнулась невинной улыбкой, от которой мне сделалось жутко.

– Обещаю, что я не причиню ему вреда. – И, улыбнувшись так же широко, как в первый день, она оставила в покое сумку, прошла, покачивая бедрами, в ОДЕК и стала ждать Шнейдера.

Тот тем временем застегивался в самый большой из наших комбинезонов, который все равно оказался ему узковат. Я поняла, отчего у генерала такая странная походка – вместо одной ноги у него был протез.

– Дайте нам пятнадцать минут, пожалуйста, – крикнула Эржебет Тристану, когда генерал втиснулся к ней в ОДЕК. – Чтобы удивить генерала, надо будет постараться.

Мы захлопнули дверцу, Тристан подошел к пульту управления и включил рубильник.

Разумеется, что происходит в ОДЕКе, мы никак узнать не могли – неизбежное следствие номера с котом Шредингера. Но через одиннадцать минут стук изнутри известил нас, что Эржебет закончила.

Тристан подошел к пульту управления и выключил ОДЕК. Я надела кухонные рукавицы, в которых мы брались за обжигающе-холодные задвижки, и открыла дверцу.

– Итак, – весело объявила сияющая, раскрасневшаяся Эржебет, – я показала вашему хозяину магический фокус.

Она шагнула в комнату, давая нам возможность заглянуть внутрь. И нашим взорам предстало – то есть так мы тогда подумали – распростертое на полу недвижимое тело генерала Шнейдера.

– Генерал Шнейдер! – воскликнул Тристан, бросаясь в ОДЕК.

Для меня места уже не осталось, и я удовольствовалась тем, что сунула внутрь голову.

Шнейдера в ОДЕКе не было. На полу растянулся пустой с виду комбинезон. В капюшоне по-прежнему лежала кислородная маска.

– Где он? – в ужасе спросил Тристан.

– Вы превратили его в тритона? – выговорила я.

Эржебет смотрела на свои ногти.

– О нет! Над этим бы я пыхла целый день.

Тристан поднял комбинезон за плечи; одна штанина повисла прямо, словно под грузом чего-то тяжелого, и брякнула о пол ОДЕКа.

– Дай-ка мне, – сказала я и протянула руки.

Тристан сунул в них комбинезон, который я за плечи вытащила из ОДЕКа и разложила на полу в комнате. В ОДЕКе осталась сложная конструкция из резиновой чашечки, ремешков и углеволоконного стержня с мужским ботинком на конце. Протез Шнейдера.

Я осторожно расстегнула молнию на комбинезоне. У меня была догадка о том, что произошло. Где-то внутри комбинезона – живой тритон. Надо его найти, поймать и вернуть в ОДЕК, где Эржебет совершит обратное превращение. Ничего страшного не случилось. Убедительное доказательство.

В комбинезоне обнаружился полный комплект одежды: рубашка застегнута, галстук завязан, рукава рубашки заправлены в рукава кителя. Но человека не было. Тристан вышел из ОДЕКа, неся в одной руке искусственную ногу Шнейдера, в другой – оставшийся ботинок со свисающим из него носком.

Я аккуратно вытащила кислородную маску из капюшона. Из нее хлынул камнепад маленьких блестящих предметов, следом выпали два искусственных зуба, соединенные розовой пластмассовой перемычкой. Это подсказало мне, что за блестящие кусочки металла высыпались первыми.

Пломбы из зубов Шнейдера.

Тристан тщательно прощупал китель и рубашку и ничего не нашел. Тогда он расстегнул то и другое. Внутри белой рубашки обнаружился маленький гладкий предмет с двумя отходящими от него проводками.

– Это, – сказал Тристан, – кардиостимулятор.

Я даже говорить толком не могла, поэтому показала на раскрытой ладони пломбы и фальшивые зубы.

Тристан сел на корточки. Некоторое время он задумчиво созерцал разложенную одежду. На каком-то армейском автопилоте он обшарил ее и нашел маленький пистолет в кобуре на поясе. Тристан извлек магазин, затем отвел и отпустил затвор, чтобы выбросить патрон из патронника. Обезопасив оружие, он встал и повернулся к Эржебет.

– Что вы с ним сделали? – очень спокойно спросил Тристан.

– Погуглите, – беспечно ответила Эржебет.

– *Что* погуглить?

Она уперла указательный палец в подбородок и поглядела в потолок.

– Ммм. Венгрия, Надьбёржён, тысяча пятьсот шестьдесят четвертый, одноногий, голый. Возможно, *талтош*. Вероятно, найдете кое-что интересное.

– Стоукс! – раздраженно крикнул Тристан.

Я схватила ноут, открыла «Гугл», впечатала слова. Ничего полезного не выскочило.

– Ну? – спросил Тристан.

Я мотнула головой.

– Попробуй обновить, – сказала Эржебет. – Может, ему нужна секунда, чтобы поспеть.

– В каком смысле поспеть? – спросил Тристан.

– Поспеть за мной, – ответила она и принялась напевать себе под нос Листа.

Я открыла «Гугл» в новом окне и стала искать названные ей венгерские слова. «Надьбёржён» оказалось названием деревни. Слово «талтош» я знала раньше, оно означало что-то вроде «колдун».

Я вернулась к первому окну и нажала «обновить». Тристан обошел стол и уставился на экран из-за моего плеча. Эржебет любовалась собой. Я снова обновила страницу.

– Ничего, – сказала я.
– Попробуй варианты, – предложила она, отворачиваясь как бы в глубокой задумчивости. – Инвалид. Тарабарщина.
– Где он?! – повторил Тристан.
Я вновь обновила страницу. Нашелся один результат.
– Есть страница в Википедии, – сказала я.
– Что за... – пробормотал Тристан, пока я щелкала по ссылке.
– Я вошла в Википедию, – пропела Эржебет. – Могу поспорить, никто из моих врагов не вошел в Википедию.

Появилась страница, озаглавленная «Инцидент с надьбёржёнским «колдуном», из одного абзаца с двумя приписками. В первой сообщалось, что это заготовка статьи и желающие могут ее дополнить. Во второй указывалось, что статье нужны еще источники для подтверждения. Сам абзац гласил:

По свидетельству современников, в 1564 году в деревушке Надьбёржён посреди улочки материализовался голый одноногий человек, бормочущий что-то на неведомом языке. Деревня недавно пострадала от вспышки тифа, к тому же годами находилась между воюющими армиями Османской империи и Максимилиана II, императора Священной Римской империи, что неизбежно сказалось на настроениях селян. Оправившись от изумления, они связали неизвестного и потащили на центральную площадь с намерением сжечь на костре. Этому помешал священник местной церкви Святого Иштвана, который велел доставить «колдуна» в застенки инквизиции. Священник допрашивал того несколько часов, но не понял ни слова в иноземной тарабарщине. Разъяренная толпа наконец ворвалась в здание, вытащила пленника и сожгла его на костре.

Я вскочила. Мы в ужасе таращились на страницу.
– Что вы наделали?! – заорал Тристан и, подскочив к Эржебет, затряс ее за плечи. – Вы его убили!
Она силилась вырваться.
– Отпустите меня. Я его не убивала, его убила толпа. Так сказано в Википедии. Если вы меня не отпустите, я вас укушу.
– Что вы *сделали*? – сдавленным голосом спросил Тристан, но Эржебет все-таки отпустил.
Она пожала плечами и одернула платье.
– Я *перенесла* его назад в тысяча пятьсот шестьдесят четвертый. Вот все, что я сделала. За то, что с ним произошло потом, я не отвечаю.
– Путешествие во времени, – неуверенно проговорила я. – Вы можете перемещать людей назад во времени.
– Людей можно перемещать в другие Нити, – поправила она. – Обычно это просто салонный фокус, но иногда он полезен, когда надо произвести на кого-нибудь впечатление.
– Насколько вы этим управляете? – спросил Тристан, быстро соображая. – Можете вы вернуть его назад до того, как толпа до него доберется?
Эржебет мотнула головой.
– Нет, потому что я не там. Если бы он попросил ведьму в Надьбёржёне, вежливо, она могла бы *перенести* его сюда.
– Почему вы не упоминали, что умеете это делать? – спросила я, в отчаянии пытаюсь извлечь из случившегося какую-нибудь полезную научную информацию. По правде говоря,

нам следовало бы знать самим – такое упоминалось в нескольких переведенных документах, но лишь как нечто совершенно незначительное.

Она, по обыкновению, презрительно пожала плечами:

– Это бесполезное умение, нужно учитывать столько... столько *переменных*, что никакой практической пользы от него нет. Обычно незачем и трудиться.

– Вы только что убили человека, – сказал Тристан.

– Я его *перенесла*, – возразила Эржебет. – Он очень невежливо со мной говорил.

– Чушь. Вы перенесли его туда, зная, что он погибнет. Вы управляли ситуацией, которая привела к гибели человека. Что это, если не убийство?

– Когда речь идет о магии, ничем управлять нельзя, – философски заметила она.

Тристан почти задыхался.

– Минуты назад он был здесь, в этой комнате. Что это, если не убийство, пусть даже непредумышленное?

– Он собирался закрыть ОДЕК. Я должна была его остановить.

– Вы могли бы превратить его в тритона или что-нибудь вроде того, – сказала я.

– Вы и без того знали, что я это умею, – проговорила Эржебет с прежним самодовольством. – Я хотела показать вам что-нибудь новое. Вы же этого просили? – обратилась она к Тристану. – Чего-нибудь неожиданного? Чтобы... как вы тогда сказали? «Позиционировать» меня.

– Это полная и окончательная жопа! – заорал Тристан и пнул ногой стул. Тот перелетел через всю комнату к дальней стене, где у него отвалилось сиденье. – Черт!!!

– Он был такой неприятный, – сказала Эржебет.

Тристан закрыл лицо руками и содрогнулся.

– Как я, в жопу, буду объяснять это вышесте... о Господи, вы все погубили. Свою собственную жизнь. Вы это понимаете? Всё, всё кончено. Вам пипец. Нам всем пипец.

Он яростно заходил по комнате, одновременно вскидывая руки, как будто врезался в паутину и теперь силится ее стряхнуть.

– Я совершенно серьезно говорю, – произнес он после недолгого молчания. – Стоукс, уходи, пока тебя в это дело не впутали. Уходи и оставь ее здесь.

– Я не трусиха и не собираюсь бежать, – заносчиво объявила Эржебет.

– Верно. Вы отправитесь в тюрьму, – отрезал Тристан.

– Там будет веселее, чем в доме престарелых, – не моргнув глазом парировала она.

– А может, лучше мне самому вас застрелить, – с внезапной усталостью проговорил Тристан.

Он поставил отброшенный стул, обнаружил, что сиденья нет, и сел на пол.

Эржебет его последние слова как будто даже обрадовали.

– Вот, теперь вы говорите как человек действия. Прежде я этой вашей стороны не видела и нахожу ее похвальной.

– Я серьезно, Стоукс, – хрипло повторил Тристан. – Уходи отсюда. Я должен буду сообщить, что произошло. – Он закрыл лицо руками и забормотал фразы предстоящего письменного рапорта. – Диахронические эффекты подтверждены... результаты непредсказуемые... потери личного состава... один павший в бою.

Диахронические. То есть «сквозьвременные».

Департамент осуществления диахронических... чего?

– Пойдите разыщите холуя. Я *перенесу* его в какое-нибудь более хорошее место, – предложила Эржебет. – А потом мы сделаем вид, будто они сюда не приезжали, и продолжим заниматься своим делом. Только теперь будем пробовать что-нибудь более интересное, да?

Тристан изо всех сил вдавил ребра ладоней в закрытые глаза и застонал.

– Заткнитесь, – сказал он. – Стоукс. Беги. Правда.

– Куда? – спросила я.

Он отвел руки от глаз.

– Просто уезжай из города. Я сам с этим разберусь. Как-нибудь. Я тебе сообщу, когда будет безопасно вернуться домой. Известить профессора Оду, что произошло. Иначе он заедет с предложением чем-нибудь помочь и ненароком угодит под раздачу. – Тристан тяжело вздохнул. – По пути отсюда скажи Рамиресу подойти ко мне. Думаю, начать объяснения надо с него.

Я не уходила. Мне хотелось кинуться к Тристану, но он это почувствовал и отмахнулся, словно бросая что-то в мою сторону.

– Уходи, – повторил он. – Извини, что втянул тебя в эту историю. Выйду на связь, когда смогу. Спасибо за все. А теперь иди. Быстро.

И он отвернулся от меня.

Диахроника

день 305–309 (начало июня, 1 год)

В которой выясняется, что это не конец, хотя задним числом понятно, что лучше было бы наоборот

Я пропущу тоскливый беспросветный сумрак следующих дней. Достаточно сказать, что, известив профессора и его жену о трагических событиях, я вернулась в свою квартиру на третьем этаже без лифта и не выходила оттуда кроме как за продуктами.

Я как одержимая проверяла Фейсбук каждые несколько минут в надежде, что Эржебет со мной свяжется. Я читала газеты, бумажные и виртуальные, гуглила (так что если меня могли вычислить, то уже узнали, кто я и где живу). Сожженный талтош в Венгрии оставался установленным историческим фактом. Эржебет Карпати – Актив, как назвала ее Шнейдер, – все так же не существовала в природе.

Я выискивала предложения работы в самых захудалых университетах – таких, чтобы потенциальным начальникам не захотелось обратиться к Блевинсу за рекомендациями.

И – хотя это звучит патетически – наверное, я горевала. Я самозабвенно (что мне, в общем-то, несвойственно) ринулась с головой в самое увлекательное приключение за всю мою размеренную жизнь, торила путь в совершенно новой области рядом с человеком, который, как я теперь понимала, был самым замечательным из всех, кого мне довелось встретить... и вдруг все это кончилось. Жизнь, путь, который мы торили, замечательный человек. Я осталась безработным ученым с отвратительным резюме и полным отсутствием каких-либо умений помимо знания неприличного числа преимущественно мертвых или умирающих языков. Никакая возможная работа и близко не могла увлечь меня так, как та, которой я лишилась.

После четырех или пяти самых длинных, самых унылых дней в моей жизни, вечером, когда я была настолько близка к умопомешательству, что начала переставлять собрание винтажных поваренных книг с алфавитного порядка по порядку японской слоговой азбуки, просто чтобы отключить мозги... зазвенел домофон. Я так подскочила, что чуть из кожи не выпрыгнула.

– Кто там? – заорала я в трубку.

– Стоукс! – раздался в треске электрических помех такой родной голос.

Нажимая кнопку, я вопила от радости. Он взлетел по лестнице, и – сама не верю – я бросилась ему шею с криком «Тристан!» и даже ~~еманно чмокнула~~ облобызала его в щеку.

– Ты цел?

Почти так же удивительно, но Тристан тоже крепко меня стиснул, а поскольку он намного выше, то на последней ступеньке оторвал меня от пола. Он еще раз прижал меня к себе, потом отпустил.

– Даже лучше, чем цел. Рад тебя видеть, Стоукс.

– Где Эржебет? Что произошло?

– С ней все отлично. Я объясню. Какое у тебя пиво? Эти вашингтонские чинуши все пьют светлый «Будвайзер». – Тристан вошел в квартиру. – Я скучал по тебе, Стоукс. – Он величавым жестом обвел комнатку. – Здесь все начиналось. Когда-нибудь на дом повесят мемориальную табличку.

– Что происходит? – спросила я, открывая холодильник и вынимая из дверцы бутылку «Лучшего старого тиршитского горького» – последнюю из упаковки, которую Тристан купил в день нашей первой встречи.

Он взял ее у меня, нашел открывашку, а через мгновение уже блаженно плюхнулся на мой диван и похлопал рядом с собой. Я села.

– Они все пишут кипятком по поводу диахронических эффектов, – объявил он. – Они двумя руками за путешествия во времени.

– Но она убила человека! – воскликнула я.

– Вот поэтому-то они двумя руками за путешествия во времени. Путешествие во времени дает результаты. Генерал Шнейдер получил звезду на стену.

– Чего-чего?

– Его объявили героически погибшим при выполнении боевого задания.

– Не понимаю, какая им от этого польза. Они собираются обманом заманивать врагов в ОДЕК, чтобы Эржебет *переносила* тех на Луну?

– Слушай, нам с тобой тогда совершенно отшибло мозги, и мы не поняли главного: можно перенестись во времени и не погибнуть, – сказал Тристан. – Можно переместиться назад во времени и что-нибудь *сделать*. На самом деле, похоже, этим уже занимаются.

– Что?

Он выпрямился и отхлебнул большой глоток пива.

– Разведка приметила кое-какую необъяснимую хрень, но эта хрень становится чуть менее необъяснимой, если ее причина – диахронические операции иностранных держав.

Он дал мне время переварить услышанное.

– ДОДО, – сказала я. – Департамент осуществления диахронических операций. Вы с самого начала знали, да?

– Подозревали. Теперь знаем.

– Ты серьезно?

Тристан кивнул.

– Ты хочешь сказать, у тех есть другая Эржебет? – спросила я.

Он пожал плечами.

– Что именно ты мне рассказываешь, Тристан?

– Ну... – Он выпрямился, поставил пиво на журнальный столик, уперся локтями в колени и взглянул на меня. – ИАРПА – Агентство передовых исследований в сфере разведки, которое до последнего времени всем этим делом руководило, – считает, что другие страны имеют или могут в скором времени получить доступ к... таким, как Эржебет. Каким-то образом. Чисто теоретически на данном этапе, но путешествия во времени были новой информацией, и внезапно кусочки головоломки начали складываться. Так что *на случай*, если некие страны нашли своих Эржебет и переносят людей в прошлое, где те что-то химичат, ДНР не хочет отставания в магической сфере.

– ДНР?

– Директор национальной разведки. Генерал Октавиан Фринк. Подчиняется непосредственно президенту. Директор ИАРПА подчиняется Фринку. Генерал Шнейдер, земля ему пухом, работал в секретном подразделении ИАРПА. А недавно – меньше суток назад, Стоукс, – ДОДО переехал наверх в организационной структуре. Теперь мы в прямом подчинении генерала Фринка с пунктиром к доктору Руджу в ИАРПА.

– Пунктиром?

– Это значит, что доктор Рудж – наш консультант. Мы держим его в курсе.

– Кто «мы»?

– Ну... меня произвели в подполковники и назначили и. о. руководителя Департамента осуществления диахронических операций. Мне поручено вывести ОДЕК и Эржебет на следующий уровень, сосредоточившись исключительно на путешествиях во времени.

Мгновение я была настолько ошарашена этим поворотом колеса Фортуны, что ничего не могла выговорить.

– Круто! Так ты... ты не вляпался?

– Я не вляпался, – ответил он с чуть заметной довольной улыбкой.

– Вау, Тристан!

Я дружески обхватила его за шею и притянула к себе. Тристан улыбнулся в ответ, но несколько скованно.

– Это замечательно! – продолжала я. – Эржебет больше не кобенится?

Тристан завел глаза к потолку, однако мне не показалось, что он слишком уж обеспокоен.

– Мы над этим работаем. Активу нравится, когда перед ней заискивают влиятельные мужчины в деловых костюмах. Она в восторге от Константайна Руджа, поскольку тот носит запонки и окончил Оксфорд. Думаю, я сумею определить курс.

– В таком случае поздравляю. Когда начинаете?

– Как только попадем в Вашингтон для присяги.

– Ты и Эржебет.

Тристан глянул на меня как-то странно.

– Стоукс. Мы будем перемещать людей *назад во времени*.

Он указал большим пальцем себе за плечо, как будто прошлое находилось там.

– Да, это я поняла.

– И?

– Что «и»?

– И кто, по-твоему, годится для путешествий назад во времени?

Я пожала плечами:

– Спортсмены? Убийцы?

Тристан только мотал головой.

– Историки?

– Стоукс! – Он рассмеялся. – Кто бы это ни был, ему придется действовать в обстановке, где никто не говорит на современном американском английском. Нам нужны лингвисты и полиглоты. Нам нужна... – Он указал пальцем, – ты.

Я вытаращила на него глаза. Подозреваю, челюсть у меня тоже отвисла.

– Ты нужна *мне*, – продолжал Тристан, понимая, что я онемела от изумления. – И я почти уверен, что другой работы у тебя сейчас нет.

Голова закружилась, и я, хоть и сидела, для надежности оперлась рукой на журнальный столик.

– Так что скажешь? – спросил Тристан, расплываясь в дружеской улыбке. – Возможности попрактиковаться в разговорном шумерском не обещаю, но кто знает.

Я чувствовала себя на вершине американских горок – вот сейчас меня понесет вниз, вниз по захватывающе крутому склону, будет весело и страшно. Только сумасшедшая могла согласиться на такое предложение.

– Ты хочешь отправить меня в прошлое? – услышала я свой голос, который показался мне чужим.

– Ну, не *навсегда*, – ответил Тристан. – Мне бы слишком сильно тебя не доставало.

Черт бы побрал его треклятую улыбку. И он даже взъерошил мне волосы, мерзавец.

– Когда отправляемся? – спросила я.

Часть вторая

Материализация – куда более сильное потрясение, чем все другие эксперименты, которые мы проводили в ОДЕКе. Я не только (как всегда) плохо соображала, кто я и где, но еще и очутилась на месте совершенно голой. Под открытым небом средь бела дня.

Я успела ощутить босыми ступнями теплую траву и тут же, не устояв на ногах, рухнула вбок. В ноздри мне ударил запах прогретого солнцем перегноя. Несколько мгновений я ничего не делала, только дышала. Сознание – «здесь и сейчас» человеческого разума – привязано к физическому окружению тысячами нитей, которых мы по большей части не замечаем, пока они вдруг не порвутся. Если взять современную аналогию, нечто похожее происходит, когда экскаватор случайно перерубит толстый подземный кабель, разом обрывая бесчисленные интернет-соединения и телефонные звонки. Наши чувства постоянно воспринимают картинки, звуки, запахи, тактильные ощущения. Когда ведьма вас *переносит*, все это рвется и ваш мозг не понимает, как ему работать, пока не вплетет себя в окружающую обстановку. На это уходит минута.

Солнце, пробивающееся сквозь древесную крону, согревало мне левый бок, правый ощущал неровности земли, кустики травы, веточки, корявые корни. Пока сознание привыкало к новой обстановке, я отметила, что не слышу постоянного фонового шума современной цивилизации. Воздух наполнился пением птиц и жужжанием насекомых.

Что-то просвистело прямо надо мной, и тут же раздалось негромкое «тюк». Я подняла голову и увидела, что из выступающего над землей древесного корня торчит стрела. Серое оперение все еще подрагивало. Если бы я не упала, она вонзилась бы в меня.

И тут же солнце заслонила нависшая надо мной высокая фигура. Голая, ошарашенная, безоружная, я никак не могла защититься от неизвестного. Эржебет отправила меня на смерть в точности как генерала Шнейдера. Какие мы были дураки, что ей поверили. Незнакомец переступил через меня одной ногой, да так и остановился, будто под ним никого нет. Край его длинного одеяния закрыл середину моего голого тела. Священник? Племенной вождь?

Однако фигура заговорила женским голосом, низким и строгим:

– Самюэль! На кроликов с луком не охотятся, на них ставят силки. Мы тебе уже говорили. Побереги стрелы для оленей и не балуйся с ними подле моего дома.

Английский явно родной, с ритмом почти как в аппалачском или ирландском.

Далекий голос, мальчишеский, принялся жалобно оправдываться.

– Самюэль, ничего такого ты не видел, это твое дурное воображение снова разыгралось. Ты не слушаешься. Ступай к матери.

Пауза.

– Ступай к матери, тебе говорю. За стрелой вернешься в другой раз. Найти ее легко – торчит из корня.

Затем, шепотом, в мою сторону:

– Не двигайся, пока я не скажу.

И снова громко:

– Самюэль! А ну уходи!

Новая долгая пауза, за время которой я немного собралась с мыслями. Колония Массачусетского залива. Август 1640-го. Деревня Грязная Речка, которую со временем переименуют в более благозвучный Бруклин. Да, все встало на свои места.

Наконец женщина отступила на шаг, и я смогла ее разглядеть. Она была пуританка, в длинной юбке, синем приталенном жакете и простом белом чепце. Плечи покрывал большой белый воротник. Я знала, как она будет одета, и все равно зрелище ошарашивало. Она не выра-

дилась на исторический фестиваль, она в том, что носит каждый день. Я здесь. Это действительно происходит.

На вид я дала бы ей лет сорок, но из наших разысканий знала, что ей чуть за тридцать. Женщина глядела на меня осуждающе.

– Зачем ты здесь? – строго спросила она. – Нам тут не место. Очень неосмотрительно с твоей стороны появиться там, где любой может увидеть тебя и причинить тебе вред. Другой раз стрела в тебя попадет. И мальчик тебя заметил. По твоей милости мне пришлось солгать, будто ему почудилось. Если он донесет, нас обеих повесят.

– Я... извините, матушка Фитч, я...

– Не вставай, – ответила она, ничуть не удивившись, что я назвала ее по имени. – Я принесу тебе что-нибудь прикрыться.

Она повернулась и пропала из моего поля зрения.

Я чуть приподняла голову. Тишина и птичье пение продолжали свой контрапункт, изда- лека доносились журчание и запах реки. В неподвижном воздухе висела влажная летняя тяжесть. Метрах в тридцати от меня стоял глинобитный дом под соломенной крышей, с малень- кой дверью, но без окон с этой стороны. На сотню шагов в обе стороны угадывались такие же строения. Земля была по большей части расчищена, кое-где из пашни торчали пни с узнавае- мыми следами топора, но несколько старых больших деревьев рубить не стали. Я лежала под одним из них, американским кленом.

За домом был разбит аккуратный огород, а дальше начинался густой лес – в основном дубы, изредка сосны. Мальчик, которого отчитала матушка Фитч, был во время их разговора справа от меня – на юге, сообразила я, наложив карту Грязной Речки на то, что вижу. Значит, он из семьи Григгзов. Самюэль Григгз... имя незнакомое, но я не заучивала наизусть всех жите- лей деревни. Только основные сведения, чтобы при необходимости выказать хотя бы общее знакомство. Может быть, он умрет в детстве.

В поселке жило меньше двухсот душ, так что я, разумеется, не надеялась сойти за мест- ную. Однако участки были большие – по двенадцать с лишним акров – и я могла рассчитывать, что попаду сюда незамеченной. Так и планировалось: я материализуюсь на участке у ведьмы (по крайней мере мы имели основания думать, что она ведьма) вдали от посторонних глаз. Отличный план, если бы не накладки.

Любезный читатель: накладки бывают всегда. Каждый раз, блин.

Матушка Фитч вернулась с тонким бурым одеялом и протянула его мне.

– Быстро заходи в дом. Мы с тобой одного роста, я тебя одену. А потом тебе надо будет быстро уйти, на случай если матушку Григгз науськает сынок и она сюда заглянет.

Пауза, пока я закутывалась в одеяло и осторожно вставала на ноги. Матушка Фитч не протянула руку, чтобы помочь, просто разглядывала меня оценивающе.

– Но перед этим ты расскажешь, зачем ты здесь.

– Я...

Она быстро скосила глаза вбок, приметив какое-то движение.

– В доме поговорим.

Ее осторожность казалась мне чрезмерной – мы были одни посреди сельской глуши. Однако я послушно закрыла рот и вслед за ней обошла дом мимо груды свеженаколотых дров, на которой лежал топор. По обе стороны от двери росли кусты розмарина, рядом белели ромашки. Удивительное совпадение: вход в подвал Ребекки Ист-Ода обрамляли те же расте- ния.

В доме оказалось куда приятнее, чем я ожидала. От утоптанного земляного пола исходила прохлада; угли в очаге еще тлели, но жарко не было, поскольку обращенная к югу дверь стояла открытой. Два окна – одно в восточной стене, другое в западной – были не застеклены, так что

помещение немного проветривалось. Рядом с очагом располагался открытый дверной проем в спальню.

Комната была обставлена по-спартански, вся мебель – деревянная, утилитарная, опрятная: две маленькие скамьи, табурет, один стол в середине и другой у стены; два сундука.

– Сядь, – сказала матушка Фитч, указывая на табурет.

Она ушла в спальню и через минуту вернулась с перекинутой через руку одеждой: длинной белой сорочкой без рукавов, красновато-бурыми жакетом и юбкой, воротником и длинным фартуком (в неотстиранных пятнах). В другой руке она держала полотняный чепец, мешочек с завязками и пояс.

– Лишнего корсета у меня, разумеется, нет, – сказала она. – Это лучшее, что я смогла для тебя собрать. Моя запасная нижняя юбка убрана, так что придется тебе обойтись без нее, и без чулок тоже. У меня есть запасные башмаки, стоптанные, но еще вполне годные. Они стоят у двери.

– Спасибо, – ответила я, принимая у нее одежду, и влезла в сорочку. – Понимаете, я не ведьма. Меня *перенесли* сюда ведьма, чтобы я выполнила поручение. Согласитесь ли вы мне помочь?

Матушка Фитч не ответила, только прищелкнула языком, давая понять, что просьба моя ей неприятна.

– Есть хочешь? – спросила она, как будто хотела увести разговор от магии. – Пить? У меня есть эль, и я могу стготовить тебе еды. Пшеницы дать не могу, муж заметит недостачу, но за маисом он так не следит.

– Маиса больше, поэтому он ценится меньше, – осторожно проговорила я, застегивая ворот сорочки.

– Да. – Она скрестила руки на груди и посмотрела на меня в упор. – Откуда ты знаешь? Ты тоже из этой колонии?

– Нет. Вы для меня... история.

Она понимающе кивнула.

– Так рассказать вам про мое поручение? – спросила я.

– Я не стану затыкать тебе рот. – Матушка Фитч подошла к бочке в углу, сняла деревянную крышку и, зачерпнув горсть дробленой кукурузы, насыпала ее в чугунок. – Но не жди от меня помощи. Колдовать здесь опасно. Все эти недоумки одержимы дьяволом. – Она подлила в чугунок пенистой жидкости из оловянного кувшина и сняла с круга над очагом ухват. Затем поворошила и раздула угли. – Каша в минуту не сварится. Успеешь все рассказать.

Невежливо было бы говорить это вслух, но есть я не спешила. Желудок бунтовал. Мы провели исторические изыскания в связи с гибелью генерала Шнейдера и выяснили, что после его недолгого пребывания в Надьбёржёне вспыхнула эпидемия – какая-то кишечная болезнь, унесшая заметное число жизней. Благодаря изолированности деревушки эпидемия дальше не распространилась, а выжившие селяне, разумеется, приписали ее колдовству. Однако урок мы извлекли: путешественник во времени может заразить людей прошлого болезнями, к которым у них нет иммунитета, и наоборот. Так что мне сделали все возможные прививки и накачали меня всеми известными науке противовирусными препаратами. Чтобы защитить жителей Грязной Речки, я пропила курс антибиотиков, которые убили все в моих внутренностях, а перед входом в ОДЕК меня с ног до головы обработали дезинфектантом. Я не знала, что будет, если съесть кашу матушки Фитч.

Я начала завязывать юбку на талии и уже открыла рот, чтобы продолжать, но матушка Фитч заговорила снова и одновременно подошла мне помочь.

– Они тут охотятся на ведьм, будто с цепи сорвались, потому что тридцать восьмой чуть нас всех не убил. Мы только-только начали строить дома и расчищать землю под огороды. Кукурузу пришлось сажать дважды, она гнила в мерзлой почве, потом весна выдалась слиш-

ком сырой, лето – слишком жарким, с нескончаемыми грозами, потом всю осень лили дожди, а в октябре лег снег. Многие другие поселения на реке Чарльз не пережили этого года. Дела матери-природы приписали колдовству, а спасение поселка – милости Божьей. На самом деле поселок спасла я, но соседи этого не знают и, надеюсь, никогда не узнают. Если бы они что-нибудь заподозрили, то не поблагодарили бы меня, а убили, потому что считают, будто колдовство – от дьявола. Глупые люди. – Она с силой затянула завязки у меня на талии. – В этом году они отлучили от церкви Энн Хатчинсон, а она была тут одной из лучших. И впустили в гавань невольничье судно. А еще называют себя христианами. Широковата ты в талии, для твоих-то размеров.

– Я в детстве не носила корсета. В мое время женщины их не носят.

Она удивленно хмыкнула и, продолжая свой монолог, помогла мне надеть жакет.

– Сами себя калечат. Уверена, ничего путного из этого места не выйдет.

– А тогда зачем вы сюда приехали? – спросила я.

– Хотела познакомиться с новыми ведьмами. Я из семьи хронистов и мудрецов, меня с детства поощряли учиться. Я надеялась сравнить свои знания со знаниями местных ведьм – уж наверняка они здесь должны быть. Мой муж никогда не был пуританином, но сочувствовал их взглядам, к тому же по своим причинам хотел убраться из Англии. Мы приплыли в Бостон, а затем при первой же возможности перебрались сюда. У меня были большие надежды. Однако колонисты – такие твердолобые ханжи, что никто из местных ведьм со мной и говорить не стал, а уж о колдовстве – тем паче. Боялись, что я стану отвращать их от старых богов и верований. Все из-за пуритан с их несносностью и неотвязностью. А тут столько растений, которые у нас в Англии не растут, я лстилась о них узнать, но никого не нашла, кто бы меня просветил.

Ровно этих слов я и ждала.

– Например, стебелист? – спросила я как можно небрежнее. – Или, может быть, вы называете его корень скво?

Матушка Фитч – она застегивала на мне жакет – замерла на миг, потом возобновила свое занятие.

– Откуда ты про него знаешь? Именно это растение занимает меня больше всего. Мне кажется, без магии всех его полезных свойств не раскрыть.

– И клюква, – добавила я. – Но с ней, наверное, разобраться легче.

– Клюква замечательная, – согласилась она. – Как и здешняя бузина, которую я знаю по ее английской родственнице. Но корень скво – это что-то совсем особенное.

– Он растет рядом с соснами. Это вы уже знаете?

Она кивнула, разглядывая меня с осторожным интересом. «Спасибо, Ребекка», – подумала я.

– Я много о нем знаю, – продолжала я. – Как и когда его собирать, какие части растения самые полезные. Мне много о нем известно, хотя, разумеется, не то, что можно узнать только с помощью магии, ведь я не ведьма. Но я могу вам помочь. Если вы мне поможете.

Чувствовалось, что предложение мое для нее соблазнительно, но осмотрительность пока перевешивает.

– Ты хоть понимаешь, насколько для нас обеих это опасно?

– Еще могу рассказать кое-что интересное про шлёмник. И про монарду.

Матушка Фитч мотнула головой.

– Их я уже знаю. У них нет того запаха, что у корня скво. Они лекарственные, не магические. А корень скво меня *зовет*. Но на неведомом языке.

– Это поправимо. Помогите мне исполнить поручение, и я, как вернусь, расскажу вам все, что знаю. А потом вы *перенесете* меня обратно.

– Хорошо, – сказала она, помолчав. – Как тебя звать?

– Мелисанда. Я не замужем.

– Я – матушка Фитч. Мое имя – Мэри.

– Знаю, – ответила я и коротко изложила мое поручение: добыть только что изданную Массачусетскую Псалтирь, запечатать в бочку для защиты от стихий и закопать в строго определенном месте на поле к северо-западу от поселка Кембридж.

Не любопытствовав, зачем мне книга и чего ради ее надо закапывать, матушка Фитч спросила:

– Почему именно там?

Я задумалась, насколько полно отвечать.

– Там будут жить ваши потомки. Люди, которых я знаю в моем времени. Им нужен экземпляр этой книги. Если я не... не отложу его для них сейчас, у них не будет способа его добыть.

К моему изумлению, она в ответ прыснула со смеху.

– Как же глупо было надеяться, что в такой глуши когда-нибудь расцветет культура! И как печально думать, что моим отпрыскам не хватит ума выбраться из этой дыры.

Я обиделась за город, в котором живу, и вспыхнула – очень неосторожно, поскольку о будущем говорить не следует.

– Кембридж станет одним из центров мировой учености. Он сравняется со своим английским тезкой... если не затмит его.

– Чепуха, – хмыкнула она. – Деревушка за частоколом. Запуганные глупцы. У них есть величайшее изобретение человечества – печатный станок! И что они тиснули? Никчемную религиозную книжонку. Единственная школа в Новом Свете, и чему там учат? Только религии. И только своей религии.

– Ну, по справедливости, если бы не их религия, ничего бы этого сейчас не было. Вас бы здесь не было.

– Я была бы в Виргинии, где одна религия – нажива, что хоть немного, да лучше, хотя тутошние обитатели страдают от этой религии больше, чем от христианства. Ладно... мы тебя одели, так что не будем мешкать. Скажи прямо, чего тебе от меня надо.

– Главное – чтобы вы *перенесли* меня обратно, когда я сюда вернусь. И буду признательна, если покажете, в какой стороне Кембридж.

– Это несложно. Тебе надо будет заплатить паромщику.

Матушка Фитч подошла к одному из сундуков у стены. На нем стояла шкатулка размером с хлебницу. Матушка Фитч открыла ее ключом, который носила на шее на кожаном шнурке, и вытащила два маленьких круглых предмета: один оказался свинцовой ружейной пулей, другой, посветлее и полегче, был больше размером и блестел, как отполированный.

– Это на переправу туда и обратно. Я дала бы тебе какой-нибудь обменный товар, но за ним муж следит, а он пропажу капустного кочана заметит, не то что чего другого.

– Можно попросить у вас лопату?

Она задумалась.

– Да. Но странно девушке идти одной, а уж тем более с лопатой. Скажи, что ты моя двоюродная сестра, недавно из Шропшира, а лопату возвращаешь дядюшке Портеру в Уотертаун, тебе все равно через него идти. Никто меня в Кембридже хорошо не знает, вопросов, на которые ответить не сможешь, тебе не зададут. Вроде там есть бочар, как раз неподалеку от книжной лавки. Чем ему заплатить, я тебе дать не могу, и как книгу будешь добывать, не знаю.

– О магической помощи мне вас даже не просить?

– Просить можешь что угодно, но я не стану рисковать. В Англии бы помогла, если бы считала, что дело твое правое. Здесь – нет. И все же удачи тебе. Видать, ты крепко хочешь добыть эту книгу, коли решилась сюда отправиться. Подкрепи силы маисовой кашей и уходи.

Заталкивая в себя невкусную кашу, по сравнению с которой манная – гурманское лакомство, я вспоминала, что должно произойти дальше. Правильнее сказать, перебирала в памяти то, что произошло раньше – то есть в будущем.

На следующий день после того, как я приняла предложение Тристана, сразу после рассвета вся команда собралась на Хэнсом-филд, базе ВВС и аэродроме к северо-западу от Бостона. До сих пор все мои воздушные путешествия начинались из аэропорта Логана, но оказалось, что пассажиры частных самолетов летают с Хэнсом-филд – и обитатели параллельного мира военных тоже. Я, Тристан, Эржебет, Ода-сэнсэй и, к моему удивлению, Ребекка погрузились в самолет, который на диаграмме Венна помещался на пересечении двух миров – маленький, восьмиместный, с армейской маркировкой. Мы еще не успели оценить всю его роскошь, как приземлились в национальном аэропорту имени Рейгана через реку от Вашингтона. В полете Тристан надолго монополизировал туалет и переоделся в форму – я впервые увидела его в этом облачении. Форма была парадная, с галстуком и всяческими нашивками и значками, которые для меня представляли тайный шифр. Выглядел он, если можно так сказать, бравым, но в сдержанном варианте.

Я думала, в аэропорту нас заберет правительственный микроавтобус, но вместо этого Тристан повел нас по пешеходному переходу к метро и раздал всем карточки.

– Быстрее, чем стоять в пробках – тут всего три остановки! – объяснил он.

Мы сели в поезд метро и через несколько минут проехали Кристал-сити. Когда объявили Трапецид-сити, я собралась выходить, но Тристан поймал мой взгляд и мотнул головой.

– Стоукс, Трапецид-сити – просто торговый центр, не то, куда мы едем. Если останется время, можем потом туда заскочить!

Эржебет дивилась на метро, а метро дивилось на нее. До сих пор мы не бывали вместе на людях, и у меня не было случая наблюдать, как реагируют на нее случайные незнакомцы. Читатель, думаю, что могу сказать без хвастовства: я не дурнушка. На меня смотрят, мне делают комплименты. Однако, сидя рядом с Эржебет в вагоне метро, я готова была поверить, что эликсир невидимости существует на самом деле и она подлила его мне в кофе.

Следующая станция называлась просто «Трапецид», но я и без того могла бы это угадать, потому что половина вставших и сошедших с поезда были в военной форме того или иного рода войск. Мы следом за Тристаном поднялись на эскалаторе в автовокзал, а оттуда попали в огромный современный КПП – отдельное здание, выстроенное на безопасном расстоянии от тусклого известнякового фасада самого Трапецида. Был утренний час пик, так что нам пришлось несколько минут простоять в очереди. Пока я глядела через парковку на прославленное здание, на меня накатило чувство нереальности, такое же сильное, как во всех экспериментах с ОДЕКом. Штаб американской армии, предполагаемый эпицентр любого неприятельского удара, Трапецид был для меня чем-то из области мифов. Подобно Олимпу или Стиксу, он бытовал как упоминание в книгах или фильмах и как синекдоха означал американские вооруженные силы в целом. Одиннадцатого сентября террористы избрали его одной из мишеней, и я со своего места видела часть мемориала на месте крушения самолета. Почему-то разочарованием стало увидеть его в реальности – по большому счету просто еще одно штабное здание с дверями и окнами, как у любого другого.

Поскольку у Эржебет не было нормальных документов вроде свидетельства о рождении, ее провели через отдельный вход вышедшие нам навстречу референты. Тристан пошел с ней. Мы, оставшиеся, предъявили водительские удостоверения, после чего нас просканировали на предмет спрятанного оружия. Специфический гардероб Эржебет – наследие пятидесятых – не оставлял места для тайников. Думаю, охрана просветила ее сумочку. Потом мы долго шли пешком – Эржебет на высоких каблуках и старенький Фрэнк Ода были не особо быстрые ходоки. Мы трюхали бесконечными коридорами в недрах Трапецида, пока не оказались перед эскалатором, который вывез нас в невероятно изысканную офисную зону.

– Острый угол, – пояснил Тристан. – Лучший, с видом на реку.

В любом другом месте он бы так и назывался – угловой офис на верхнем этаже. Все здесь было выдержано в приятном старинном стиле – стены обшиты деревянными панелями, на них картины: корабли эпохи парусного флота, Джордж Вашингтон в Вэлли-Фордж и тому подобное. Пройдя через двойной кордон секретарей и референтов и сдав наши электронные устройства, мы оказались в конференц-зале, где нас усадили и предложили каждому стакан воды со льдом. Эржебет потребовала воды без льда и сообщила все, что думает об идиотской американской привычке совать лед куда надо и не надо.

Мы прождали минут двадцать, что Тристана если и удивило, то самую малость. Затем другая дверь – не та, через которую мы вошли, – открылась. Вернее, ее открыл референт, и вошел человек в штатском. Даже я, уж на что мало понимаю в одежде, сразу поняла, что костюм на нем шикарный.

– Доктор Рудж! – произнес Тристан. – Рад снова вас видеть!

За Руджем вошли два референта в штатском. Пока Тристан нас всех знакомил, оба сели у стены и открыли ноутбуки.

– Пожалуйста, не вставайте, – проговорил Рудж с тем среднеатлантическим выговором, который у меня ассоциируется с Франклином Делано Рузвельтом и телеведущими середины двадцатого века. – Извините, что опоздал, но нас задержали в Западном крыле – сегодня там все идет с отставанием от графика. Доктор Стоукс! Очень приятно! Я столько о вас слышал и мечтал, если как-нибудь представится возможность, поговорить с вами о бретонском языке. Старые семейные связи – долгая история. А вы, должно быть, миссис Ист-Ода.

И так далее. Манеры у доктора Константайна Руджа были такие же безупречные, как его костюм. Лет сорока с небольшим, он держался как человек заметно старше, но стиль выбрал чуть более молодежный – волосы длиннее, чем у большинства мужчин в Трапецоиде, и очки в модной тяжелой оправе, которую я почему-то привыкла считать европейской. Его жовиальность оставила у меня странное чувство, будто я чего-то недопонимаю. Он правда знаменит? Влиятелен? Обладает властью? Позже я его загулила и узнала, что он учился в Йеле, был Родсовским стипендиатом в Оксфорде, стипендиатом исследовательских программ Фулбрайта и Лондонского университета – в общем, полный букет, но в интернете никогда особо не светился. Рудж возглавлял ИАРПА, Агентство передовых исследований в сфере разведки, которое, как многое в мире разведки, включало и военных, и гражданских. Он был начальником покойного генерала Шнейдера. Как уже объяснил Тристан, ему предстояло быть советником – «пунктир» в схеме организационной структуры – заново созданного ДОДО.

Так или иначе, он растопил сердце Эржебет, поцеловав ей руку (при этом он – совершенно случайно – дал ей возможность полюбоваться своими запонками) и приветствовал ее, как мне показалось, на вполне сносном венгерском. К моему изумлению, они даже обменялись несколькими словами на этом труднейшем языке, после чего Рудж сдался, принес извинения, что коверкает прекрасный мадьярский язык, и перешел на верхненемецкий. В какой-то момент он поймал мой взгляд и сказал:

– Доктор Стоукс приметит австрийский акцент. В молодости я несколько лет жил в Вене, писал диссертацию по международному банковскому делу. В процессе мне случалось часто ездить в Будапешт.

Говоря, он исхитрился легонько пожать плечами и завести глаза к потолку, так что все вместе прозвучало почти самоуничижительно.

Мне, в общем-то, было все равно, я видела одно: на взгляд Эржебет он – единственный сколько-нибудь воспитанный человек в помещении, то есть единственный, кто старается ей угодить. Тристан дважды глядел на часы; во второй раз он поднял брови и шепнул мне: «Похоже, Стоукс, за покупками мы все-таки не успеем!»

Наконец появился генерал Фринк в сопровождении помощников: некоторые были в гражданском, другие – в форме различных служб. На каждом лацкане у него было по три звезды, и даже я поняла, что это большая шишка. Мне незачем было его гуглить: со слов Тристана я знала, что он – директор национальной разведки, подчиняется непосредственно президенту. Начальник Руджа, а теперь и Тристана. Он на ходу разговаривал с двумя членами свиты и, кажется, даже не заметил, что вошел в другое помещение, где есть какие-то люди. Команда на минуту окружила его плотным кольцом, словно футболисты – тренера, продолжая пересыпанное аббревиатурами обсуждение, которое нас не касалось. Затем половина референтов стремительно вышла из конференц-зала. Из оставшихся некоторые сели у стены. Генерал Фринк плюхнулся грузным задом на стул, придвинутый младшим офицером. Для Тристана это, видимо, был сигнал сесть: с самого появления генерала он стоял по стойке «смирно», ожидая, когда его заметят.

Референт в штатском положил на стол перед генералом Фринком лист бумаги. Фринк сунул руку в нагрудный карман формы, жесткой от орденских колодок, вытащил очки для чтения, надел и с минуту изучал бумагу, прежде чем поднял взгляд и заметил нас.

– Да, – сказал он. – Департамент осуществления диахронических операций.

Он обвел глазами сидящих за столом и, надо отдать должное его самодисциплине, лишь чуть-чуть задержал взгляд на Эржебет. Штатский что-то зашептал ему в ухо, и я вроде бы различила слово «Актив» – так покойный генерал Шнейдер называл Эржебет. Фринк вновь покоился на нее, кивнул. Некоторое время он молча размышлял, затем, после тяжелого вздоха, начал:

– Я, ребята, столько себе крови попортил, пока вас выгораживал, что, если бы не нависался за время службы в разведке чего поудивительнее, давно бы слил ваш проект в толчок. Но все указывает, что в нем есть здоровое зерно. Роджер Блевинс вас поддержал, а это дорогого стоит.

– Роджер Блевинс?! – выпалила я.

Наступило недолгое молчание. Все опешили – а я больше всех. Вообще мне не свойственно ляпать что-нибудь не к месту, но от этого имени в таком контексте трудно было не изумиться. Тристан незаметно пнул меня под столом.

Референт в штатском – бугай лет тридцати с небольшим, с волосами, густо намазанными гелем, – вновь что-то зашептал генералу на ухо.

– Вы Стоукс, – сказал тот. – Роджер ваш наставник. В Гарварде.

Тут я просто утратила дар речи, но Тристан на всякий случай еще раз пнул меня под столом.

– Генерал Фринк, если позволите, я объясню. Доктор Стоукс немного удивилась, услышав фамилию доктора Блевинса, поскольку не знала о его участии в программе. Соображения секретности.

– А, ясно. Очень хорошо, Стоукс. Миз Стоукс, связь давняя – мы с Роджером вместе учились. И когда появились первые исторические аномалии, он вместе с доктором Руджем вошел в созданный нами мозговой трест для поиска объяснений.

Я еще долго не смогла бы проронить ни слова, но, с точки зрения Фринка, лед был сломан. Он снял очки и, вертя их в руках, пустился в длинное объяснение, что такое магия и почему Соединенным Штатам важно избежать «магического отставания».

– Извините, – резко перебила Эржебет, когда Фринк забрел в изложение многомировой интерпретации квантовой теории, абсолютно кривое даже на мой несведущий взгляд. – Неужели вы потратили день моей жизни и *немалые* средства налогоплательщиков, чтобы доставить меня в своем дурно пахнущем аэроплане сюда, в эту комнату, где даже не потрудились представиться... с единственной целью сообщить *мне*, кто я такая и почему вам это важно? Так у вас тут делаются дела?

Впервые я была благодарна Эржебет за ее... эржебетность. Фринк глянул чуть обиженно и попытался продолжить монолог, обращаясь теперь исключительно ко мне, но ее не так-то просто было заткнуть.

– Я задала прямой вопрос. – Эржебет поднялась со стула и встала передо мной, чтобы перехватить его взгляд. – Неужели вы не способны ответить «да» или «нет»? – Она возмущенно посмотрела на Тристана. – Не работайте на этого человека. Он безмозглый идиот.

Три минуты она отчитывала Фринка так, что тот наконец сдался, встал и нехотя пожал нам руки. За это время я также узнала, как зовут бугаистого референта: Лес Холгейт. Он ходил и жал всем руки с бодрой энергией человека, пересмотревшего бесплатных вебинаров о необходимости неформального общения в коллективе.

На Эржебет это не подействовало: вежливость Фринка была недостаточно пылкой, а Лес Холгейт переигрывал. Мы все сели обратно. Фринк заговорил снова и объяснил, как тут делаются дела, в том числе кратко ознакомил нас с концепциями затягивания поясов и ответственности за каждый цент. На это Эржебет вновь резко осведомилась, почему деньги налогоплательщиков потратили на то, чтобы доставить четырех человек к нему, хотя дешевле было бы ему сесть на обычный рейс и доехать на метро до Централ-сквер, а сэкономленные деньги употребить на общественное благо? Я никогда бы не заподозрила ее в таких уравнилельских взглядах. Впрочем, с тех пор она ни разу при мне их не высказывала, так что тогда, возможно, просто нарочно вредничала.

Обычно проповеди о затягивании поясов читают перед тем, как сообщить плохие новости. И впрямь, Фринк сообщил, что денег нам дадут мало и наша задача – на эти деньги сделать магию самофинансируемой.

Обеспокоенная Эржебет умерила гонор и очень доходчиво объяснила, почему не будет превращать воду в вино и свинец в золото – не говоря уже о плутонии. Она толковывала, что колдовство не применялось так ни в какие эпохи, иначе оно давно уничтожило бы человеческий род.

– И правильно, к чертям золото! – воскликнул Лес Холгейт. – Есть нечто куда более ценное: акции «Майкрософт». Почему бы не вернуться в восьмидесятые и не прикупить немного?

Эржебет набрала в грудь воздуха, чтобы стереть Холгейта в порошок, но доктор Рудж остановил ее несколькими словами на венгерском.

– Мисс Карпати, позвольте мне. – Он перенес внимание на Холгейта. – Лес, это все было в информационных документах. Возможно, ты не успел их просмотреть. Знаю, ты предпочитаешь презентации в «Пауэрпойнте».

Сказано это было так благодушно, что лицо Холгейта начало багроветь лишь несколько секунд спустя.

– Перенесение – то есть перемещение субъекта в ВиМН, или время и место назначения, – процесс, основанный на магии, – продолжал Рудж. – А значит, деец – диахроническая действующая единица – может быть перенесен в такое место и время, где магия работает. Между тысяча восемьсот пятьдесят первым годом и сегодняшним днем магия не работала нигде. Самый поздний ВиМН, куда мы можем переносить людей, – конец июля тысяча восемьсот пятьдесят первого. Майкрософтовский гамбит не сработает. И вернуться в прошлое и убить Гитлера мы тоже не можем.

Холгейт не до конца понял, насколько доктор Рудж втоптал его в землю, так что попробовал новый заход:

– Отлично, значит, надо вернуться в прошлое и вложиться во фьючерсы на китовый жир или что-нибудь в таком роде.

– Примерно это мы и собираемся сделать, – сказал Тристан. После чего изложил гамбит с Массачусетской Псалтирю.

Несколько лет назад в церковном подвале нашли экземпляр этой книги 1640 года – первой книги, отпечатанной в Северной Америке, – и продали на аукционе за миллионы долларов. Тристан предлагал вернуться в прошлое, раздобыть еще экземпляр, спрятать где-нибудь, где мы сумеем найти его в настоящем, и выставить на торги. Операция представлялась довольно простой: не надо никого убивать или как-то еще сильно вмешиваться в историю. Всё в окрестностях Бостона. А выручка обеспечит работу ДОДО почти на год.

Генерала Фринка идея привела в восторг. Доктор Рудж в качестве советника задал несколько толковых вопросов про финансовую сторону операции, затем одобрительно кивнул. На этом Фринк быстренько свернул совещание и велел нам возвращаться в Кембридж – готовить теоретическую базу для своей авантюры.

Через несколько минут, воссоединившись со своими электронными устройствами, мы прошли обратный досмотр на пропускном пункте и спустились на эскалаторе в метро. Мы даже успели забежать в торговый центр Трапецид-сити, где в ресторанном дворике молодой человек – только что из дорогого косметического бутика – попросил у Эржебет автограф. Кто она такая, он не знал, но решил, что непременно кинозвезда.

Гамбит с Массачусетской Псалтирью был для нас всех новостью. Однако по пути домой Ребекка сделала сразу несколько очень дельных предложений. Я-то думала, она с нами поневоле, только потому, что Фрэнк ничего без нее не делает, а она не может ему отказать. Но за время обратного перелета Ребекка поделилась с нами недавно возникшим подозрением, что ее повешенная в Салеме прародительница и вправду была ведьмой.

Когда мы вернулись в Бостон и Ребекка добралась до генеалогических записей, ей удалось проследить родословную несчастной еще на полвека назад, до Грязной Речки, деревушки неподалеку от Бостона. Мы, конечно, не могли знать, была ли матушка Фитч ведьмой, даже если бы не сомневались насчет ее внучки Мэри Исти. Эржебет говорила о наследственной природе магии небрежно и неопределенно, но когда Тристан потребовал прямого ответа, ответила, что магия *вроде бы* передается по женской линии, хотя многие ее знакомые ведьмы получили эту способность от бабки по отцу. Поскольку матушка Фитч приходилась матушке Исти бабушкой по матери, у нас были неплохие шансы на успех, пусть и не стопроцентная уверенность.

Где закопать книгу, тоже придумала Ребекка. Как владелица старейшего дома в округе, она знала местную историю вплоть до основания Кембриджа – в ту пору поселка, о котором матушка Фитч только что отозвалась с презрительной насмешкой. В сегодняшнем заднем дворе Ребекки лежал огромный валун – единственная неизменившаяся топографическая примета на весь квартал. В колониальные времена у его восточной стороны протекал ручей, но ему предстояло пересохнуть через год-два, когда на Уотертаунской дороге поставят мельницу и поток повернут, чтобы вращать колесо. Мы договорились, что я в 1640-м закопаю книгу у западного края валуна, на расстоянии моей вытянутой руки и на такой же глубине.

Мы с Ребеккой изучили, что мне потребуется, чтобы сойти за хронологически местную – в смысле одежды, речи, правил поведения, а Тристан выяснил, во что упаковать книгу, чтобы она пролежала под землей несколько веков. Он пришел к выводу, что из доступных в то время средств наилучшие шансы дает водонепроницаемый бочонок с мукой или сухим песком.

Я запомнила наизусть все, что мы с Ребеккой узнали, и приготовилась быть первым дейцем (диахронической действующей единицей), отправляющимся в прошлое на первое дело (или, как мы писали, ДЭЛО – диахрон-эффект локальную операцию) под знаменем ДОДО.

Затолкав в себя маисовую кашу (которая теперь тяжелым комом лежала в моем стерилизованном желудке), я встала, и матушка Фитч отвела меня к небольшому хлеву неподалеку от дома. Несколько овец и угрюмая корова без любопытства наблюдали, как матушка Фитч выбирала мне лопату из ряда аккуратных садовых инструментов.

– Мой муж и сын с телегой в полях, но дядюшка Григгз в это время ездит к переправе. Я попрошу его тебя подвезти, а то там пешком почти час.

Дядюшка Григгз был точь-в-точь из массовой к историческому фильму: темный дублет, короткие штаны, широкополая шляпа и воротник вроде салфетки, какую кладут на плечи в парикмахерских. Фермер, как и все в поселении, немолодой. Он глянул на меня мельком, потом присмотрелся внимательнее, словно не веря своим глазам, и тут же отвел взгляд. Я было испугалась, что меня разоблачили, однако он ничего не сказал. От него исходило напыщенное самодовольство, свойственное фундаменталистам, и я мысленно повторила зазубренные цитаты из Библии, чтобы при необходимости продемонстрировать свою пылкую веру. Однако дядюшка Григгз оказался молчуном. Когда матушка Фитч меня представила, он недовольно засопел, но подвезти не отказался. Впрочем, подсаживать меня на телегу, заставленную бочками с кукурузой и тыквами, он тоже не стал – пришлось залезать самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.